

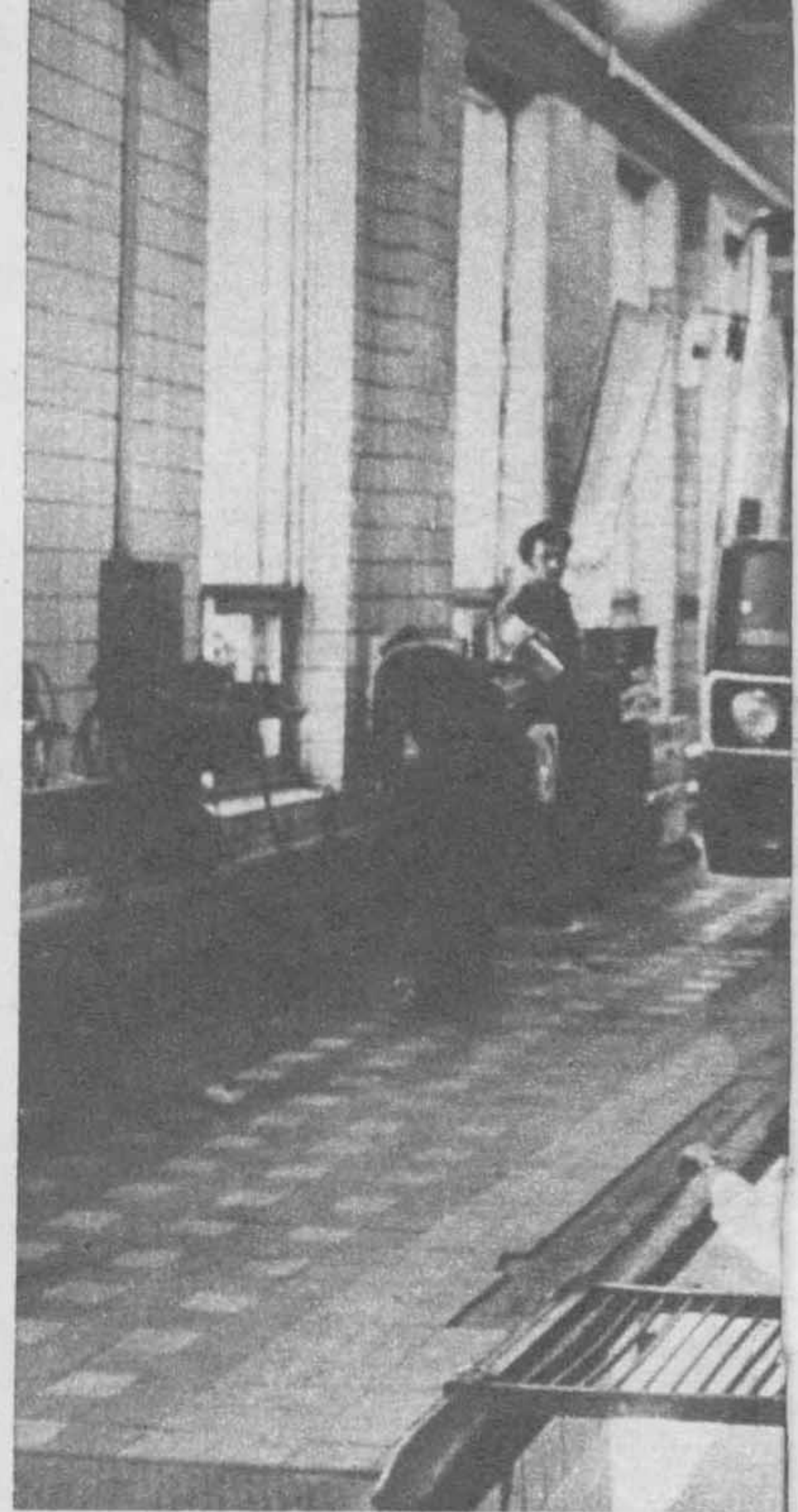
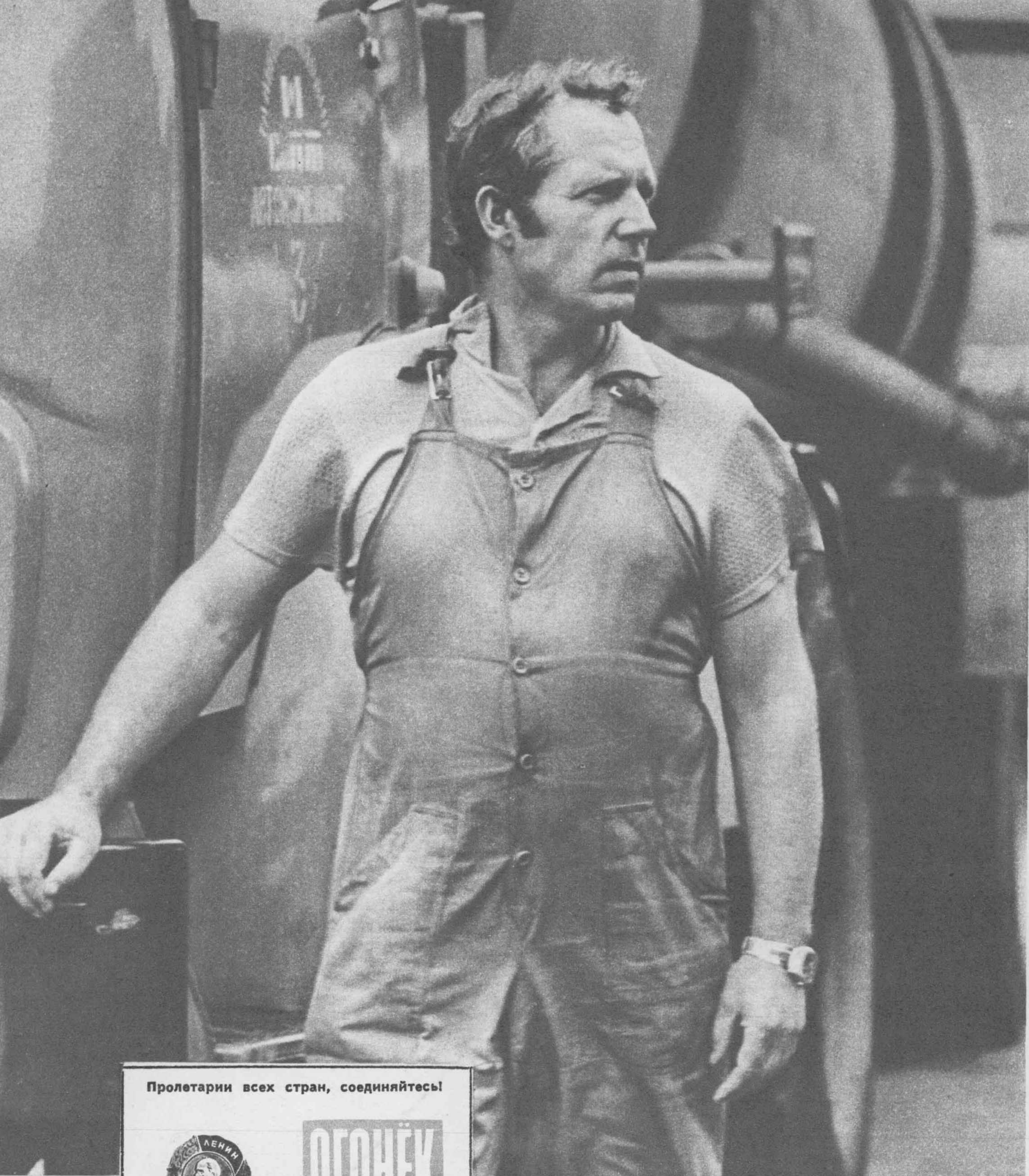

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 33 АВГУСТ 1981

Водитель Альберт Александрович Гаринин — мастер спорта СССР по автомобилизму.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 33 (2822)

15 АВГУСТА 1981

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1981

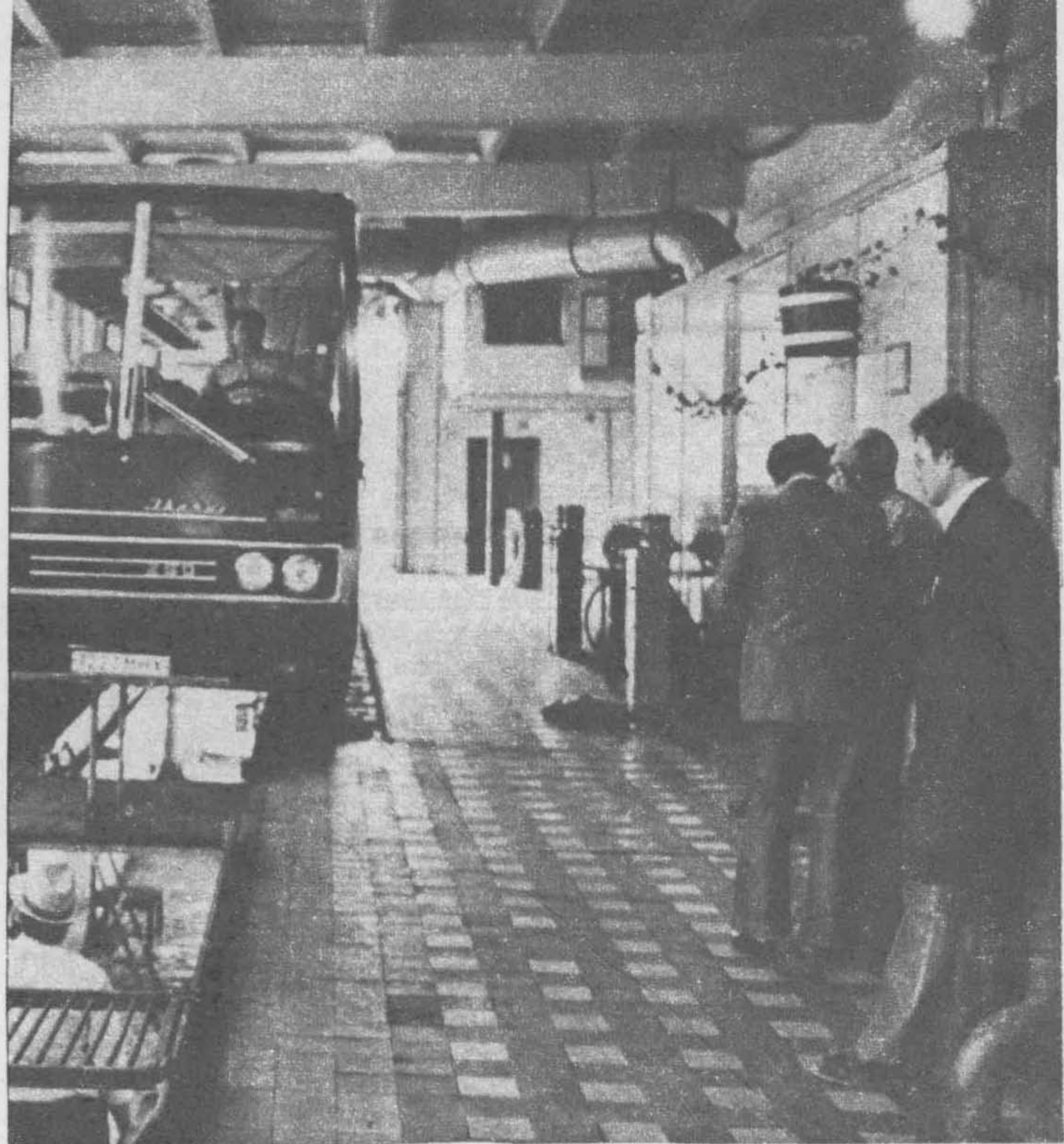
Николай БЫКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

БОЛЬ

Здесь «Икарусы» и грузовики отдыхают, моются, лечатся.

Станция диагностики — емкая
копилка автокомбината № 3.

Такие бензовозы очень экономичны.

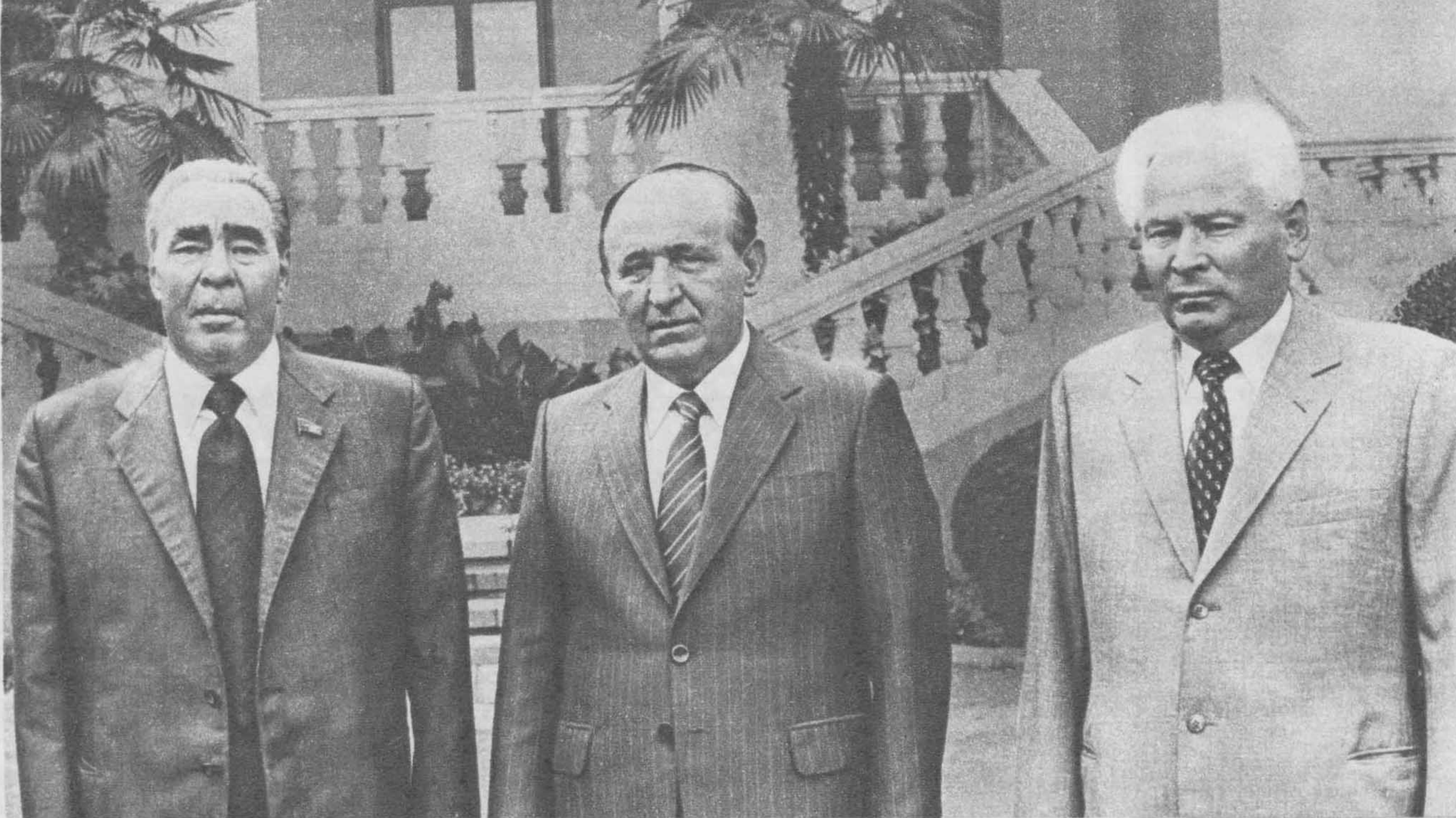

Алексей Михайлович Бесчастнов, депутат Моссовета.

ШОЙ ПРОБЕГ

бережливость: разные аспекты

Во время встречи.

Телефото
спец. корр. ТАСС
В. Мусаэльяна

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Т. ЖИВКОВЫМ

7 августа в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым, прибывшим в Советский Союз для кратковременного отдыха.

Л. И. Брежнев и Т. Живков информировали друг друга о политико-организаторской и

идеологической работе КПСС и БКП, о ходе реализации решений XXVI съезда КПСС и XII съезда БКП.

В ходе встречи были намечены новые меры по углублению сотрудничества СССР и НРБ в экономической области.

Л. И. Брежнев и Т. Живков обсудили актуальные международные проблемы.

Встреча Л. И. Брежнева и Т. Живкова прошла в атмосфере дружбы и братства и была отмечена полным единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Во встрече приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, помощник Генерального секретаря ЦК БКП С. Правчанов.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Ю. ЦЕДЕНБАЛОМ

10 августа в Крыму Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала Ю. Цеденбалом, находящимся на отдыхе в Советском Союзе.

На беседе рассматривались коренные во-

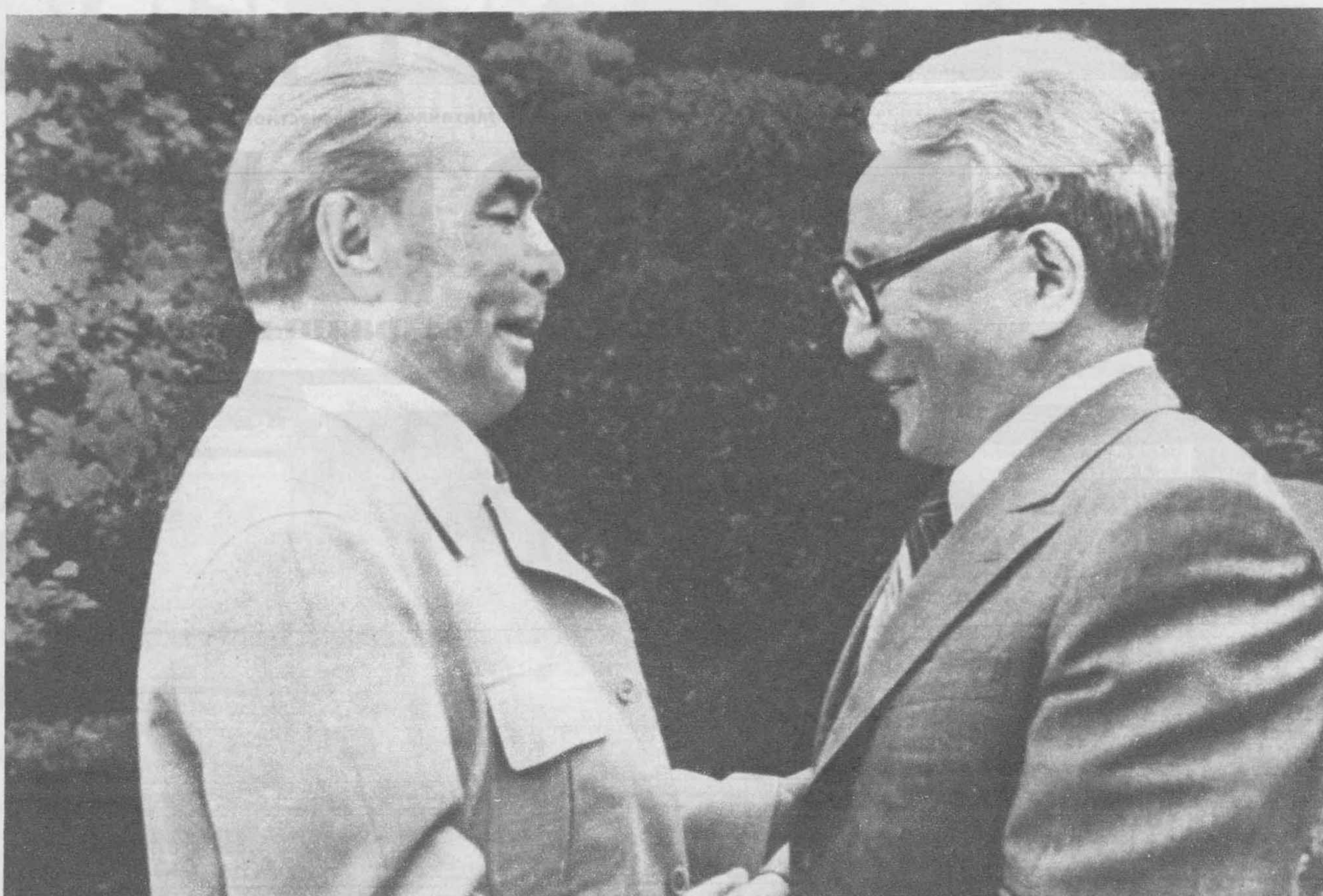
просы советско-монгольского сотрудничества в текущем пятилетии.

При обсуждении международных вопросов Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал обстоятельно остановились на положении в Азии. Политический вес Азии и ее роль в международных делах растут. СССР и МНР считают это вполне естественным. Они убеждены, что азиат-

ские государства способны эффективно содействовать общему оздоровлению международной атмосферы.

Забота о мире — это главная забота народов всех континентов. Коммунистическая партия Советского Союза и Монгольская народно-революционная партия вместе со всеми братскими партиями исполнены решимости настойчиво добиваться того, чтобы военная угроза отступила и процесс разрядки обрел должный размах, глубину и динамизм.

Встреча Л. И. Брежнева и Ю. Цеденбала прошла в братской атмосфере и характеризовалась полным взаимопониманием по всем вопросам.

Во время встречи.

Телефото
спец. корр. ТАСС
В. Мусаэльяна

Начало см.
на 2-й стр.
обложки.

БОЛЬШОЙ ПРОБЕГ

Двадцать часов в сутки, никак не менее, вращается в двух встречных направлениях одновременно гигантский маховик Садового кольца Москвы. Не перечислить всех марок большегрузных автомобилей, которые глаз выхватывает из этого потока. Они развозят по заводам, фабрикам, стройкам все, что нужно промышленности восьмимиллионного города, его жителям.

Провожая взглядом автопоезд со стальными газырями кислородных баллонов, думаю о хорошо знакомом водителе Алексее Михайловиче Бесчастнове. Он тоже перевозит кислород — многоадресной столичной и подмосковной клиентуре. Каждодневно, по графику, много лет. В своей книге А. М. Бесчастнов писал: «Техническое состояние нашего автопоезда после пробега 300 тысяч километров без капитального ремонта и замены двигателя, а также значительная экономия лимита запасных частей позволили нам принять дополнительное обязательство — довести пробег без капитального ремонта до 350 тысяч километров. Это обязательство было нами выполнено в апреле 1974 года. Мы планировали и дальше работать на автопоезде, но знаменательное событие изменило наши планы. В июне того же года с конвейера прославленного завода имени И. А. Лихачева сошел миллионный автомобиль семейства ЗИЛ-130. Честь водить юбилейный автомобиль оказали нашему экипажу — Владимиру Ивановичу Иванову и мне...»

Поздно вечером Алексей Михайлович возвращается в гараж головного автокомбината № 3 объединения «Мосснабпромтранс». На кабине заметно поизносившейся машины все та же — юбилейная — марка: «1 000 000 автомобилей...» И уж коли говорить о разных аспектах бережливости, то, конечно, разговор лучше начать с поучительного опыта А. М. Бесчастнова.

— Так, без капиталки, и работаете?

— Ну что вы! Практически все ресурсы автомобиля давно вышли. Но душа осталась! Душа и кабина, конечно... Пошел восьмой год, как вместе мы. Позади более семисот тысяч километров: вот они на спидометре. Но учитывать надо еще и коэффициент нашей грузоподъемности, у нас ведь автопоезд. Есть такое понятие, как топливный эквивалент, он всех уравнивает. Поэтому считаю, что миллион километров уже пробежал миллионный ЗИЛ... Можно сказать, машина дважды подлежала списыванию, она все свое отдала... Но, как видите, бежит. Так что одна капиталка была.

В чем же секрет автомобилей-долгожителей? Алексей Михайлович ответил просто: «Машину надо чувствовать...» Но любое чувство — из области эмоций и весьма далеко от категорий экономических. Тогда водитель-ас уточнил: «Я имел в виду как бы шестое чувство — ощущать постоянно, где и на чем теряешь, когда и на чем приобретаешь!.. У некоторых это чувство врожденное, но большинство еще надо воспитывать в духе бережливости. Экономический ликбез следует прописать каждому, кто эксплуатирует технику...»

— Каждому? Да, — согласился с Алексеем Михайловичем главный инженер Е. И. Козаревский, — в объединении четыре тысячи грузовых автомобилей десятков марок да еще пятьсот современных комфортабельных автобусов для перевозки авиапассажиров. Прикиньте, это почти десять тысяч водителей!..

Но далеко не каждый из них «чувствует машину». Рубль чувствует, а машину не понимает, насылует ее нещадно, да еще, бывает, в сугубо личных интересах. Вот на головном автокомбинате, № 3, и во всех его филиалах и внедряется «экономический лик-

без»: система такой материальной заинтересованности, при которой водителю выгоднее не левый рейс или «необилеченный» пассажир, а хозяйское отношение к бензину и дизельному топливу, к свечам и другим запасным деталям, частям. И теперь, например, расход тех же свечей за год сократился втрое. Здесь внедрены так называемые «карты ресурса» автомобилей. Их анализирует группа хозрасчета. Из анализа видно каждому, что многие вдвое снизили расход на запчасти. Бережливость постепенно становится здесь законом. Заключаются многообязывающие договоры о научно-техническом сотрудничестве, а также — между водителями и автопредприятиями — о нормах эксплуатации техники, внедряется опыт лучших водителей, личный опыт П. Д. Петрухина, А. А. Гаранина, Е. В. Маратканова... Начальник планово-экономического отдела Л. Г. Алексеева показала мне, что в головном автокомбинате за пробег в 350 тысяч километров без капитального ремонта борются почти девятьсот водителей, то есть более восьмидесяти процентов тех, от кого зависит и качество работы, и целесообразность эксплуатации, и результаты экономии. За годы минувшей пятилетки экономия горючего, автопокрышек, электроэнергии, теплотехники, от предложений рационализаторов в сумме дала почти четыреста соток тысяч рублей. Это реальный рост прибыли. А десятая часть их непременно остается в коллективном «кармане» автообъединения. Вот откуда и новое жилье, и улучшение условий труда, и спорткомплекс, и плавательный бассейн, который строят на месте поглощенной столицей деревеньки Нижние Лихоборы...

Из чего же конкретно складываются миллионные накопления? Алексей Михайлович, например, многие годы работает с прицепом, а это значит, что за рейс он перевозит не шесть тонн балло-

нов в кассетах, а десять. При всех прочих равных затратах. А. А. Гаранин, получив новый бензовоз на базе КамАЗа, перевозит теперь за рейс не восемь тонн горючего, а в три с лишним раза больше. Специализация автоколонн, их концентрация тоже дали ощутимый эффект экономичности всего дела промснабжения Москвы.

— Все поддается счету, а мы иногда непростоительно шляпим, — сказал генеральный директор И. И. Фрумин. — Но шляпать с некоторых пор стало невыгодно. Прибыль же дают и централизация диспетчерской службы, и замена кладовщиков автоматами в складских помещениях, и ликвидация утечки горючего на всех без исключения бензоколонках столицы, и новенькая — с иголки — станция диагностики (только регулировка точности зажигания снизила вдвое пережог бензина).

«Прибыль надо получать красиво!» — кредо генерального директора. Красиво — значит не за счет «давай-давай», а за счет технологического перевооружения и повышения уровня обслуживания автомобилей до мировых стандартов. И еще — надо премировать, всячески отличать тех людей, кто научился считать и приумножать прибыль автопредприятия. «Премия — это не расход, а скрытая прибыль на завтра», — убежден И. И. Фрумин.

Сегодня стержнем экономической политики становится будничное, хозяйское отношение к общественному добру, умение полностью, целесообразно использовать все, что у нас есть. Да ведь не каждый знает, не каждый из нас осознал, вычислил, пережил как кровное, что один процент экономии в советском народном хозяйстве увеличивает национальный доход на 6 миллиардов рублей. Так что усилия стоят свеч. И автомобильных в том числе. В этом случае кавычки ни к чему.

КЛУБ РАБКОРОВ

Для В. А. Радченко, генерального директора ленинградского производственного объединения «Звезда», новый год начинается обычно... с пресс-конференции — выступления перед рабкорским активом многотиражной газеты «Знамя». Беседа протекает, что называется, в неформальной обстановке, случаются и горячие споры, для директора многие узловые проблемы объединения предстают в новом, необычном свете, ну, а в блокнотах рабкоров появляются адреса будущих рейдов.

Подобные встречи — одна из традиций клуба «Правдист», организованного при редакции заводской газеты. Клуба, весьма примечательного и широкой интересом его участников и подлинной активностью объединенных им людей, относящихся к журналистике как к своей второй профессии. Совет бригадиров, штаб экономии, посты действенности, совет по воспитанию на революционных и трудовых традициях — вот названия лишь некоторых его секций и соответственно направлений работы.

«Правдист», успешно решая производственные вопросы, вместе с тем стал для многих и центром духовного общения. Популярны на предприятии устные выпуски, организуемые клубом. Для участия в них приглашаются известные ученые, деятели искусства, новаторы, спортсмены, коллеги-журналисты из центральных газет. Но еще «правдисты» обладают счастливым даром искать и находить интересных людей прежде всего в своем коллективе, таких, например, как ветеран бронетанковых войск, участник штурма Берлина Н. И. Комендантов, первоцелинница В. И. Кушнарева, супруги Ю. Ф. и Е. Ф. Скворцовы. Шестнадцать лет на-

зад они стали счастливыми родителями братьев-тройняшек. И с первых дней шефство над малышами взяла... многотиражная газета. Каждый год на ее страницах публиковались репортажи, зарисовки, снимки, рассказывавшие о жизни этой дружной семьи. И недавно, получив паспорта, Виталий, Сергей и Константин пришли вместе с родителями в клуб. Его председатель Герой Социалистического Труда бригадир Е. А. Артемьев рассказал собравшимся об истории этой шестнадцатилетней дружбы, поблагодарил родителей за хорошее воспитание сыновей.

Подобные сюжеты не выдумашь. Они приходят из жизни. И не по сценарию, а по велению сердца вечер, посвященный обсуждению книги Л. И. Брежнева «Целина», закончился несколько неожиданным для литературного собрания решением — досрочно выполнить заказы для села. А воспоминания ветеранов о первом стахановце завода, 18-летнем Валентине Авдеенко, дали толчок кропотливой поисковой работе комсомольцев, пионеров подшефной школы — работе, позволившей восстановить короткую, но яркую биографию удивительного человека, отдавшего свою жизнь за свободу Родины. Сегодня за приз его имени соревнуются лучшие бригады, он навечно зачислен в состав многих из них, и на далеком БАМе дают свет сверхплановые дизельные электростанции, построенные в честь героя.

В общем, ни одно доброе дело не обходится на «Звезде» без участия рабкоров. Воспитав десятки надежных помощников, заводская газета стала лауреатом почетной премии М. И. Ульяновой, присуждаемой Союзом журналистов СССР. Ну, а «Правдист» в майские дни отмечал свой первый юбилей — ему исполнилось пять лет.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
соброр «Огонька»

Заседает клуб рабкоров «Правдист». В центре — председатель клуба Герой Социалистического Труда Е. Артемьев.

Фото Ю. Щенникова

МНОГОМИЛЛИОННЫЙ ОТКЛИК

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Фото АП — ЮПИ — ТАСС

Прошло около полутора месяцев, как Верховный Совет СССР принял обращение «К парламентам и народам мира». Этот призыв к активным действиям во имя мира и международной безопасности, к тому, чтобы высокий авторитет и возможности парламентов были использованы на благо мира и международного сотрудничества, нашел отклик в сердцах миллионов и миллионов. Обращение к парламентам и народам мира встречено с огромным вниманием и интересом во всех странах. Повсюду отмечается своевременность призыва активизировать борьбу за предотвращение ядерной войны.

На пресс-конференции в Москве, прошедшей в Пресс-центре МИДа на Зубовском бульваре, перед советскими и иностранными корреспондентами выступили советские парламентарии,

ФРАНЦИЯ

НА МАРШЕ—МИР

Позади свыше 1200 трудных километров по дорогам Дании, ФРГ, Голландии, Бельгии и Франции. И вот теперь Париж принял на несколько километров растянувшуюся колонну участников «Марша мира-81». Над головами людей разных национальностей, но объединенных одним страстным стремлением — не допустить ядерной катастрофы на планете, лозунги и транспаранты: «За мир без ядерной бомбы», «Не допустить размещения в Европе новых американских ядерных ракет», «Устранить угрозу войны», «Нет — термоядерному оружию на европейском континенте».

Борцы за мир везде собирали тысячи людей на митинги, демонстрации и собрания, требовали немедленного начала переговоров по ядерным ракетам средней дальности в Европе, разоблачали опасные планы НАТО и Пентагона, заявляли о своей поддержке советских внешнеполитических инициатив по превращению всего европейского континента в зону мира, безопасности и добрососедства.

Свыше месяца провели участники похода на марше. А началась эстафета мира с призыва простой норвежской женщины Эвы Нурдланд к женщинам скандинавских стран пройти по городам Западной Европы с протестом против размещения новых американских ядерных ракет в Европе. Это обращение было поддержано всеми людьми доброй воли, всеми, кому дорог мир на земле.

В своем приветствии к участникам «Марша мира-81» Л. И. Брежнев указал, что инициатива участников марша воплотила в себе растущий протест народов Европы против опасности превращения западноевропейских стран в полигон всеуничтожающей ядерной войны.

На снимке: участники марша на дорогах Франции.

Американская военщина, разрабатывая планы новых агрессий в различных районах мира, придает все большее значение военно-морским силам.

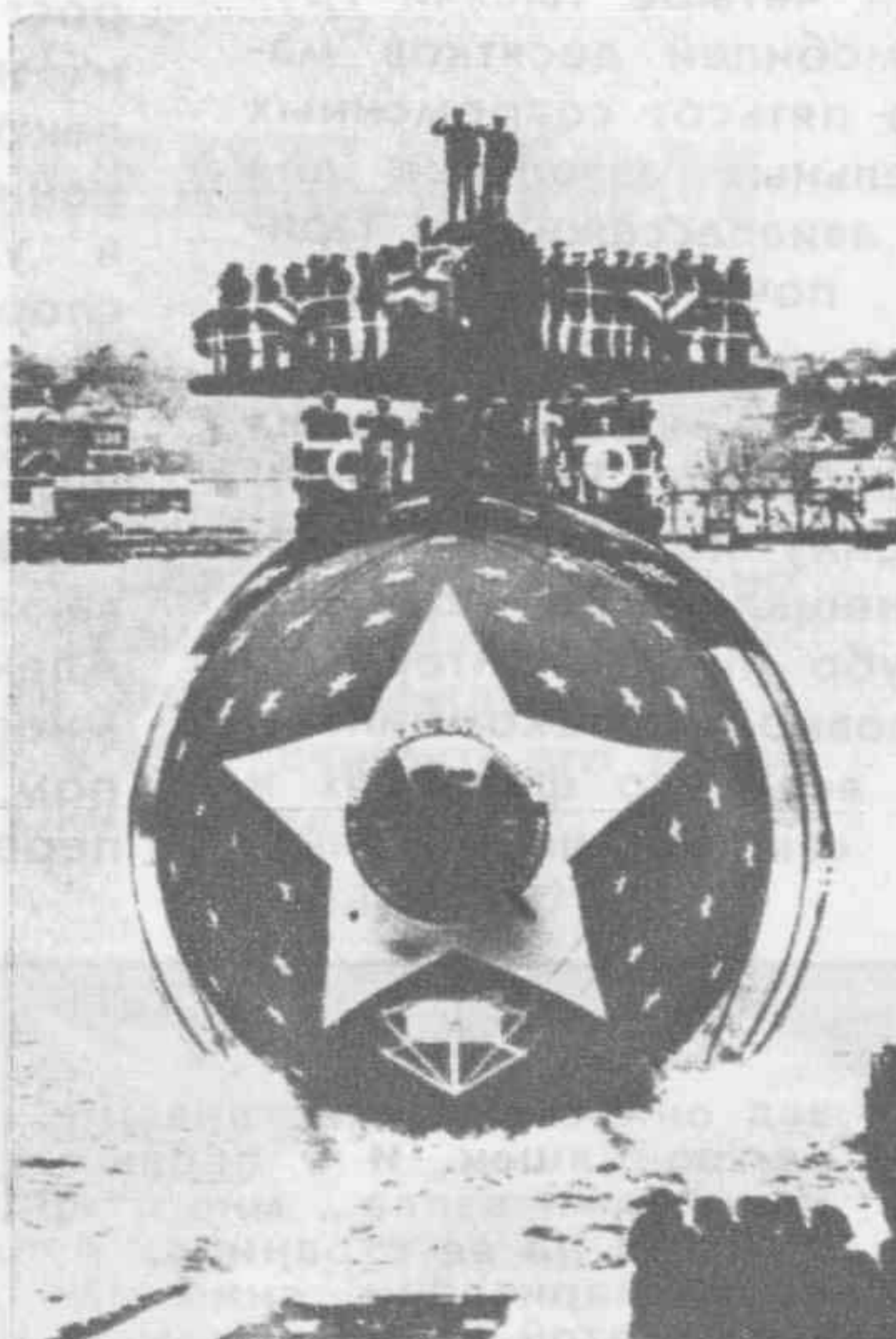
Пентагон предусматривает в ближайшие годы довести численность боевых кораблей до шестисот, и в частности увеличить число авианосных групп до пятнадцати, форсировать строительство атомных подводных лодок. Так, ведущий подрядчик военного ведомства компания «Ньюпорт-ньюс шипбилдинг энд драй док» получила заказ на строительство еще трех подводных лодок в дополнение к уже восьми строящимся.

Пентагон не скрывает, что ВМС предназначены для выполнения жандармских функций практически во всех районах мира, в том числе в Персидском заливе и в Индийском океане. Подобное безрассудство угрожает безопасности всех народов планеты.

США

КУРСОМ

ВОЕННЫХ АВАНТЮР

На снимке: во время спуска на воду новой ударной ядерной подводной лодки «Корпус кристи», оснащенной крылатыми ракетами, в Гротоне (штат Коннектикут).

ОЛЬСТЕР

РАСТЕТ СПИСОК ЖЕРТВ

Тревожно в Ольстере. Жизнь жителей этой «белой колонии» протекает под дулами карабинов английских «томми». Здесь ни на один день не смолкают автоматные очереди, взрывы бомб и звуки сирен полицейских машин. Двенадцать лет в Северной Ирландии продолжается кровопролитие, двенадцать лет с тех пор, как сюда были брошены английские войска для «наведения порядка», а по сути, для преследования борцов за гражданские права. И все эти годы ольстерский кризис находится в тупике.

Без жертв здесь не проходит ни дня. За годы оккупации погибло свыше двух тысяч человек, более двадцати тысяч ранено. Среди них — женщины и дети.

А в мрачных бараках североирландского концлагеря Лонг Кеш продолжают голодовку политзаключенные. И каждый день с замира-

СТАЛИ ДРУЗЬЯМИ

На снимке: встреча молодых французов с командой «Черныховска».

Русское «спасибо» прозвучало в морском порту города на Неве. Этим сердечным словом выразили свою благодарность советским морякам трое молодых французов — братья-медики Клод и Даниель Брио и парижский студент Антуан Мюллер, прибывшие в Ленинград на собственной яхте.

...Это случилось ночью в штормовом океане. Яхта, на которой молодые французы шли на Канарские острова, дала течь и затонула. Потерпевшие бедствие послали с надувной лодки одну сигнальную ракету за другой, прося помощи, но все корабли проходили мимо. Когда путешественники совсем было отчаялись, их заметили вахтенные балтийского теплохода «Черныховск». Путешественников подняли на борт, оказали необходимую помощь. Вернувшись на родину, яхтсмены построили новое судно и дали ему в знак признательности советским морякам имя «Спасибо». Первый рейс на новом паруснике они совершили в Ленинград, чтобы еще раз выразить глубокую благодарность своим спасителям.

рассказавшие о том, какой резонанс в мире вызвало обращение, о путях дальнейшей мобилизации общественности в поддержку международной разрядки.

Обращение Верховного Совета СССР активно поддержано нашим народом. С ним солидаризируются братские социалистические страны, коммунистические и рабочие партии. Оно принято на вооружение международными общественными организациями и движениями, выступающими против войны, с пониманием встречено трезвомыслящими деятелями и парламентариями капиталистических государств, сознающими свою ответственность за сохранение мира.

По-иному отнеслись к обращению государственные деятели ведущих натовских стран. Некоторые печатные органы и информационные агентства этих стран выступили с клеветническими комментариями, представляя своим читателям советское обращение как своего рода «пропагандистскую акцию Кремля». Конгресс США до сих пор не дал никакого ответа на советскую инициативу.

В пресс-конференции приняли участие депутаты Верховного Совета СССР: Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Шитиков, директор Института США и Канады АН СССР Г. А. Арбатов, главный редактор газеты «Правда» В. Г. Афанасьев, секретарь ВЦСПС А. М. Субботин, председатель правления Агентства печати «Новости» Л. Н. Толкунов.

На снимке: во время пресс-конференции.
Фото Э. Эттингера

ОСТАНОВИТЬ ЯДЕРНОЕ БЕЗУМИЕ!

Владимир НИКОЛАЕВ

Шестого августа 1945 года над Хиросимой была взорвана американская атомная бомба. Затем такая же страшная участь постигла другой японский город — Нагасаки. Шестого августа 1981 года народы всего мира почтили память жертв Хиросимы и Нагасаки. Посланцы многих городов Японии приняли участие в народном марше мира в память о погибших согражданах. «Не допустить повторения Хиросимы в Европе!» — под таким лозунгом выступили демонстранты в ФРГ. Им вторили в Великобритании участники Недели действий против гонки ядерных вооружений, за мир и разоружение: «Нам не нужны новые Хиросимы и Нагасаки!», «Нет — ядерной войне!». Демонстрации протеста против атомной бомбардировки этих двух городов состоялись в Бразилии. Против повторения атомной трагедии выступили в Париже участники завершившегося там «Марша мира-81», прошедшие по дорогам пяти стран Европы. В Соединенных Штатах была проведена Неделя действий за запрещение ядерного оружия и солидарности с жертвами атомных бомбардировок. Во время одного из мероприятий этой Недели, массовой манифестации в Сан-Франциско, представитель Национальной ассоциации жертв Хиросимы Ш. Тацумо заявил: «Соединенные Штаты не извлекли никакого урока из трагедии Хиросимы».

В тот же самый день, шестого августа, в США состоялось еще одно мероприятие — заседание в Белом доме группы планирования совета национальной безопасности, на котором американский президент Рейган отдал распоряжение о полномасштабном производстве нейтронного оружия. Такое совпадение дат, разумеется, не является случайным. В этой зловещей символической — вызов мировому общественному мнению, свидетельство неистребимости человеконенавистнических милитаристских инстинктов в характере американского империализма.

Как известно, работа над этим адским оружием массового уничтожения людей началась в США давно. Мощная всемирная кампания протеста заставила в 1978 году тогдашнего президента США Картера объявить о приостановке производства нейтронного оружия и отсрочить реализацию планов его размещения в Западной Европе. Теперь же Соединенные Штаты решили создать запасы нейтронного оружия, а затем вынудить своих союзников по НАТО на размещение его в Западной Европе вслед за намеченным там развертыванием новых американских ракет. «Специалисты в Вашингтоне отмечают, — пишет газета «Нью-Йорк таймс», — что единственно действительно подходящая местность для использования оружия повышенной радиации — это европейский театр военных действий и посему решение о его производстве почти автоматически ведет к решению о размещении этого оружия в Западной Европе». Следует также вспомнить о том, что администрация США преднамеренно игнорировала выдвинутое Советским Союзом предложение договориться о взаимном отказе от производства нейтронного оружия.

Итак, Соединенные Штаты взяли на себя тяжелую ответственность за новый раунд гонки ядерных вооружений. Сделан новый шаг по раздуванию милитаристской истерии в США. Джордж Кеннан, бывший американский посол в СССР, а ныне университетский профессор, так оценивает эту атмосферу в Соединенных Штатах: «У нас имеет место опаснейшее явление: происходит милитаризация мысли». К сожалению, этот процесс не только внутреннее дело Америки. Лидер демократического меньшинства в сенате США Р. Бэрд заявил в газете «Вашингтон пост»: «В настоящее время напряженность в мире гораздо больше, чем перед приходом к власти республиканского правительства Рейгана». Решение о производстве нейтронного оружия еще больше увеличит эту опасную напряженность. Достаточно вспомнить хотя бы об одном из вероятных и самых опасных последствий этого решения — о том, что возможность использования нейтронного оружия может привести к принятию поистине маниакальной идеи о ведении так называемой «ограниченной» ядерной войны.

Во всем мире нарастает протест против этого решения американского правительства. С его резкой критикой выступил лидер лейбористской партии Великобритании М. Фут. В заявлении лейбористской партии отмечается: «Судя по всему, это решение было принято без каких-либо соответствующих консультаций с правительствами западноевропейских стран, многие из которых выступили против развертывания этого вида оружия, когда этот вопрос обсуждался ранее». Премьер-министр Норвегии Г. Харлем Брундтланд подтвердила отрицательное отношение норвежского правительства к нейтронному оружию в ответ на решение США начать его производство. «Норвежское правительство, — заявила она, — и раньше выступало против нейтронного оружия. Эта позиция, которая пользуется широкой поддержкой в Норвегии, является незыблемой». Министр иностранных дел Дании К. Олесен сказал, что Дания по-прежнему выступает против производства нейтронного оружия.

Весть об этом решении американских властей встречена в нашей стране с гневом и возмущением. Верный своей политике мира Советский Союз продолжает выступать за ослабление международной напряженности, за разрядку. Об этом еще раз свидетельствует принятое недавно обращение Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира». В то же время мы бдительно стоим на страже завоеваний социализма и не позволим никому на них посягнуть. Как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев: «...Если эта бомба будет создана на Западе — создана против нас, чего никто даже не скрывает, — то там должны отдавать себе ясный отчет в том, что СССР не останется пассивным наблюдателем. Мы будем поставлены перед необходимостью дать ответ на этот вызов в целях обеспечения безопасности советского народа, его союзников и друзей. В конечном итоге все это поднимет на еще более опасный уровень гонку вооружений...»

В ответ на новый опасный шаг американской администрации все громче звучит над миром призыв: «Остановить ядерное безумие!»

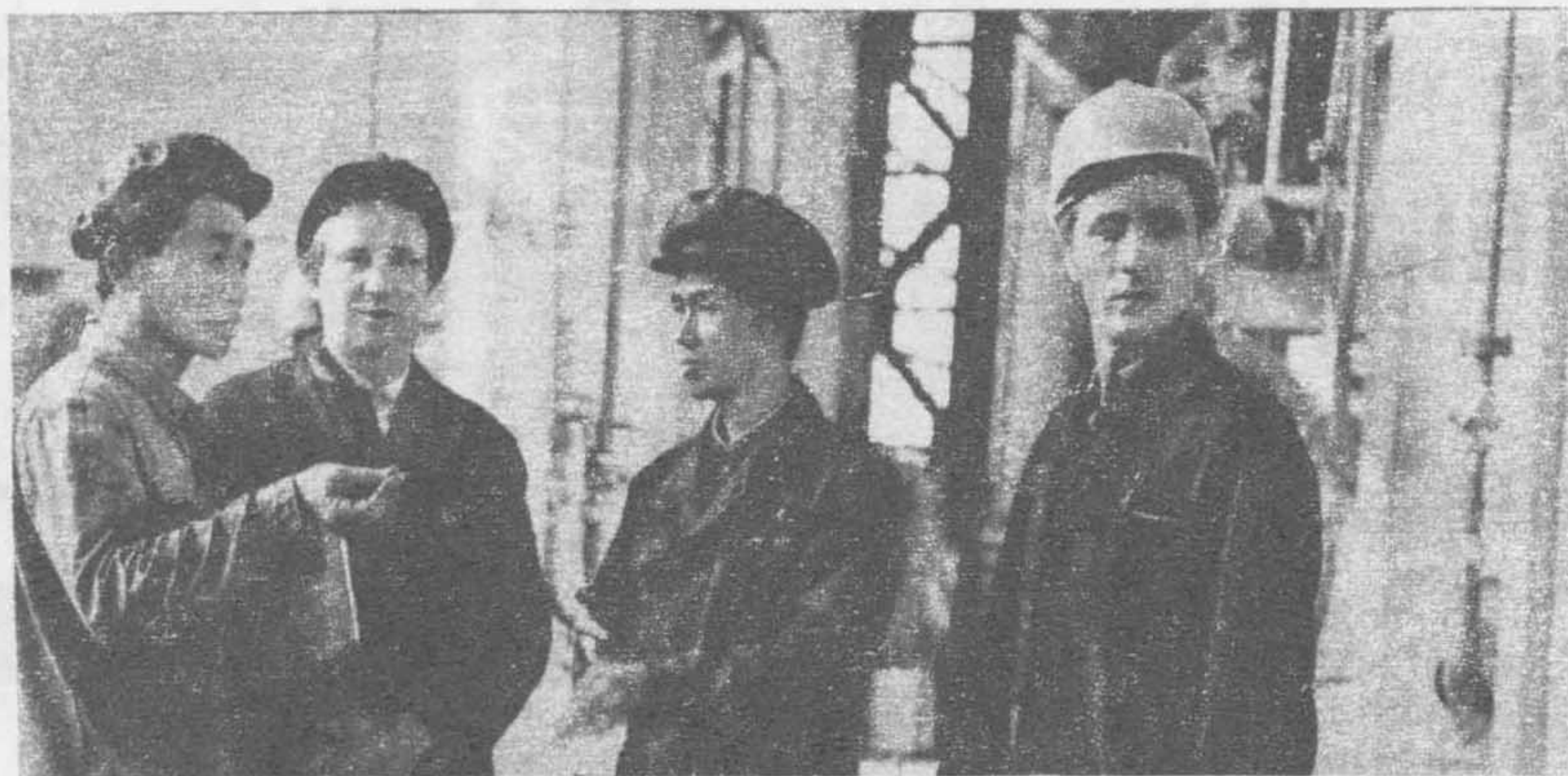

нием сердца ожидаешь известия об очередной гибели участника голодовки протеста. Теперь телеграф принес сообщение о смерти 23-летнего Томаса Манилви — девятого по счету. Список жертв «прямого правления Лондона» продолжается.

Официальный Лондон глух и нем к справедливым требованиям патриотов. Репрессиями и террором правительство английских консерваторов пытается решить проблему Ольстера. Но воз, как говорится, и ныне там. На место погибших узников североирландских застенков становятся новые борцы, полные решимости продолжать начатое ими дело.

На снимке: на улицах Белфаста.

Специалисты СССР и КНДР в новом цехе Чхонджинского металлургического завода имени Ким Чака.

Фото А. Горячева

СТАЛЬ ЧХОНДЖИНА

...Из-под мощных валков прокатного стана показались первые метры стального листа, и гром овалей, музыка наполнили гулкие пролеты. Корейские и советские специалисты поздравляли друг друга с победой. Так 9 октября прошлого года, в канун VI съезда Трудовой партии Кореи, был пущен в пробную эксплуатацию цех холодной прокатки листа на Чхонджинском металлургическом заводе имени Ким Чака. С того дня уже прокатано полторы тысячи тонн. Это новые тракторы и комбайны, автомобили и троллейбусы. Машиностроение — ведущая отрасль экономики КНДР, и сталь Чхонджина нужна ей как хлеб. После войны 1950—1953 годов завод лежал в развалинах. С помощью Советского Союза уже через три года он был восстановлен и реконструирован. А сегодня здесь снова звучит русская речь.

Главный эксперт отдела Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям И. Д. Вдовин недавно вернулся из Чхонджина.

— Завод имени Ким Чака сегодня крупнейший объект советско-корейского сотрудничества, рассказывает он. — На площадке, ценой огромного труда отвоеванной у моря, выросли три новых цеха. Их сооружение ведется при техническом содействии СССР. Два — кислородно-конвертерный мощностью более миллиона тонн стального слэба и цех горячей прокатки на 900 тысяч тонн горячекатаного стального листа в год — уже введены в эксплуатацию. В третьем цехе, холодной прокатки, подходят к концу монтажные работы. Полный пуск намечен на апрель будущего года. Это первый подобный цех в республике. Он будет давать стране 400 тысяч тонн холоднокатаного листа в год. Завод в Чхонджине станет давать больше половины стали и проката, производимых в стране. «При техническом содействии» — это значит не только разработать проект, поставить, смонтировать и наладить оборудование. (Проект, кстати, подготовлен в институте «Гипромез», оборудование из Новокраматорска, Свердловска, Харькова, Ленинграда, Жданова и других городов.) Это значит и передать

свой опыт друзьям. Они работают бок о бок с нашими специалистами. И, надо сказать, молодая рабочая смена КНДР быстро постигает секреты мастерства, входит в курс всего нового. Корейский народ высоко ценит труд советских инженеров и техников. Многие из тех, кто был занят на этой стройке, удостоены правительственных наград.

...Когда-то Чхонджин был морским форпостом японцев, здесь размещалась военная база. Колонизаторы крепко держались за город: ведь рядом — Мусанские рудники, самое крупное в нынешней КНДР месторождение железных руд. В 1945-м, когда Советская Армия пришла на помощь корейскому народу, долгие годы боровшемуся за свою независимость, здесь шли упорные бои.

О тех днях напоминаетobelisk на горе Комалсан над Чхонджинском. Тут лежат 176 героев-краснофлотцев, погибших при освобождении города. Наobeliskе надпись: «Дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму». Здесь всегда живые цветы, каждый год 15 августа горожане приходят почтить память павших. А внизу раскинулся Чхонджин — широкие зеленые улицы, современные кварталы 9—12-этажных домов. Памятник мужеству и мирному героизму народа, поднявшего страну из руин. Сегодня новые символы нашей дружбы встали на корейской земле. 60 предприятий восстановлено, реконструировано или построено в КНДР при содействии СССР. Сейчас Советский Союз участвует в строительстве еще десяти объектов, которые заметно увеличат производство электроэнергии, стали, алюминия. Кто бывал на этих стройках, слышал слова признательности советским людям, которые и в дни войны и в дни мира были и остаются рядом.

Недавно закончился месячник солидарности с корейским народом. Советские люди вновь выразили поддержку его борьбе за вывод иностранных войск из Южной Кореи, за мирное, демократическое объединение страны.

Б. ЛАБУТИН

Председатель исполкома Омского областного Совета народных депутатов Анатолий Прокопьевич БЛОХИН беседует с собственным корреспондентом «Огонька» М. ЩУКИНЫМ.

не частный случай, значит, нужно обстоятельно разобраться. Не по сигналу из какой-то одной поликлиники, а в масштабах всего города.

Перестроили мы и работу приемной облисполкома, изменили порядок прохождения писем, появилась и вот эта ежедневная справка.

Но все это совсем не значит, что мы можем довольствоваться сделанным. Постановление ЦК КПСС о работе с письмами, решение пленума Омского обкома КПСС по этому же вопросу говорят о том, что дел впереди — непочатый край.

— Известно, что человек чаще всего берет ручку и чистый лист бумаги тогда, когда его обидели: не дали квартиру, проявили равнодушие... Короче говоря, когда затронуты его личные интересы. И к таким письмам должно быть внимательное, чуткое отношение. Но вот человек не просит для себя ничего. Его беспокоит общественное, государственное. Это стало для него личным, кровным...

— Понимаю. У меня такие письма всегда вызывают большое уважение, потому что в них видишь хозяина. Не дачи, не квартиры, а хозяина села, города, наконец, страны. К таким письмам у нас особое отношение.

Каждый день к председателю облисполкома и его заместителям поступает справка о прохождении писем трудящихся. На этот раз сообщалось, что в работе находится сто сорок писем, а также указывалось, о чем письма, кто ими занимается, когда должен быть ответ.

— Анатолий Прокопьевич, насколько вам как руководителю необходимо такая ежедневная справка?

— Эта справка — лишь маленькое звено в большой цепи. Стоит оглянуться лет на пять назад. Именно тогда мы взяли основательно перестраивать нашу работу с письмами трудящихся. Внешне все выглядело благополучно, просто и хорошо: поступило письмо, с ним разобрались, написали ответ. А количество жалоб (я пока говорю только о них) тем временем росло, в том числе и повторных. Увеличивался их поток в центральные органы, в центральные газеты и журналы. Хотя во многих случаях разбираться с ними могли и должны были на местах. Вот мы и задумались: почему так происходит? И пришли к выводу: отвечая на ту или иную жалобу, мы видели только маленький, конкретный случай, а не общее состояние дел, которое и порождало жалобы. Требовался обстоятельный, подробный анализ всей почты. И не от случая к случаю, а постоянный. Пришлось разработать классификацию писем, мы ее внедрили во всех районных и городских исполкомах, а их в области 44, в отделах и управлениях облисполкома. Попробую объяснить ее принцип на одном конкретном примере. Раньше значилось так: заявления, жалобы, предложения о здравоохранении. Теперь, если можно так выразиться, мы их раскладываем по полочкам: о чем конкретно — прием к врачу, лечение в стационаре, оценка работы врачей, условия лечения, и так далее. Конечно, это потребовало немало времени, но оно себя окупало. Не забывая о каждом конкретном письме — ведь за ним стоит человек! — в то же время мы видим общую картину. Если во многих письмах омичей говорится о том, что трудно попасть на прием к зубному врачу, значит, это уже

ПО В

В детском садике совхоза «Евгашинский» Большереченского района плохо отапливалось помещение. А местные руководители не торопились устранить неполадки. Тогда депутат областного Совета тракторист совхоза «Евгашинский» А. В. Баранов взялся за разрешение этого вопроса. Не найдя поддержки в местных организациях, он обратился в облисполком. Отопление было отремонтировано.

Житель села Ягодное Таврического района Б. П. Вишневский ставит вопрос о том, что в селе нет медпункта, а до ближайшей больницы десять километров. Случись что, даже простейшую медицинскую помощь некому оказать. Письмо, конечно, без внимания не осталось. Открыт и работает медпункт.

Из Саргатского района поступило сразу несколько писем. Авторы их с тревогой сообщали, что председатель райисполкома тов. Лебедев нарушает правила советской торговли, в частности правила продажи автомобилей. Сигналы были тщательно проверены и подтвердились. Обком партии и облисполком строго подошли к случившемуся. Председатель райисполкома был освобожден от занимаемого поста.

Я привел лишь несколько примеров из нашей большой почты.

— А есть ли такие письма, которые послужили основой для тех или иных решений облисполкома?

— Конечно, есть. В соответствии с одним из решений, а оно было принято по жалобе из поселка Степной, жителям предо-

ставлены благоустроенные квартиры, проведен ремонт, улучшено снабжение промышленными и продовольственными товарами, отрегулировано автобусное сообщение, открыто почтовое отделение, приняты другие меры.

Чаще при постановке того или иного вопроса мы исходим из анализа всей почты, пытаемся выявить наметившиеся тенденции, причины жалоб: не являются ли они следствием негативных явлений на том или ином участке хозяйства?

В последние годы, да и сейчас, поступало и поступает немало предложений и жалоб, так или иначе связанных с городским хозяйством. Они красноречиво подтверждали то, о чем мы уже думали, но письма заставляли нас торопиться. После войны Омск стремительно разросся, население уже перевалило за миллион. Омичи немало делают по благоустройству своего города. И тем не менее городское хозяйство не поспевает за столь стремительным ростом. Иногда с переборами подается горячая вода, плохо действует отопление, медленно сносятся помещения барачного типа... Все это наглядно отражено в письмах. Требования и недовольства в

ности исполнительного комитета, рассчитанной на длительный период и на конечный результат. Ситуация складывается примерно такая же, о которой я говорил. Омичи жаловались на плохое снабжение овощами. В конце 1977 года бюро обкома партии и облисполкома утвердили развернутую программу мер. Чтобы осуществить их, требовалась большая, кропотливая работа. И самое важное — привлечь к ней широкий круг непосредственных исполнителей. Решающим здесь было укрепление материальной базы овощеводства и торговли. Но надо было научиться и лучше использовать растущие возможности. Собрали директоров овощных магазинов, руководителей торгова, пригородных овощеводческих хозяйств, посадили их в автобус и повезли по городу, по магазинам. Что есть? Чего нет? Почему нет? Почему в разных магазинах торгуют по-разному? Вопросы ставились конкретно, остро. И яснее становилось, в чем причина недостатков. И тут же — что надо сделать для их ликвидации. Учили и сами учились. А через некоторое время снова проверили дела на местах, собрали этих же товарищей и спросили, что сделано. И еще не раз прове-

жем — скажем, улучшить обеспечение лекарствами, оснащение медицинских учреждений. Здесь требуется помощь республиканских ведомств. Но любой из этих вопросов мы не собираемся закрывать через месяц-два. Будем добиваться, как принято теперь говорить, конечного результата. Сказываются систематичность, настойчивость. Свидетельство тому — опять же наша почта. Она говорит о том, что количество жалоб, например, о непорядках в общежитиях идет на убыль.

Однако все это пока только первые шаги, самое начало, а идти нужно еще далеко. Но мы уверены, что первый шаг сделан в верном направлении.

— Знакомая с почтой, я обратил внимание, что немало писем переслано в облисполком вышестоящими организациями. Значит, на месте, в сельсоветах, райисполкомах люди не нашли поддержки. Или их не удовлетворил полученный ответ. Что делает облисполком, чтобы изжить такие факты?

— Да, такие факты у нас еще есть. И хотя статистика показывает, что их становится меньше, нынешнее положение никак не может удовлетворить. Мы строго спрашиваем с тех, кто по-чиновничьи относится к письмам трудящихся.

рийного в него не попали. Таким образом Неплюев ввел в заблуждение горожан, писавших жалобу, и облисполком. Хотя и с запозданием, но положение было поправлено, жильцы получили квартиры.

Я привел два этих случая, так сказать, из ряда вон выходящих, чтобы показать, какой вред может нанести росчерк пера равнодушного человека. Естественно, мы не могли удовлетвориться только восстановлением истины. Вот решение областного Совета народных депутатов: «За формально-бюрократическое отношение к жалобам граждан считать невозможным дальнейшее пребывание товарища Неплюева в должности заместителя председателя объединения «Облколхозстрой». Областной комитет КПСС поддержал такое мнение. Был наказан и председатель Черлакского райисполкома тов. Филиппов. В «Облколхозстрой» и в Черлакском райисполкоме мы проверили работу с письмами трудящихся. Она была запущенной. А ЧП прежде всего случаются там, где привыкли отмахиваться от писем трудящихся. Оба случая мы постарались передать широкой гласности. Уверен, что это послужит хорошим уроком для других. Каждое письмо —

АЩЕМУ ПИСЬМУ

большинстве случаев справедливы. И наш прямой долг добиться того, чтобы их вовсе не было. Мы и пытались так сделать. Но едва успеешь разобратся с одним делом или микрорайоном, как на очередь встают три — пять других. Положение дел в масштабах всего города практически менялось крайне медленно. И опять же об этом убедительно говорили письма. А всем нам особо памятные слова Л. И. Брежнева, сказанные на встрече с руководителями Омской области во время поездки Леонида Ильича по району Сибири и Дальнего Востока: «Если человек хорошо живет, у него и работа спорится».

После тщательного анализа были подготовлены предложения по скорейшему развитию городского хозяйства. С этими предложениями обком партии и облисполком обратились в директивные органы. Предложения нашли поддержку. Теперь предстоит осуществлять большую программу ускоренного решения важных социальных проблем областного центра. Работа эта уже началась, работа огромная. Мы верим, что осилим ее, что наш Омск станет еще благоустроенней, еще красивей.

— Очевидно, такой масштабный анализ почты помогает в точном определении и других узких мест?

— Не только в определении, но и в ликвидации их. Ведь в немалой степени именно письма трудящихся побуждали нас активнее заняться совершенствованием стиля, методов работы облисполкома. Я бы назвал это системным подходом, организацией деятель-

ряли, собирали и снова спрашивали. И дело стало поправляться. Количество жалоб уменьшилось. Сейчас разрабатываются дополнительные меры на предстоящее пятилетие.

У нас складывается определенная практика. Сначала рабочие группы специалистов, депутатов изучают положение дел. Письма тут — первое подспорье. Когда готов подробный анализ, собираем руководителей, отвечающих за тот или иной участок работы, ставим перед ними конкретные задачи. Здесь же каждый может внести деловое предложение, высказать свою точку зрения. Затем еще и еще раз проверка, и не столько проверка, сколько конкретные действия по «расшивке» узких мест, устранению недостатков. Работники облисполкома — это не просто контролеры, задача которых — проверить, подготовить справку да написать решение, а непосредственные организаторы.

Так, проанализировав письма горожан, мы добились в городе упорядочения часов работы магазинов, ателье, ремонтных мастерских. Сейчас занялись молодежными общежитиями, содержанием и ремонтом жилищного фонда, работой учреждений здравоохранения: есть еще немало недостатков в больницах, поликлиниках, аптеках. Решено встретиться с людьми, которые в нынешнем году проходили курс лечения в омских больницах, с посетителями аптек и поликлиник, с рабочими на предприятиях, где есть свои медсанчасти. Мы знаем, что собственными силами ряд недостатков мы устранить не смо-

В Черлакский райисполком обратился гражданин В. И. Бондаренко. Его дом подмывали сточные воды, образовался овраг. Бондаренко просил или переселить его, или ликвидировать овраг. Заместитель председателя райисполкома тов. Литвиненко попросту отмахнулся от письма. Бондаренко написал вторую жалобу, уже в центральные органы. Когда ее направили председателю райисполкома, то в нарушение всех правил опять же письмо передали рассматривать... Литвиненко. Не разобравшись по существу, ничего не проверив, Литвиненко дал ответ, что дом Бондаренко купил незаконно, без оформления документов в бюро технической инвентаризации. И только вмешательство облисполкома все поставило на свои места.

Еще один пример. Во многие инстанции жильцы дома, принадлежащего объединению «Облколхозстрой», сообщали, что дом находится в аварийном состоянии, что в нем трудно жить. Заместитель председателя объединения тов. Неплюев в ответ на все запросы сообщал, что готовится к сдаче новый дом и, как только он будет готов, жильцы аварийного получат в нем квартиры. Надо сказать, что у нас очень сложная проблема с жильем. Поэтому к таким вопросам мы подходим особенно тщательно, строго. Знал об этом и Неплюев. Но вывод сделал совсем другой: обещание могут и забыть за потоком других жалоб. И самовольно, без решения райисполкома, заселил новый дом. Жильцы ава-

рирование человеческого документ, и относиться к нему равнодушно никто из нас не имеет права.

Мы изо дня в день следим за работой с письмами, состояние ее регулярно изучается в райисполкомах, отделах и управлениях облисполкома. Вот и сейчас идет такая проверка в Называевском райисполкоме. Но проверка — это только полдела. Мы созываем совещания-семинары председателей и секретарей сельсоветов и поселковых Советов, на которых учим, как надо работать с письмами трудящихся.

— Анатолий Прокопьевич, но ведь есть и письма, смысл которых можно выразить одним словом — дайте! В беседах с работниками облисполкома довелось услышать такую историю. Пишет из одного райцентра заслуженный человек, жалуется, что не может приобрести ковер. Обходят-де, мол, вниманием, равнодушно. Жалоба проверялась на месте. А в квартире уже несколько ковров, сиреневые, веревочками перевязанные, стоят у стенки. Спрашивают: зачем же вам еще? А в ответ: не ваше дело, мне положено, я человек заслуженный, буду выше писать. И, представляете, донял все-таки, продали ему ковер. Помоему, от такого просителя вред не меньший, чем от бюрократа-начальника.

— Есть, есть такие люди. Такие в письме не забудут приписку сделать: «Если не решите, так я в Москву напишу». И бывает, что руководителям не хватает принципиальности, идут на поводу у настырного просителя. Дайте, продайте — пусть только не беспокоит больше. Видимо, и такое нельзя оставлять без внимания. Здесь есть только один критерий — партийная принципиальность. Ее мы и должны строго придерживаться.

МАСТЕР-БАТАЛИСТ

Марат САМСОНОВ,
народный художник РСФСР,
художественный руководитель Студии
военных художников имени М. Б. Грекова

Время распорядилось таким образом, что замечательное творчество художника Ф. А. Рубо лишь относительно недавно стало достоянием широких слоев публики. Если знаменитая и популярная его работа — «Оборона Севастополя» демонстрировалась до 1942 года и затем, восстановленная, вновь показывается с 1954 года, то панорама «Бородинская битва» известна советскому зрителю лишь около двадцати лет.

И почти совсем неизвестно сейчас первое произведение, созданное мастером и сохранившееся, к сожалению, в отдельных фрагментах, которое принесло ему заслуженную известность еще в конце прошлого века. Впервые оно было показано в России в 1896 году на художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Внимание посетителей привлекало круглое здание, наиболее приметное среди прочих многочисленных павильонов, с высоким, наполовину застекленным куполом: в нем размещалась грандиозная живописная панорама «Штурм аула Ахульго».

...Будущий мастер «баталической живописи», создатель первой отечественной панорамы Франц Алексеевич Рубо родился и вырос в Одессе в семье мелких коммерсантов, выходцев из Франции, переселившихся в Россию после Крымской войны. Наделенный от природы художественным дарованием, он успешно учился в городской рисовальной школе, основанной обществом любителей искусств для детей среднего сословия. Уже в юношеские годы у него обнаружилась склонность к батальному жанру. Закончив рисовальную школу, молодой художник с увлечением изображал битвы и сражения из русской военной истории.

В 1877 году он уехал в Германию и в следующем году поступил учиться в академию художеств, занимаясь в мастерской известного польского живописца Юзефа Брандта, жившего и работавшего в Мюнхене. И в том, что Рубо снискал впоследствии известность живописца правдивого, наверняка немалая заслуга его маститого учителя.

Живя за границей, молодой художник не порывал связей с Россией, ставшей ему настоящей родиной. Ей он посвятил все свои труды, стал душой русским, о чем и писал позже: «Я родился и жил более 22 лет в России, где получил свое образование, я всегда пишу картины из русского быта и русской боевой жизни, по всем этим признакам меня следует считать русским художником».

Имя живописца получило известность в России. Его творчество носило в основе своей реалистический характер, было понятно и доступно для восприятия широкого зрителя.

Большой работой, завершенной Рубо в конце 1904 года, была панорама «Оборона Севастополя», увековечившая беспримерную стойкость защитников осажденного города, героизм русской армии и народа во время Крымской войны 1853—1856 годов. Над созданием этого замечательного произведения, пользовавшегося с момента открытия — в мае 1905 года — неизменной популярностью и ставшего одной из главных достопримечательностей города, мастер трудился около четырех лет. В октябре 1901 года он приехал в Севастополь, ознакомился с историческими местами, делал бесчисленные эскизы, писал севастопольские пейзажи, изучал и фиксировал натуру. «Когда вы будете знать все в пейзаже, — говорил впоследствии художник своим ученикам, — он вам сам подскажет необходимое для баталии». Живописец как бы восстанавливал, сверяясь с сохранившимися документами, внешний вид всех зданий и построек, претерпевших изменения за время, прошедшее после событий 1853—1856 годов. Выполнил множество этюдов главных действующих лиц по материалам коллекции ветерана Севастопольской обороны инженер-генерала П. Ф. Рерберга, собравшего большое количество портретов матросов, солдат, офицеров.

Художник разыскал многих участников сражений, показывал им свои этюды. По его просьбе устраивались инсценировки различных моментов обороны — штыковых атак и вылазок разведчиков, действий оружейных расчетов, работы санитаров.

Сохранившиеся великолепно выполненные подготовительные работы к панораме показывают, насколько верно художник умел передать характер движения, какими лаконичными, но выразительными средствами вел лепку предмета либо фигуры. Если положен, к примеру, зеленый цвет, то это уже готовая трава, хотя никаких травинок практически не изображено. Всего несколько движений кисти, и перед вами будто живая фигура матроса или солдата, оружейный ствол или горка ядер, однако никакой особой детализации или прорисовки он ровным счетом не делает.

«...Задача создания грандиозного сюжета обороны Севастополя не имеет себе предшественников, и ее разрешение представляет для художника громадные трудности, — отмечал он в одном из писем в газету «Русский инвалид». — Легко писать художнику блестящие победы, когда исторический материал дает готовые и благодарные мотивы, но совсем другое дело изобразить на холсте героическую пассивную защиту. Художник должен быть всегда правдивым, и, конечно, не «трюки» помогут ему передать верно исторические факты».

Популярность произведения, особенно среди солдат и матросов, объяснялась не только его реалистическим сюжетом и безукоризненным художественным исполнением. Привлекала раскрытая в этом произведении патриотическая тема, исполненная высоких чувств.

«Оборону Севастополя» решили показать в Петербурге. В начале 1909 года панораму привезли в северную столицу и демонстрировали в специально построенной деревянной ротонде на Марсовом поле. И здесь замечательное творение имело большой успех. П. П. Чистяков — известный русский живописец и знаменитый педагог, учитель многих выдающихся наших художников, встретившись с Рубо, «одобрил его мастерство, восхищался его панорамой и говорил, что это искусство большое, сильное и красивое, что это искусство будущего», — вспоминал М. Б. Греков.

В 1903 году, в разгар работы над «Обороной Севастополя», он был избран профессором, руководителем батальной мастерской Высшего художественного училища при Петербургской академии.

Человек обширных познаний и высокой культуры, скромный и обаятельный, противник тогдашней рутинной постановки художественного образования в академии, Рубо быстро снискал популярность среди прогрессивно настроенного студенчества. К нему в мастерскую после ухода из академии И. Е. Репина перешел Митрофан Греков, так объяснивший впоследствии свое решение: «Меня волновали его большие холсты, мастерство движения, просторы, действие в его картинах... Я хотел у Рубо изучить приемы овладения большими холстами». Будучи прекрасным рисовальщиком и анималистом, он требовал от учеников серьезного знания анатомии, стремился привить им умение правдиво и жизненно передавать движение, прививал и навыки построения сложных многофигурных композиций. «Баталист, — говорил мастер, — должен развивать в себе способность быстро схватывать общее, характерное, передавать модель в движении, уметь рисовать и писать по впечатлению, по памяти». Он учил правильному колористическому и композиционному построению батальной картины, умению связать действие с пейзажем, выбрать для задуманного произведения острый, кульминационный момент и найти лучшее сюжетное решение темы. Он привлекал многих учеников к участию в своих работах, в особенности над панорамами. Из его мастерской, кроме Грекова и Авилова, вышли такие советские живописцы, как Горелов, Котов, Мясоедов, Кричевский, Добрынин.

В октябре 1908 года «за долготлетнюю художественную деятельность и за известность на художественном поприще» Рубо был избран академиком живописи, а в апреле 1910 года ему присвоили почетное звание действительного члена Российской академии художеств.

Специальная юбилейная комиссия, образованная для организации торжеств, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 года, обратилась к мастеру с предложением взяться за создание панорамы Бородинской битвы. Рубо решил запечатлеть момент боя в 12 часов 30 минут 26 августа. «В это время развернулись наиболее яркие и характерные события: время наибольшего участия наших войск, наибольшее участие конницы, участие почти всей нашей гвардии».

Колоссальный труд был завершен в мае 1912 года. 29 августа состоялось открытие панорамы в Москве, в деревянном здании на Чистопрудном бульваре у Покровских ворот.

Когда мне впервые довелось ее увидеть, она потрясла ощущением необыкновенной широты пространства, мастерски переданным настроением, динамикой боя. Позже уже самому пришлось столкнуться с работой над диорамно-панорамными произведениями. Изучая технику, манеру письма Рубо, мы с художниками-грековцами в полной мере оценили его талант и мастерство: совершенное владение композицией, пространственной и цветовой перспективами, гораздо более сложными в отличие от станковой картины из-за своего кругового (а с учетом провисания холста панорамы — и сферического) расположения, необычайное умение достичь иллюзорности, от натурального предмета как бы «увести» зрителя в холст и в пространство.

Можно сказать, что Рубо владел тайной абсолютно реальной передачи движения на холсте, от изображенного им исходит ощущение жизни. Разглядывая его панорамы со смотровой площадки, невозможно понять, как он мог этого достичь. Художникам-грековцам, восстанавливавшим его произведения, удалось раскрыть этот секрет. При ближайшем рассмотрении холстов оказалось, что он намеренно смещал детали фигур при изображении движущейся массы людей. Смотришь — голова, а туловище чуть в стороне, или — рука: чья она — тоже непонятно. Вроде бы отступление от общепринятого в станковой картине. Но Рубо делал это сознательно. Для зрителя, глядящего на холст с определенного расстояния, создается впечатление движения массы, потому что глаза, как их ни напрягай, не могут остановиться на каком-то одном изображении, зафиксировать во всех деталях отдельную фигуру, они непрерывно «перескакивают» с одной детали на другую, вызывая иллюзию «шевеления». Не у всякого художника хватит смелости использовать этот прием, которым уверенно владел Рубо.

Он поднялся до вершин батальной живописи, стал одним из ведущих мастеров этого жанра искусства в России.

Ф. Рубо. 1856—1928. ВСАДНИК. 1886.

Музей-панорама «Бородинская битва».

Ф. Рубо. АТАКА ЗАПОРОЖЦЕВ В СТЕПИ. 1881.

Музей-панорама «Бородинская битва».

В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1883.

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

VII

Не пустовала в ту ночь и наша изба: она была полным-полна папанькиными приятелями, среди которых, как всегда, выделялся Муратов. Пока возводилась школа-семилетка, не было случая, чтобы он не находился в центре событий, нередко драматических, неизбежно возникавших на селе в крутые те времена. Главным для него, однако, была школа. Его постоянно видели в различного рода конторах, учреждениях, предприятиях как в районе, так и в крае, во всех местах, от которых зависело снабжение стройматериалами, дефицитными даже в нынешние времена, не говоря уже о тех далеких днях, о которых идет речь. «Вэлыкый прарап» не щадил при этом ни себя, ни своих помощников, ни рабочих, жестоко расправляясь с любым, кто выходил на площадку с опозданием; а ведь прошлой ночью он мог сидеть с ним вместе, приятельски похлопывать по плечу, обнимать и целовать его своими по-восточному большими, пухлыми, размягченными и горячими от выпивки губами.

— Вот это человек! Вот это башка! — восхищался мой отец: общительный по своей натуре, он, как известно, раньше других сблизился с Муратовым.

Однако и умная голова может подвести, когда «дураку достанется» — по присловью, особенно часто употребляемому моим родителем (не он ли его и сочинил?). Вероятно, подвела она и Муратова, коль скоро он оказался в этакое захоlustье со своими недюжинными способностями: не все начальники бывают снисходительны к человеческим слабостям своих подчиненных, не щадят даже очень талантливых работников, ежели те прикладываются к чарке чаще, чем следовало бы, — о, сколько даровитых голов оказалось не у дел по этой причине!

Муратов исчез из нашего села тотчас же, как областная (заметьте, не районная, а областная... не областная даже, а краевая) комиссия приняла здание школы, выставив строителям, и в первую очередь, конечно, Муратову, наивысшую оценку. И это было справедливо. Школа еще и теперь, спустя столетия, стоит на прежнем своем месте целехонькая и продолжает впускать в свои двери и выпускать из них поколение за поколением все новых и новых «драчунов», пронесших страну через все войны и через все пятилетки, «драчунов», для которых судьба не удосужилась приготовить легких путей-дорог.

Дело сделано, и Муратов, как тот мавр, мог уйти. И он ушел, пропал из наших глаз. Но след его остался. И не только в материальном воплощении школы. Я, например, не могу, покуда живу на свете, забыть Муратова. Из множества человеческих существ, встречавшихся на твоём пути, память почему-то цепко ухватится за какой-нибудь десяток из них, вцепится и уж никогда не выпустит, что бы с тобой ни случилось. Муратов жил во мне всегда, хоть и

давал знать о себе редко — в минуты душевного отдохновения, что ли, потепления, в минуты светлой грусти, когда вспоминаешь неповторимую и невозвратную пору детства.

Большой и сильный, он подбрасывал меня высоко над своей курчавой головой, словно бы я был легким мячиком, и замирающего от страха и счастья одновременно, с падающим куда-то сердцем или, напротив, подымающимся к самому горлу и заслоняющим дыхание, ловил у земли в пригоршню, как неоперившегося птенца, и хохотал при этом как-то совсем по-детски; затем приседал передо мною на корточки, мягко брал за уши, подтягивал мою голову поближе к своей и, весь светясь и сияя, долго разглядывал меня черными, выпуклыми беркутиными глазами; иногда я замечал, как эти глаза медленно задегивались, прикрывались непроницаемой пленкой, точь-в-точь как у засыпающего беркута. Висячий нос при этом опускался еще ниже и упирался кончиком в толстую, вздернутую малость верхнюю губу. Я догадывался, что, лаская меня, Муратов думал в такой час о своих детях, о тех, о которых вскользь обмолвился как-то в нашем доме. Узнав, что у моих родителей четверо, он неодобрительно заметил:

— Малё. Надо много-много деси. У нас в каждой сакля — тэзят-твенацать деси.

— А у тебя самого? Сколько у тебя ребят?

Муратов сразу же заговорил о чем-то совершенно другом, оставив вопрос моего отца без ответа. А потом быстро поднялся и, не попрощавшись, вышел из дому.

Я подбежал к окну, чтобы проводить его глазами.

Муратов уходил, сутулясь больше обыкновенного, неся за спиной тяжеленную гирю из тугих сплетенных железных своих пальцев.

Ласкал он не только меня, но многих мальчишек, к которым я сильно ревновал его. Особенно мне больно было, когда видел, что и Ваньку Жукова Муратов подбрасывает в воздух точно так же, как и меня, и так же, как и мою, ворошит своими толстыми добрыми ручищами Ванькину кудлатую, жесткую, никогда не промываемую шевелюру. Однажды чуть не заплакал, видя, как, взлетая над Муратовым, Ванька заливается ядреным, сочным, когда-то очень нравившимся мне, а теперь ненавистным смехом. Хотелось подбежать и укунить их обоих. Не сделал этого, конечно, но, всхлипнув, сжав зачем-то кулачки, поскорее убежал домой, чтобы ничего больше не видеть и не мучиться душой. Уже дома, уткнувшись носом в подушку, все-таки заплакал беззвучно. Мать заметила это по вздрагивающим моим плечам, положила на них теплые, пахнущие только что испеченным хлебом руки, тихо спросила:

— Ты плачешь? Что с тобой, сыночка? Опять этот разбойник побил?

— Никто меня не бил! — приглушенно прокричал я, резким движением тела отстраняя мамины руки.

— А зачем ты плачешь?

— Не плачу я вовсе. Что привязалась?

— Ну, ну. Только разве так кричат на родную мать? — И она ушла, обиженная, а мне сделалось еще тоскливее и больнее.

Лежал долго и все вспоминал счастливый Ванькин хохот, его торжествующе сияющие галочьи глаза и корчился в бессильной ярости.

В последний раз мы видели Муратова

весною тридцать второго года, в новой школе, куда нас собрал Иван Павлович, чтобы поблагодарить строителей и попрощаться с ними. Девчата принесли из лесу первые цветы — это были подснежники, такие же синеглазые, как и многие из тех, кто их собрал и принес сюда. Ванька смастерил из липы свисток и, краснея, сунул его прямо в карман муратовских галифе; я, краснея не меньше Ваньки, вложил в руку своего кумира подожок, сделанный по моей просьбе дедушкой, — прямую, как стрела, палку с винтообразными вырезами, которые белой извивающейся лентой бежали от одного конца к другому, делая подожок очень нарядным, похожим своей одежкой на дятла. И школьники пришли в восторг, когда моя палка, схваченная где-то посередине двумя пальцами ее нового владельца, завертелась перед нами пропеллером, обдавая наши лица легким ветерком. Радости моей не было предела. Я хохотал, и из глаз моих обильно текли счастливые слезы.

Смеялся и сам Муратов. Но оборвал свой смех быстро и резко. Сказал, немного бледнея, прикрывая беркутиные свои глаза уже знакомой мне занавесью:

— Прощайте, малышки и девочки. Учитесь в новой школе. Не поминайте лыхом — так кофорт руски люди. Приезжайте к нам на Капказ. Эльбрус! Казбек! Кара-шо! Приезжайте, будете моими кунаками. Прощайте!

Он вышел, а вслед за ним и вся его небольшая черноволосая молчаливая бригада. В просторном, пахнущем свежей краской коридоре стало еще просторнее, но как-то одиноко, хотя нас в нем было немало. Не долго думая и не сговариваясь, мы шумною гурьбой выбежали на улицу и провожали подводы Муратова далеко за наше село и соседнюю деревню Пандиревку. В Пандиревке к нам присоединился еще отряд ребяташек, которые с осени должны были учиться в одной с нами новой школе.

Мы бежали, а Муратов, улыбаясь, все махал и махал нам рукой, прикладывая то и дело зачем-то ладошку к толстым своим губам.

— Дяденька Муратов! Приезжайте к нам еще!.. Пожалуста! — кричали мы ему, постепенно отставая.

Муратов перекочевал в другие края. Может быть, вернулся в родные горы или перебрался в соседние районы ЦЧО¹, — только никто на селе ничего о нем больше не слышал и не знал, где он и что с ним.

И вот теперь, десятилетия спустя, я думаю, а не была ли бригада загадочного Муратова предтечей строительных отрядов, спустившихся сразу же после Великой Отечественной на российские равнины с Кавказских гор и разъехавшихся по русским деревням и селам «от финских хладных скал до... стен недвижного Китая»?

...Дольше и дальше всех бежали за телегой Муратова мы с Ванькой Жуковым. Спихватившись, обнаружив, приметив это, резко остановились, резанули по привычке друг друга лезвиями презлющих глаз и, ничего не сказав, во весь дух помчались назад к ожидавшей нас компании. Бежали на одном уровне, не желая уступать друг дружке в резвости.

Теперь-то уж и не помню, кто из нас первым остановился, Ванька или я. Остановился и, подхватив руку бежавшего рядом, остановил и его. Вонзившись один в другого блестящими глазами и держа на

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—32.

¹ Центрально-Черноземная область.

всякий случай за грудки, какой-то короткий решительный миг молчали, как бы ожидая чего-то. Ванька разлепил дрожащие губы, заговорил, задыхаясь:

— Миш... Михаил!.. А чего это мы делаемся?.. А?

— А я... я не знаю.

— И я не знаю... Кажись, ты первым меня ударил.

— Когда?— выкрикнул я прямо ему в лицо.

— Не помню. Кажись, тогда, у школы...

— Да ты что-о-о?..

И тут Ваньку прорвало. Он подтянул меня к себе, обхватил горячими руками мою шею так, что я едва не задохнулся. При этом все говорил и говорил сбивчиво:

— Миш... Миша... Михаил!.. И зачем только люди дерутся?.. Давай с тобой никогда... ну, сроду не будем драться!

— Не будем, Вань, никогда не будем!— с трудом выговаривал я, в свою очередь, сжимая Ваньку в объятиях.

— Побожись!— потребовал он, сделавшись вновь строгим.

— Ей-богу, не буду! Вот те крест!

— Скажи честное пионерское!

— Честное пионерское не буду!

— Дай пять!

Я радостно и поспешно сунул свою ладонь в его растопыренные пальцы, и Ванька, как клещами, сжал их так сильно, что из глаз моих выдавились слезы. Так, соединив руки, мы и вернулись в село. Но и там я не отпустил вновь обретенного своего друга, потащил к себе: слишком дорогую цену мы заплатили, чтобы быстро расстаться.

Поскольку время клонилось к вечеру, я предложил Ваньке — торопливо, боясь, как бы он не отказался, и мне было бы очень больно, — горячо зашептал ему на ухо:

— Вань, а Вань... ночуй нынче у нас, а? Вань!

— Хорошо. Только я сбегаю домой и скажу маме.

Услышав это от Ваньки, я выскочил во двор, отыскал там мать, повзвизгивающую скотину, сообщил ей радостную новость:

— Мам!.. Мама!.. Ванька у нас ночует!

Плещущая через край моя радость сейчас же сообщила и ей. Поставив перед Рыжонкой конное ведро с водой, она повернулась ко мне лицом, и в синих ее глазах замерцали, заиграли живые огоньки, очень редкие в последние годы.

— Хорошо, сыночка, но отпустит ли его мать, тетенька Вера?

— Отпустит!— прокричали мы дуэтом, потому что Ванька выбежал из избы вслед за мною.

Потом я отыскал дедушку (он, по настоянию моих родителей, жил теперь у нас, а сейчас латал на задах прохудившийся старый плетень) и ему передал ту же новость. Дед разогнулся и, разминая руками поламывающую спину, встретил ее, новость эту, своею светлой, хорошей улыбкой, обнажив ровный ряд крепких зубов (на девятом десятке лет он сохранил их все до единого, к крайнему и всеобщему удивлению односельчан, в особенности же его ровесников).

— Добре, хлопцы. Давно бы так!— сказал старик, пропуская через пальцы, точно через гребенку, свою дымчатую, с серебриной бороду. — Отцы-то ваши давно помирились, а вы все петушитесь. Сколько бед из-за вас, сукиных детей... — Дед не договорил; не захотел, похоже, омрачать общей радости. Потрепал наши подбородки и отпустил.

На подворье Жуковых мы отправились вдвоем. Ванькина мать страшно удивилась, завидя меня рядом с младшим сыном. Нахмурилась было, но, встретившись с нашими сияющими рожицами, мгновенно растаяла, поменялась лицом, даже, кажется, чуток всплакнула на радостях, потому что по одной ее щеке торопливо убегала куда-то шустрая слезинка. Тетенька Веруха всплеснула руками, выпустив при этом грабли, которыми убирала из-под овец помятую, обобранную, перещупанную их губами солому.

— Неужто помирились?— воскликнула

наконец она. — Царица небесная, пресвятая богородица!.. Как же это? А? Кто ж надразумил вас?.. Господи!..

Мы стояли перед ней молча, взявшись за руки, предоставив ей возможность вволю наглядеться на нас, примирившихся, наглядеться и нарадоваться. Понимая, что в такую минуту мать ни в чем бы не могла отказать ему, Ванька спросил:

— Мам, можно я ночую нынче у них?

— Да ночуй! Мне-то что?— быстро согласилась она, но потом все-таки добавила: — А почему бы Мишке не ночевать у нас?

— А я в следующую ночь приду к вам, тетя Вера!— заверил я.

— Ну уж ладно. Ступайте в избу. Я сейчас приберусь и покормлю вас. Ступайте, разбойники!.. Не блинами, а другим чем-нибудь вас надобно б попотчевать!.. Ну, уж ладно. Ступайте, я сейчас...

Засмеявшись, мы нырнули в сени.

Тем временем во дворе происходило объяснение увязавшегося за мною Жулика с Ванькиным Полканом. Последний первые минуты не знал, как отнестись к этому событию, вздыбл на всякий случай на загривке шерсть, наморщил, обнажая клыки, верхнюю губу, рыкнул для острастки; однако, глянув на молодого хозяина и найдя его улыбающимся, обнимающимся с таким же молодым хозяином Жулика, вернул шерсть в прежнее положение, а зубастую пасть прикрыл. Но Полкан и Жулик не были готовы к такому быстрому переходу от вражды к дружбе: слишком долгой и широкой лежала между ними полоса отчуждения, слишком глубоко были отметины на их шкурах от частого взаимного знакомства с клыками, слишком много шерсти потеряно в свирепых и яростных потасовках, чтобы сразу же позабыть все это. Поэтому, дождавшись, когда мы с Ванькой скрылись в доме, псы поворчали, сказали что-то на своем собачьем языке и убежали в разные концы двора; облюбовали там по своему разумению какие-то не заслуживающие ничего иного предметы, демонстративно подняли над ними заднюю ногу, не спуская при этом настороженных глаз со своего недавнего врага. Затем сошлись, обнюхались, заглянули за чем-то друг другу под хвост, снова убежали в разные концы, повторив там те же действия, и опять сошлись, чтобы обнюхаться, а заодно и показать, что не робкого десятка, что не оробеют в решительную минуту, буде она наступит. Так сходились и расходились много раз, пока не поняли, что пора и им, вслед за молодыми своими повелителями, пойти на мировую. Полкан сообразил, что по законам гостеприимства первый шаг к этому должен сделать он, и потому, весело, задористо таякнув, вытянув как-то по-особому свой хвост и не освободившийся до конца от репьев хвост, помчался по кругу, давая знать Жулику, чтобы тот устремлялся за ним. Жулик принял протянутую ему таким образом лапу, сорвался с места и, заливаясь ликующим лаем, со всех ног понесся за хозяином двора. Набегавшись и накувыркавшись, поволтузив друг дружку, они поднялись на дыбки, уперлись лапами в грудь один другому, повертели мордами и, высунув длинные красные и влажные языки, любовались друг на друга веселыми, смеющимися глазами. Увидав такое через окно, рассмеялись легко и беззаботно и мы с Ванькой, обнявшись за плечи.

Вернулась со двора Ванькина мать, а вместе с нею вошел в избу и ее старший сын Федька. — Оказалось, что он еще раньше нас помирился с моим братом Ленкой и теперь был у него прицепщиком. Чумазая Федькина физиономия при виде меня расплылась в широченной улыбке, белые, как у всех Жучкиных, глаза осветились откровенной радостью. Минуту позже в дом ввалились Вася Мягков и Федька Пчелинцев. Эти каким-то образом прознали, что главные драчуны наконец вновь подружались, и поспешили удостовериться в этом собственными глазами. Тетенька Веруха извлекла из печки испеченные еще утром блины и усадила всех за стол, — и это был настоящий пир, ежели и не на весь мир, то

во всем селе такого наверняка уж не было. До поздней ночи Ванька не отпускал нас от себя, вместе с ним мы проверили все кроличьи норы, пересчитали весь выводок, подивились, радуя Ваньку, обилию кроличьего потомства, великодушно отказавшись, однако, взять для себя по одному крольчонку, — понимали, что в такую минуту Ванька мог бы отдать все стадо и снять с себя не то что последнюю рубашку, но и последние штаны. Тетенька Веруха, наблюдая за нашей возней у кроличьих нор, вырытых, как известно, прямо в земляном полу, сидела на лавке, положив покойно на колени свои усталые, наработавшиеся в течение длинного дня руки. Покой этот разлился и по всему ее лицу. Любуясь нами, она время от времени глубоко вздыхала, но то был вздох радости, а не печали, который так часто исторгался из ее груди.

Уже по-темному, взявшись за руки, мы с Ванькой направились к нашему дому. Я мог бы покликать с собой и двух Васьков, его приятелей, но не знал, как отнеслась бы к этому моя мать, где бы она смогла уложить нас всех. Расстались дружески у Ванькиных ворот. А вот Полкан побежал с нами без всякого приглашения, держался впереди вместе с Жуликом, пресекая малейшие попытки чужих собак выскочить из подворотни и совершить нападение на ребята-тишек, в которых предполагали — и не без основания — своих постоянных обидчиков. Под надежной защитой наших верных друзей Жулика и Полкана мы не обращали ни малейшего внимания на собачий брех, бежали себе вприпрыжку, наслаждаясь близостью друг друга и весело, беспечно болтая.

Так снимались первые плоды долгожданного мира.

VIII

Подлинные размеры и значение любых утрат познаются лишь тогда, когда мы вновь обретаем утраченное. В этом случае потерянный и вскоре найденный пятак обратится в полтинник; обыкновенная палка, кривая и небрежно, плохо отесанная, к которой ты, однако, привык и которая не оказалась под рукой, на привычном для тебя месте в нужную минуту и в конце концов все-таки найденная, превращается вдруг в бог знает какую драгоценность; паршивый, шелудивый поросенок, до смерти надоевший и его хозяевам и другим домашним животным, исчезнувший куда-то и затем невесть откуда заявившийся, приносит всем неожиданную радость; противно, казалось бы, всякой логике, засыхающее деревце в саду становится во сто крат дороже, когда одолеет недуги и войдет в прежнюю силу, окинувшись по весне свежей, сочной листвою. Велика радость молодой матери, когда у ее груди посапывает, покрхтывает, причмокивает вывернутыми, влажно-розовыми губами здоровое дитя; но еще большую радость и никакою уж мерою не измеримое счастье испытывает мать, когда ребенок, захворав, находится уже на грани жизни и смерти, напоминая угасающую лучину, когда склонившаяся над ним боится дохнуть, чтобы не погасить чуть теплящийся огонек жизни, когда, однако ж, вопреки самым страшным ожиданиям, жизнь эта возгорается вновь, ребенок разлепит реснички, и из-под них брызнет на родимую ярким светом своих оченят и сейчас же потянется слабыми покамест ручонками отыскивать мамкину грудь и, найдя, примется бурно сосать, всасывая заодно и упавшую из глаз кормилицы матери слезу, вовсе не чувствуя ее горечи, потому что полынно-горькой и соленой слеза бывает только от тяжких утрат, на радостях же она слаже самого сладкого меда. — так по крайней мере кажется нам; ну, а теперь скажите, бывает ли на свете радость, которая смогла бы сравниться с этой? Нет, скажете вы, не бывает. Но вот что удивительно: ее, такую вот, мог испытать человек лишь после того, как находился у черты несчастья, может быть, самого большого в его жизни. Подобно этому, наверное, познается нами и доподлинная цена утраченной некогда, но, к счастью, вновь

обретенной дружбы и любви. И опять вопрос: неужели для того, чтобы стать вполне счастливым, то есть ощутить и оценить это счастье в полную силу и в полную меру, ты должен прежде пережить какое-то большое горе, то есть быть несчастным?

Не знаю, не знаю. Может, оно и так. Во всяком случае, у нас с Ванькой случилось именно это. Забравшись на печь, которая была моим постоянным прибежищем, мы долго не могли заснуть. Мать какой уж раз напоминала нам, что пора бы уж утомиться, что кочета пропели вторую зорю, что ей, матери, пора доить Рыжонку, но мы на это отвечали лишь тем, что увертывали свои голоса до шепота, но не умолкали. Только вернувшийся на рассвете отец (не задурил ли он опять?) заставил нас пришипиться, затаиться, притихнуть, — папашке для этого не потребовалось даже раскрыть рта: в нашем доме его все-таки по-прежнему побаивались. Наговорившись вволю, утомленные воспоминаниями и событиями минувшего дня, мы в конце концов заснули и спали в обнимку до позднего утра, до тех пор, пока по моим ноздрям не ударил запах конопляного масла, которое мать сэкономила вроде бы специально для такого дня, чтобы подсобрить им только что испеченные прямо на шестке лепешки. Раскрыв глаза, я беззвучно засмеялся: так-то легко, просторно и весело было на сердце. Легонько, осторожно (Ванька очнулся позже) выпростал руку из-под отяжелевшей во сне, взлохмаченной головы товарища и, не желая так скоро расставаться с на редкость прекрасным состоянием духа, предался разным мальчишеским думам. От одной пришедшей вдруг в мою голову мысли просиял весь, вздрогнул, как от неожиданного открытия. Да оно и было открытием — то, что пришло в мою голову. Я вспомнил, что с нынешнего дня множество мест, которые вчера еще были для меня запретными, сделались вновь доступными и открытыми, и я могу, ничего и никого не боясь и не остерегаясь, пойти куда угодно и в самом се-

ле и окрест села. Неслыханные, сказочные богатства, которых мы было лишились по недоразумению и по собственной глупости, сызнова возвращались к нам. Это и луга, Большие и Малые, где вот-вот подымутся на длинных своих тонких ножках темно-бордовые, с золотинкой внутри, ребеночьи шлычки¹ сладких слезок и можно набрать их целое беремя и принести домой; там же, на лугах, тех и этих, на пригорках, первыми выглянувших из-под полой воды, убирающейся потихоньку восвояси, в речную свою колыбель, высунулись из влажной земли нежно-зеленые, с красными прожилками листочки щавеля, — от одного воспоминания о них во рту у меня моментально скопилась кисленькая слюна; это и гнезда диких уток на болотных кочках, в них теперь можно обнаружить первую кладку — особенно много таких гнезд в Чадаевском лесу, куда мне не было ходу несколько последних весен; это и катание вместе с Ванькой на долбленке по лесным дорогам и просекам, напоминающим сейчас узенькие речушки, — хорошо плыть по ним, лодка неслышно скользит в зеркале недвижной почти, неколеблемой ветром воды, перевернутые вверх тормашками деревья бережно несут нас вместе с лодкой в своих широких ладонях, растопырив причудливо изломанные длинные сучья, похожие на узловатые пальцы какого-то неземного существа; сойки тоже носятся в воде вверх пузом, оглашая лес своим трескучим речитативом, предупреждая всех и вся о нашем появлении, хотя в такую торжественную минуту мы никого не могли бы обидеть, нам довольно и тех чар, которыми был полон лес в такую пору, нам даже не хотелось говорить, ибо как раз в молчании-то душа и находила особое для себя упоение.

Скорее всего нынче, сразу же после занятий в школе, мы и начнем с этого — с катания на лодке по лесным дорогам, просекам, полянам и всяким иным прогалинам.

¹ Шлык — детский чепчик, отороченный зубчатым, кисейным узором. (Прим. автора.)

Впрочем, пожалуй, все-таки не с этого мы начнем. Ленька сказывал, что нынче трактористы выведут свои машины в поле, на весновспашку, и, конечно же, во второй половине дня устремимся на поле и мы с Ванькой — теперь мы подросли и вполне можем стать за прицепщики; глядишь, Ленька расщедритсЯ, усадит меня за рычаги, чтобы я хоть нанемножко, на чуточку побывал в трактористах; я бы уговорил брата, чтобы он и Ваньке позволил посидеть за рычагами, подержаться за них и испытать волнующую сладость своей власти над слепой, огнедышащей, могучей, стальной силой машины.

Да, именно с этого мы и начнем. Ну, а летом, осенью и зимой к нам вернется все остальное, что было потеряно: и землемерная вышка на Большом мару, откуда видны, как на ладошке, и наше село, и луга, и лес за лугами, и гумны, Большие и Малые, и могилки за гумнами с их крестами, тоже большими и малыми, кривыми и прямыми, старыми и свежеструганными, под которыми покоится разный люд, богатые и бедные, умные и дурачки, — там, поди, земляков наших во много раз больше, чем живет сейчас на белом свете; увидится с Большого мара и сгорбленный тощѣй крестик из недавно освежеванной осины, странно напоминающий того, кого на днях положили под ним, а именно: дедушку Ничея. Старик вовремя убрался, потому что годом позже некому было бы вырыть для него могилку (гроб-то он сколотил для себя сам загодя, настолько «загодя», что домовина эта пролежала на чердаке без малого три десятка лет), не отыскалось бы могильщиков, поскольку на пороге уже стоял 1933 год, одним махом, одною страшною охапкой унесший на тот свет полсела. Уже на смертном одре пришедшей проведать его древней Калинихе, своей ровеснице, не забывшей сообщить умирающему, что плут Самонька прилачился потаскивать с его двора соломку, дед Ничей, вздохнув и перекрестив слабым перстом грудь, тихо изрек свое всегдашнее:

«Шут с ним, кума, пушай тащит, лишь бы не воровал. Да и не нужна она мне теперича, соломка энта. Припас, было, шток крышу маненько подлатать, а щас ни к чему она мне. Другую исделал, приготовил для себя давно — там она, на подлавке¹. И смертное припас, в сундуке оно, кума. Достанешь потом. А так, што ж, пушай тащут, лишь бы...»

Нажется, это были последние слова, которые произнес на этом свете добрейший старичок перед тем, как переселиться в мир, где «нет ни радости, ни печали». Да и умел ли он печалиться и гневаться, человек, от которого никто и никогда не слышал ни единой жалобы? Разве лишь в глазах его можно было прочесть молчаливое осуждение, такое, скажем, как то, которое видел я при встрече с ним на Малых лугах вскоре после первой нашей с Ванькою драки. Не любил дед Ничей жаловаться и, может быть, по этой причине был самым счастливым из всех смертных. Но дедушки Ничей теперь нету — осталась только и долго еще будет жить его чудная, вызывающая улыбку у самого, казалось, не улыбчивого человека присказка.

С землемерной вышки на Большом мару можно увидеть и соседние деревни и села — Панциревку, Варварину Гайку, Салтыково, Кологреевку, Чаадаевку, Симоновку; с нее распахнутся для нас с Ванькой такие дали, от коих дух захватит и защекочет под ложечкой, сладко занает и захолонет, сердце остановится на миг от охватившего волнения; оттуда, с высоты, можно высмотреть, где попрятали свои гнезда дудики, стрепеты, где вырыли норы лисы, сурки, над какими местами больше всего трепещут крылами жаворонки, на что падает камнем ястребок — на суслика ли, на затаившуюся ли перепелку — и куда, в какой лес полетит со своей добычей, облегчая нам поиски пустельжат (теперь мы можем отыскивать их, как только придет пора, вместе с Ванькой Жуковым).

Нынче же вместе с ним непременно проведем наших лошадей, ставших колхозными, старую Карюху и старичка Серого, которого два года назад отводил на общий двор Ванька и оросил его жиденькую гриву своей слезой, но только ни за что на свете не признается в этом.

Будем на рубеже осени и зимы делать наши «зыбки» и в Кочках и на Баланде, будем охотиться в лесных озерах с Ванькиным топориком (он сохранил его до сих пор, о чем сообщил мне доверительно вот тут, на нечке, перед самым сном), — будем, значит, охотиться на рыбешек, спящих под тонким и прозрачным льдом; будем слушать при этом залихватный, кукушечий переклик отзывчивого эха с нашими собственными голосами, пущенными ему вдогонку; будем кататься на все тех же деревянных коньках на реке, а на козлах — с Чаадаевской горы; будем подсказывать, помогая друг другу, в школе на уроках, и строгому Коту не нужно будет прибегать к нелепому средству вразумления драчунов — к бойкоту, потому что мы поклялись никогда и ни с кем не драться (впрочем, Иван Павлович, ежели б и захотел, то уже не смог бы сделать это по причине, о которой речь впереди); будем совершать и магелланово путешествие на льдинах по весне, будем делать то и другое. Словом, все, что перебиралось в мыслях моих, решительно все должно было вернуться на круги своя... Но возможно ли такое? Как вернешь годы, проведенные во взаимной вражде? И будут ли так же пленительны, беззаботны и веселы все наши игры и забавы, когда сами мы уже не те, когда повзрослели и смотрим на мир несколько иными глазами и когда в самом-то мире многое усложнилось и переменилось до неузнаваемости?..

Однако последние мысли могли прийти потом, но никак не в тот час, когда я ждал в великом нетерпении Ванькиного пробуждения и душа моя была полна светлой радости и покоя.

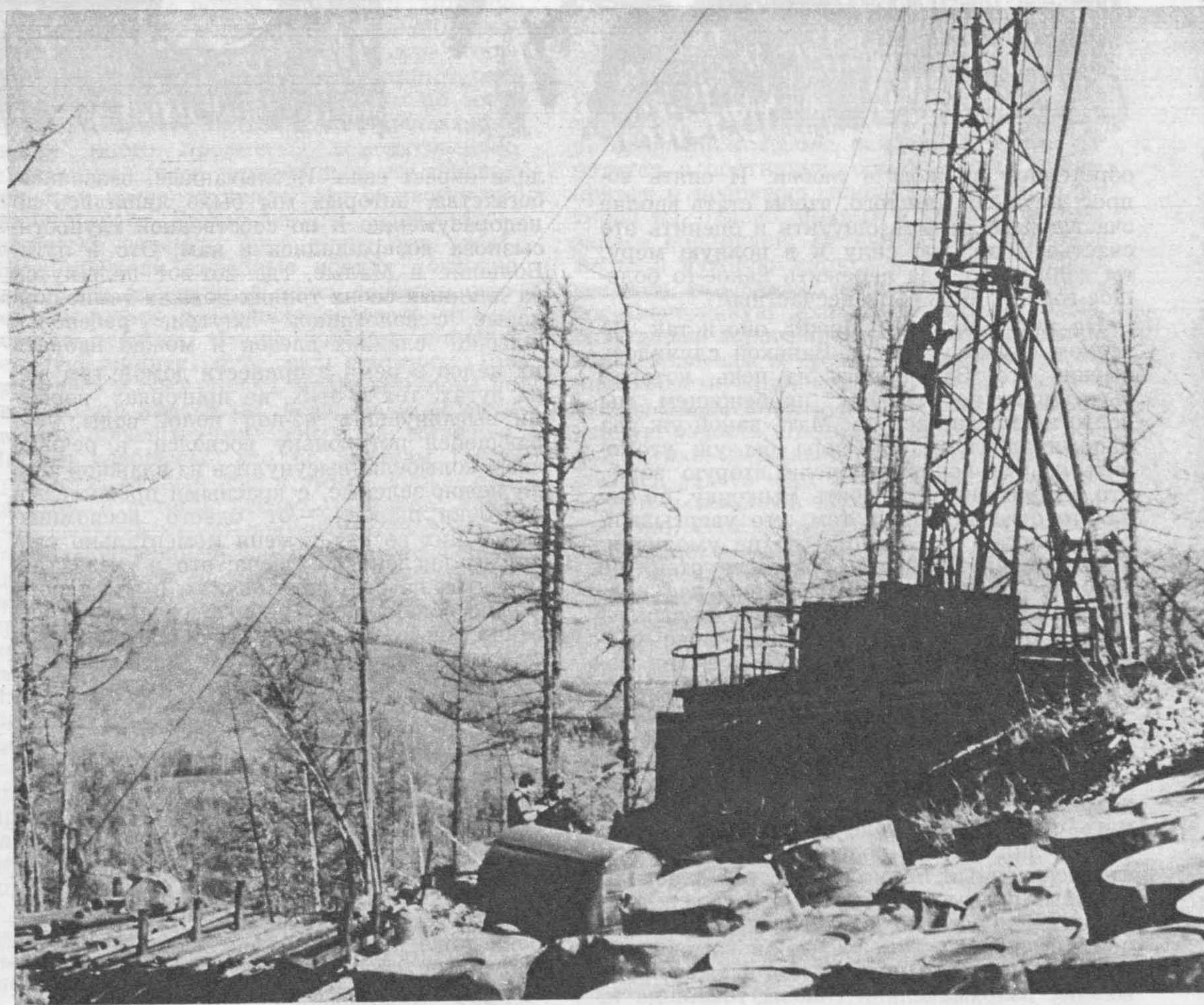
Продолжение следует.

¹ Так в нашем селе называют чердак.

На степных просторах.

Монтаж буровой вышки.

ПОДЗЕМНАЯ

К. ЮРЬЕВ,
фото
А. МАСЛОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

...МЫ услышали в горах треск и увидели убегающего прочь архара — горного барана. Он ловко карабкался вверх, только камни летели из-под копыт. В это время года обоняние у архара плохое, слух тоже, иначе не выскочил бы прямо на буровую вышку. Хотя, кто знает, вышка на этом месте всего несколько дней, может, именно здесь проходит невидимая тропа, по которой архары ходили веками.

Тува — это и степь, и пустыня, и горы, и леса. На ее территории зарождается великая сибирская река Енисей. Пути человека и природы пересекаются здесь, можно сказать, ежедневно. И не всегда исход благополучен для природы. Вспоминаю разговор с одним чабаном. Ему за шестьдесят, всю жизнь он стрелял тарбаганов — степных сурков. В хозяйство чабана шло мясо, жир, шкурки. Сейчас охоту запретили, тарбаганы занесены в Красную книгу, но чабану вроде невдомек: как же так, не стрелять? Деды стреляли, отцы стреляли, а нам нельзя? «Да, нам, выходит, нельзя». Слово в подтверждение этих слов, ночь за юртой прорезал луч света. Это браконьеры носились по степи на мотоцикле, светя фарами. Чабан согласился, конечно: ночью стрелять беззастенчивых, ослепленных животных недостойно охотника, но вот днем...

Среди нас не было охотников. Мы спокойно проводили глазами убегающего архара. Буровая вышка издали похожа на этажерку, неизвестно как оказавшуюся среди поросшего тайгой склона горы. Вблизи — внушительное сооружение. В моменты подъема проб — керн — оно сотрясает округу грохотом и металлическим ляганьем. Буровые вышки вблизи комбината «Тувакобальт» занимаются разведкой месторождений кобальта. Точно иглы, они впиываются в разбегающиеся подземные реки, исследуют состав и качество руды.

Бурильщику Александру Крылову двадцать семь лет. У него широкое русское лицо и голубые глаза. Он местный, из поселка Хову-Аксы, выросшего по соседству со старой деревней Огневкой, которую, по преданию, основал в начале века крестьянин Огнев. Помощник бурильщика Николай Селигеев тоже молодой человек. Тувинец, его предки пасли овец на другой стороне хребта. Николай показывает, где именно, но вдали горы сливаются с горизонтом, окутываются сиреневой дымкой.

Смена, обслуживающая буровую, состоит из двух человек, наблюдающих за режимом бурения, соблюдением технологии. Каждые полтора-два месяца вышка переезжает на новое место. Раньше такой переезд отнимал очень много времени и сил, Александр это знает, потому что его отец тоже был бурильщиком. Сейчас вышку перетягивают на новое место могучий трактор-тягач, и все «новоселье» занимает день-два.

На первый взгляд труд бурильщиков кажется не таким уж сложным. Похаживай вокруг вышки да посматривай. А бур, он сам вгрызается в землю, сверлит ее где-то там, в недоступных взору темных глубинах. Но, пообщавшись с бурильщиками чуть подольше, начинаешь понимать: труд их требует не только

физической выносливости, смекалки, но и знания основ геологии, умения обращаться со всевозможной техникой. А кажущаяся легкость — это результат слаженности действий Александра Крылова и Николая Селигеева. Они шутят: если сложить все метры скважин, ими пробуренных, то получится, что просверлили Землю насквозь!

— Наша работа интересна еще и тем, — говорит Крылов, — что в ней всегда присутствует элемент неожиданности. Каждый раз, когда поднимаем керн, сердце бьется! Что там, в глубине? Найдем кобальт или нет? Когда находим — праздник!

— А иногда бывает, — добавляет Селигеев, — ищем одно, находим другое. Тоже праздник, только как бы неожиданный.

Чувствуется, им нравится их дело, они бурильщики по призванию. Нашупанные ими кобальтовые жилы разрабатываются, руда обогащается, а потом уже кобальт расходуется по всей стране. Едва ли можно назвать отрасль народного хозяйства, где кобальт был бы не нужен. И сознание того, что они, Крылов и Селигеев, стоят у истоков подземной, столь необходимой стране кобальтовой реки, наполняет их труд особенным, духовным содержанием.

Природа Тувы своеобразна. Когда садится солнце, тени гор ложатся на поросшие тайгой склоны языками. Слово две расчески сцепились зубьями: свет и тень. Утром — свет осилит, вечером — тень.

В тот день я познакомился на буровой и со старшим геологом Хову-Аксинской поисковой партии Александром Кононенко. Как и Крылову, ему двадцать семь лет. Родом из Донбасса. Потом учился в Новочеркасске, и вот уже пять лет в Туве. Здесь обзавелся семьей, двое детей. Кононенко говорит, что еще в институте Тува заинтересовала его именно как геолога: такое богатое поле деятельности, как здесь, редко где встречается. Взять хотя бы кобальтовое месторождение. Давным-давно открыто, разрабатывается вовсю, уже почти полтора десятка диссертаций на его материале защищено, и все равно — какой простор для научного поиска! Ищи, работай! Кононенко приехал на буровую как раз к подъему керна, пока разговаривали, все время нетерпеливо поглядывал в сторону вышки. Хотелось быстрее увидеть, что подняли из глубины, что, выражаясь языком геологов, «выбурили». Да, Кононенко работает здесь по призванию. Иначе не примчался бы на буровую в воскресенье. Тува стала для него, украинца из Донбасса, родным домом. Он сказал, что никуда отсюда не уедет...

Пейзаж Тувы так же своеобразен, как и ее природа. Мне вспоминается виденная в детстве почтовая марка: в обрамлении причудливого синего орнамента идет по желтой пустыне караван верблюдов. И надпись латинскими буквами: «Touva Postage». И сейчас, когда едешь по пустыне, видишь подобный пейзаж. Слово время здесь замерло, остановилось... Но проедешь еще немного, и обязательно обнаружишь вокруг приметы сегоднешнего дня, двадцатого века.

В августе Тувинская АССР отмечает 60-летие своей государственности. (С момента образования в 1921 году и по 1944 год Тувинская Народная Республика была третьим после СССР и Монголии государством, вставшим на социалистический путь. В 1944 году добровольно вошла в состав СССР.) Буровая вышка в горах неподалеку от Хову-Аксы — лишь крохотный штрих в тех огромных социальных и экономических изменениях, что произошли за последние годы в Туве и в корне изменили прежний уклад бывшей дикой окраины — Урянхайского края. Они, эти изменения, произошли благодаря самоотверженному труду людей, для которых собственная профессия стала призванием, как стала она призванием для бурильщиков Крылова и Селигеева, для геолога Кононенко. Призвание хочется сравнить с той же подземной рекой. Так просто ее не разглядишь, а жизнь в результате исполнена высокого смысла. Труд как праздник. Хочется, чтобы подземная эта река была в жизни каждого человека. И включала не только отношение к избранному делу, но и к миру, в котором живет человек, к земле, по которой он ходит, к небу над его головой, к окружающей природе: архару — горному барану, тарбагану, недавно занесенному в Красную книгу...

Но это уже другая тема...

16 АВГУСТА —
ДЕНЬ ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА СССР

Прозрачный фонарь плавно закрылся, и в кабине сверхзвукового истребителя стало непривычно тихо.

— Внимание! Запускаю двигатель! — звучит в шлемофоне голос командира, военного летчика 1-го класса подполковника Виктора Дешина.

Тут же передо мной на приборной доске учебно-тренировочного истребителя — летчики его называют «спарной» — вспыхнуло многоцветие сигнальных лампочек, начнулись стрелки приборов, а за спинкой катапульты тонко запели стремительно набирающие обороты турбины двигателей.

Через фонарь кабины было видно, как один за другим порулили на старт два истребителя, в кабинах которых летчики 1-го класса подполковник Николай Борщев и майор Александр Савочкин. Экипажам предстоит выполнить тренировочный полет «на потолок» — так называют летчики полет в стратосферу.

В овале лобового стекла передние самолеты похожи на ракеты, в любое мгновение готовые ринуться на штурм высоты. Мы пристраиваемся за ними.

— Внимание! — командует Н. Борщев. — Форсаж!

В тот же миг из сопел истребителей вырвались тугие струи оранжевого пламени, и машины понеслись по бетонке. Короткий, стремительный разбег — и истребители круто ушли вверх. Перегрузки огромные! Меня припечатало к спинке сиденья. Руки, ноги, все тело налились свинцовой тяжестью. Когда я попытался запечатлеть на пленку необычайно красивое зрелище — серебристые на фоне лазурно-голубого неба истребители и оранжевые шлейфы форсажного пламени, к своему удивлению, еле-еле смог оторвать фотоаппарат от колен.

Все выше вверх ползет стрелка альтиметра, все дальше и дальше мы уходим от земли. Здесь, в стратосфере, где плотность воздуха низка, а просторы необозримы, есть где разгуляться истребителям этого класса. И когда машины перешли в горизонтальный полет, сразу же почувствовалось, как бешено стала нарастать скорость.

— Командир, — попросил я. — Подойдите к самолетам справа. Приступаю к съемке...

— Выполняю!

Снимки я все-таки сделал... А самолеты ушли на выполнение задания.

Майор В. ГРИБОВ,
фото автора

Скоро в небо, и потому настроение у военного летчика 1-го класса майора С. Фителя отличное.

РЕКА

ПОЛУЧАСА В СТРАТОСФЕРЕ

ПУШКИ КОМАНДОРА

Галина САНЬКО

Вечер. Дочитываю книгу. Звонок в дверь. Кто бы это так поздно? Телеграмма... Вчитываюсь и вдруг все понимаю! Вспомнила прошлогодний визит археолога из Владивостока Геннадия Леонидовича Силантьева, участника экспедиции Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Геннадий Леонидович тогда рассказал:

— Мы ведем поиск на берегу бухты Командора на острове Беринга. Завершились раскопки землянок, в которых жили члены экипажа пакетбота «Св. Петра». Найдены и законсервированы остатки такелажа корабля, одежда, посуда, оружие, плотницкие топоры, ножницы, пушечные ядра... А самих пушек нет. Но они должны быть! Известно, что около двухсот лет никому не удавалось обнаружить пушки Беринга, очевидно, давно погребенные под толщей песка. А может быть, пушки — миф? Легенда?... Поиск привел меня к вам, потому что экспедиции стало известно, что вы видели и даже сфотографировали исчезнувшие пушки Беринга. Так ли это, сохранились ли у вас негативы — они могли бы послужить доказательством реальности пушек...

Фототека у меня богатая, а поездку на Командорские острова в 1935 году я помню так, как будто она была вчера... Вот и те негативы, вот и фотографии — пушки Беринга не миф!

Было это 46 лет назад, в августе 1935 года. К тому времени я уже год жила и работала на Камчатке, побывала с фотокамерой во многих интересных местах. Но мысль побывать на Командорских островах не покидала меня. Двести миль — преодолеть их не легко из-за постоянных штормов и туманов. Не чаще четырех раз в году встречали островитяне пароход с Камчатки.

И вот я на Командорах, среди жителей села Никольского; вскоре

1935 год. Галина Санько откапывает пушки.

познакомилась с бригадиром Алексеем Яковлевым, который на собачьей упряжке отправлялся на лежбище морских котиков. Незабываема поездка на нартах! Без снега — по травам, иного способа передвижения не было. Не было тогда ни дорог, ни автомашин, ни тракторов, ни вертолетов... Задержала нас моя экипировка. У меня было кожаное пальто, но оно для дальнего похода на собаках не годилось. Подобрали мне брюки и куртку из сыромятной кожи, в общем, из того же котика...

Всю дорогу — не один десяток километров — мы все шли; присаживались на нарты редко, они и без того были тяжело нагружены. По пути слышали лай каких-то зверьков, напоминающих остро-мордых юрких собачек, они с любопытством выглядывали из нор. Голубые песцы, объяснили мне.

Ночевали, помню, в чистенькой избушке. Еда — хлеб. И соленое мясо все тех же котиков, но я от него отказалась; предпочла побродить вокруг избушки и собирать отличную морошку. И по-сегодня помню, как была голодна и как кстати оказалась та морошка.

Утром возвратились в Никольское. Там продолжалась разгруз-

ка парохода. Обратила внимание на детей. Детей было много и в селе и на берегу. И памятник на острове Беринга, где погиб отважный мореплаватель, первооткрыватель пролива, названного потом его именем, — все меня интересовало. Пошла к промысловому старшине Березину порасспросить его о подробностях промысла пушного зверя и жизни на острове Беринга, до которого, как мне тогда казалось, рукой подать. И тут он, между прочим, рассказал, что парни-зверобой были там совсем недавно и во время отлива заметили какие-то странные предметы, почти занесенные песком и водорослями. Бревна или что-то другое, громоздкое?... Поговорили и между собой решили, что это могут быть остатки экспедиции самого Беринга. Невероятно, ведь прошло два века! Двести лет... Один из парней предположил: «Похоже, что пушки...» Тут уж мое сердце заколотилось, я с волнением спросила, как туда попасть. Выяснилось, что группа алеутов с острова Медного возвращается к себе домой и сможет забросить меня в бухту Командора и потом — на Медный, а туда придет позже пароход...

Итак, в путь. Сопровождал меня пограничник товарищ Фролов, с

нами двенадцать алеутов с Медного во главе со своим старшиной Борисом. Поплыли на моторной барже — кавасаки. Меня поместили за неимением иного, более удобного для единственной женщины места в трюме: палубу захлестывали высоченные океанские волны, сильно качало, мне дали стеганку, чтобы не замерзла. В трюме со мною были еще два пассажира — телки. И телок и меня быстро укачало, хотя я не первый раз выходила в море...

Ночь прошла в кошмаре. На рассвете подошли к берегу. Был час отлива, и пристать мы не могли. Помогла бы шлюпка, но ее на барже не было. Вот он, берег, а высадиться нельзя. Я видела: белеет крест на могиле Беринга; там, на берегу, может быть, пушки со «Св. Петра»... У меня от горя буквально заскрипели зубы, острая досада обернулась небывалой решимостью: я должна перебраться на берег! Мой взгляд скользнул по нашему мокрому суденышку и остановился на трюмных крышках: «Делайте плот!» Бригадир не понимал или не решился. Наскоро отсчитываю всю денежную наличность — сто шестьдесят три рубля. Подхожу с ними к Борису — старшине: «Делайте плот!» Бригадир отвел мою руку с деньгами, собрал алеутов — парней загорелых, жилистых. Идет время, меня охватило такое волнение, что едва на ногах стою, да и от ночной качки мутит... Появился Борис с веревками, гвоздями, топором. Парни дружно взялись сооружать плот. Сбиты три трюмные крышки. Плот спущен на скачущие волны. Он оснащен тросом. Два самых легких алеута переправляются на берег. Вторым рейсом — Фролов с моим фотоаппаратом. Наконец — я на плоту.

И тут мне изменили силы, едва держусь на ногах, буквально валюсь на мокрый утлый плот и так, на четвереньках, терплю переправу. Промокшая, оглушенная новой качкой, выбралась на пологий берег; сняла остановившиеся от воды часы. И оставила на бревне сохнуть. На возвышенности над океаном белеет крест. Могила Беринга — бреду к ней. Добрела, валюсь без сил, шепча: «Так, наверное, умирают...» Шарю в кармане куртки и — о счастье! — на-

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

«ПРЕДЕЛ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ»

Под таким заголовком в журнале «Огонек» (№ 25 этого года) была опубликована статья о некоторых проблемах хозяйственной и партийной жизни в одном из

районов Чечено-Ингушетии. Редакция получила ответ секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС тов. Д. Завгаева:

«Чечено-Ингушский областной

комитет партии с большим вниманием и удовлетворением принял статью специального корреспондента Виталия Засеева «Предел самостоятельности», опубликованную в журнале «Огонек». В ней объективно, с партийных позиций поднят целый комплекс назревших проблем развития села, подвергнуты справедливой критике недостатки в работе партийных, советских и хозяйственных органов республики.

Затронуты такие важные ключевые вопросы, как мера самостоя-

тельности колхозов и совхозов в решении экономических и социальных задач, подготовка, расстановка и воспитание кадров в духе деловитости и партийной принципиальности, пути повышения продуктивности животноводства, улучшения производства кормов и т. д.

Обком КПСС рассмотрел поднятые в статье актуальные проблемы и принял конкретные меры, обязывающие партийные комитеты, министерства и ведомства

щупала случайный леденец!.. Со-су леденец и чувствую, как возвращаются силы и решимость. Сознание того, что нужно спешить, что нужно отыскать пушки, сделать фотографии всего, что увижу, поднимает меня, подгоняет. Спешу через какие-то заросли, натыкаясь на ручей, преодолеваю и его. Двое алеутов и руками и лопатами разгребают тут и там прибрежный песок. Ничего. Но уходить ни с чем нельзя!.. Моим спутникам скоро надоело рыться в мокром тяжелом песке. Я же без усталости руками, по-собачьи разгребала сыпучий берег и чуть не плакала...

Не помню, кто из нас первым наткнулся на большие твердые предметы. Мы дружно навалились, расчистили довольно большую площадку, и нашим взорам предстали старинные пушки. Века — и вода, и песок, и коррозия — как бы спекли их в одну массу. Я пыталась отчистить их, отодрать хотя бы один ствол от остальных, хотя бы одну пушку отвезти в музей. И я даже откатила одну пушку в сторонку. Но мысль притащить пушку на кавасаки пришлось оставить — мы едва сами перебрались обратно на баржу. Делаю фотографии. Потом Фролов взял мою камеру и сделал несколько снимков мне на память — я и пушки Беринга.

...Вот что я вспомнила сорок шесть лет спустя. И теперь передо мной телеграмма: «Уважаемая Галина Захаровна зпт сердечно благодарим за великолепные снимки добрые пожелания нашей экспедиции тчк Пушки количестве семи штук подняты глубины трех метров месте соответствующем вашему снимку тчк Две везем Владивосток остальные острова тчк Всего вам самого доброго уважением члены экспедиции «Беринг-81» Леньков».

В. Д. Леньков — научный руководитель археологической экспедиции. Из газет узнала, что пушки на океанском дне обнаружил кандидат технических наук Андрей Кириллович Станюкович, кстати, потомок известного писателя-романтика, обнаружил с помощью современного прибора — квантового магнитометра. Вот и вся история. Рада, что оказалась причастной к ней. Историческая память народа навсегда сохранит чувство благодарности к отважному мореплавателю Витусу Берингу. И ко всему, что связано с его открытиями, с его жизнью-подвигом.

ВЛАДИВОСТОК (НАШ КОРР.) — Сюда доставлены из бухты Командора найденные археологами пушки Беринга.

республики устранить имеющие место недостатки в работе.

Мы высоко ценим и другую сторону подобных выступлений...—своевременное обобщение положительного опыта других областей, краев и республик. Это во многом помогает партийным, советским и хозяйственным органам постоянно совершенствовать организаторскую, политическую и хозяйственную работу, способствует успешному выполнению исторических решений XXVI съезда КПСС».

Юрий КОЗЛОВ,
фото
Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

РОДНОЕ ПОЛЕ

Киргизия многолика. На ее территории встречаются какие угодно пейзажи: ледяные вершины гор, цветущие долины, леса, выжженная солнцем пустыня... Каждая область, район чем-то обязательно отличаются от других. Ошскую область, например, невозможно представить себе без хлопковых полей. Еще с самолета видно: земля как бы расчерчена в зеленую линейку. Поля подступают к областному центру со всех сторон. Хлопок — главное богатство юга Киргизии.

Труд хлопкоробов нелегок. Хлопок требует постоянного — изо дня в день — внимания, присутствия человека на поле, подчиняет жизнь людей своему собственному графику: культивация, внесение удобрений, полив... Бригады живут на полевых станциях — островках среди зеленых волн — по семь-восемь месяцев в году. Уже одно это обрисовывает довольно широкий круг проблем, которые необходимо решать. Но об этом после.

Секретарь Ошского обкома партии Барпы Рыспаев, говоря о хлопководстве в области, подробно остановился на интересном почине — создании хлопководческих девичьих комсомольско-молодежных бригад. Сейчас их в области более пятисот. Сразу же после школы девушки включаются в трудовую жизнь, приобретают специальность, учатся жить в трудовом коллективе.

Не случайно, говоря об этом, Рыспаев часто употреблял слово «решительность». Действительно, нелегко вот так сразу оторваться от родного дома. Не секрет, что далеко не все девушки в Средней Азии после окончания школы идут работать. Многие остаются дома, а это неизбежно сказывается на их духовном развитии, кругозоре, наконец, просто-напросто они остаются без профессии.

Припомнился и другой разговор — с парторгом колхоза имени Кирова Кара-Суйского района Закиржаном Сатвалдиевым. В колхозе восемнадцать хлопководческих бригад, две из них девичьи: «Горные звезды» и имени Николаевой-Терешковой. Последняя —

Весной и в начале лета зеленые хлопковые кустики кажутся беззащитными перед природой, такие они маленькие, слабенькие. Днем воздух над ними плавится от зноя, вечером проплывают темные тучи, которые могут обрушиться на них дождь, град, за несколько минут превратить стройные ряды в месиво. В такое время огромный тополь на полевом стане бригады Азады Бегимкуловой шумит особенно тревожно, словно предупреждает о надвигающейся опасности. Но что можно сделать! Как предотвратить! После дождя на всех полевых станах звонят-разрываются телефоны: «Как хлопок! Цел! А в соседней бригаде побито. Придется пересевать...» Такова жизнь хлопкоробов.

бригада образцово-показательная, во всяком случае, в смысле бытовой обустроенности. Всех гостей везут сюда. Сатвалдиев объяснял, зачем создаются девичьи бригады.

Во-первых, чтобы дать девушкам специальность, восполнить нехватку кадров в хлопководстве. Во-вторых, чтобы закрепить их на селе. Проблема эта, оказывается, существует и здесь. С одной стороны — избыток трудовых ресурсов в сельской местности, а с другой — не все идут в совхозы и колхозы. Как минимум, говорил Сатвалдиев, бытовые условия в колхозе должны быть лучше, чем в городе. Ведь рядом — менее часа на автобусе — Ош, еще ближе Кара-Су, тоже город немаленький. Они со своими многочисленными предприятиями, широкими возможностями, словно магниты, притягивают молодежь. Так что, делал вывод Сатвалдиев, телевизоры в бригадах на полевых станах, библиотеки, комнаты отдыха, ковры на стенах — это еще не все. Молодежь не так уж охотно идет в хлопководство. Почему? Помимо непосредственной заботы о хлопке на плечи девушек нередко ложится и вся «черная» домашняя работа в бригадах. Они сами себе готовят еду, прибираются в помещениях, занимаются огородом, подсобным хозяйством и так далее. Сколько они получают? После окончательного расчета в конце года выходит примерно по сто девяносто в месяц. А в животноводстве, например, получают вдвое больше плюс натуральная плата: ягнята, овцы. На хлопке этого нет. Выходит, одних бытовых условий мало. Дело в бригадах спорится, продолжал парторг, когда труд там перестает быть чисто экономическим понятием, переходит в категорию духовную. Этот порыв (если он, конечно, есть) сплачивает бригады крепче, чем самые высокие заработки. Ведь в бригадах девушки семнадцати-восемнадцати лет. Они устремлены в будущее, им хочется жить интересно, развиваться, ощущать себя личностями. За этим они идут в бригады. И если не находят, то не остаются. Многое здесь зависит от бригадира.

БРИГАДИР

Азада Бегимкулова — бригадир девичьей бригады «Умут», что в переводе значит «Надежда», колхоза имени Карла Маркса Кара-Суйского района — не вполне обычный бригадир. Она создатель бригады. Азада — молодая писательница. В 1976 году вышла первая ее книжка «Рассвет на ладони». Скоро выйдет вторая. У Азады высшее образование. Много лет она проработала в обкоме комсомола инструктором орготдела. И вдруг неожиданный поворот в судьбе: бригадир! Впрочем, неожиданными такие повороты бывают только для окружающих. Для самого же человека они обусловлены внутренней логикой его жизни, характером.

Зимой прошлого года, когда вдоль пустых полей гулял ветер и черные ветки тутовника угрюмо смотрели в небо, Азада приехала в колхоз имени Карла Маркса к председателю Сатвалды Ажикулову. Как раз недавно его критиковали, что нет девичьих бригад. Ажикулов выслушал Азаду, оглядел скептически, задержав почему-то взгляд на ее каблуках, и задал вопрос, который и впоследствии ей задавали частенько: «Скажи, зачем тебе это надо? Ты же городская, привыкла к комфорту. Куда тебе выращивать хлопок? Или... прославиться хочешь?»

До славы, однако, в тот зимний день было гораздо дальше, чем до квартиры Азады в Оше, куда она вполне могла вернуться и забыть о разговоре с председателем. На следующее утро она ходила по домам кишлака Кендженул, беседовала с недавно окончившими школу девушками, с их родителями. Заинтересоваться старалась кого чем. Кого зарплатой, которую будет приносить домой дочь, кого тем, что дочери в коллективе будут веселее, там, наконец, она сможет приобрести профессию, не век же сидеть в родительском доме. Девушкам говорила, что это будет новая бригада, они по-своему организуют жизнь, сделают ее содержательной, интересной. Однако пона это были слова... Записались в бригаду пятнадцать девушек. А на следующее утро на место сбора никто не пришел! Азада снова пошла по домам. На этот раз говорила примерно так: «Смотрите! Я приехала работать в колхоз из города. Вы же не отпускаете туда своих дочерей, которые родились и выросли в селе!» Та-

кая логика подействовала. К тому же кто-то вспомнил фамилию Азады, читали, оказываются, ее рассказы, очерки. В общем, 23 февраля 1980 года на заседании правления колхоза было объявлено, что создана новая девичья бригада, имя ей «Умут» — «Надежда», закреплено за ней шестьдесят гектаров хлопкового поля...

И все же от вопроса: зачем ей это надо? — не уйти. Проследив за ней мысленно ее жизненный путь, и как бы выстраивается подходящая, все объясняющая линия: Фрунзе — секретарь комитета комсомола кооперативного техникума, Ош — инструктор обкома комсомола, дважды награждена Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ. А после обкома вдруг — экономист облплана. Экономист... Вроде бы выпадающее звено. Но как раз оно многое объясняет.

— Работа меня заинтересовала, — говорит Азада, — я ведь и по образованию экономист, но для меня все же это была неживая работа. В ней участвовала голова, но не душа. Я имела дело с бумагами, а не с людьми. Пока работала в обкоме, объездила все районы, побывала во многих комсомольско-молодежных бригадах: хлопкоробов, чабанов, доярок. Жила там по несколько месяцев. Девушки мне доверяли, все о себе рассказывали. А я старалась понять: что же они думают, чего хотят, к чему стремятся? Мы так часто упрощаем, корректируем собственное представление о современной молодежи. Мол, романтики. Им и крыша над головой не нужна, под звездами любят ночевать. В 1978 году я долго жила в одной комсомольско-молодежной бригаде. Собрала как-то девчат на откровенный разговор. «Что делаете в свободное время?» «Ничего». «Читаете?» «Некогда!» «Поете, танцуете?» «Нет, стесняемся...» Но тогда же я поняла, что стеснение, скованность — тонкий лед, его легко разбить, стоит только взять на себя инициативу, проявить решительность. Человеческая душа не может сопротивляться хорошему. Я привезла пластинки, тексты песен. Уже через неделю мы выступали в другой бригаде с концертом. Потом приехала к ним со своей подругой — поэтессой. Как они встречали, слушали стихи! А вечером поехали в театр, в город, выхлопотала у председателя колхоза автобус. Всю следующую неделю работали с необыкновенным подъемом. Тогда-то и появилась у меня мысль: а что если создать бригаду, где духовное воспитание будет так же обязательно, как ежедневный труд? А в тиши обплана, — смеется она, — желание это окрепло, превратилось в решение. Хотя, конечно, я и приблизительно не представляла всех трудностей, с которыми придется столкнуться.

Азада выросла в городе. Но она умеет управляться с трактором, скакать на лошади, знает наизусть множество народных и современных киргизских песен, играет на национальном инструменте комузе, говорит на нескольких языках. Она спешит жить, стремится немедленно исполнять задуманное, темпераментом своим, верой в то, что все люди достойны счастья, восполняя неизбежные несовершенства окружающего мира. Первый ее опубликованный рассказ так и назывался «Ты достоин счастья». А за плечами нелегкое детство, когда обстоятельства складывались так, что в школу она пошла сразу в пятый класс — до этого самой пришлось учиться читать и писать. Читала много. Больше всего любила эпос — «Манас». С четырнадцати лет жила в интернате в Караване, там окончила восьмой класс. Так получилось — жизнь сложна, — что среднюю школу Азада окончила, когда ей было двадцать лет. Но с тех пор, как сама считает, жизнь ее заметно убыстрилась. Азада не любит рассказывать о своем детстве. Лишь однажды вырвалось: «Ни у кого не должно повториться мое детство!» Может, поэтому старалась записывать в бригаду именно таких девушек, в выражении лица, глаз которых видела сход-

ство с собой, прежней. «Скажи кто мне тогда, что есть девичья бригада, я бы побежала, не задумываясь». Тоже отчасти ответ на вопрос: зачем ей это надо?

Чтобы сразу же подчеркнуть, что все в бригаде будет по-новому, первым делом на быткомбинате была заказана одежда для девушек: рабочая форма и праздничные национальные костюмы. Начали оборудовать свой стан: посеяли огород, завезли мебель. 17 апреля устроили праздник — новоселье.

Азада говорила, что прежде чем на что-нибудь решиться, надо уничтожить главных врагов действия — сомнения, колебания. Но они коварны. Без сомнений человек жить не может. Она прятала их в себе, плакала по ночам в подушку. А утром вставала раньше всех — энергичная, веселая, всем своим видом показывающая, что океан предстоящих дел — чепуха, все им по плечу! Все люди тогда раскололись для нее на два лагеря — на тех, кто верил и кто не верил. А были такие, кто считал, что она специально приехала делать «показушную» бригаду, что все на нее сыплется как из рога изобилия. Скажет она: нужно то-то — завтра уже привозят. А ничего такого не было. Все им приходилось делать своими руками. Корову, например, для бригадного стана Азада приобрела в долг. Ей еще за нее расплачиваться и расплачиваться.

Постепенно дело в бригаде налаживалось, она превращалась в тот дружный, слаженный коллектив, о котором мечтала Азада. А главное: девушки поверили ей, пошли за ней, приняли за свои те представления о жизни, которые она им внушала. Хотя и не сразу, не быстро... Теперь оставить бригаду значило не просто подвести своих подруг, а предать. «Тогда-то я и решила: что бы ни случилось, не брошу бригаду! Буду работать всему назло!» По-прежнему многое приходилось брать на себя. Вот подошло время полива. За водой, бегущей по неглубоким арычкам вдоль грядки, надо следить и ночью, иначе может залить все поле. Думала установить дежурство, но не вышло, никто не соглашался ночевать в поле. Азада несколько ночей провела в поле одна, наблюдая за темной журчащей водой, слушая тревожный шум далеких деревьев. О многом она тогда передумала. Трактор на их участок почему-то приходил в последнюю очередь, агроном тоже не спешил давать консультации. Надо вносить удобрения, а их нет как нет. Через обком комсомола удалось выхлопотать двадцать тонн. Послали за ними колхозные машины. Когда привезли, она не поверила, что здесь двадцать тонн. «Не веришь — взвешивай!» — ответили ей. «И буду!» До вечера взвешивала на своих маломощных весах. Выяснилось, не двадцать — двенадцать тонн! Бросилась звонить агроному. «Ну и что? Подумаешь, уж и поделиться нельзя с другой бригадой...»

— Но ведь могли бы сказать, объяснить, — до сих пор возмущается Азада. — Разве я бы была против? Больше всего в жизни ненавижу, когда люди лгут!

К этому времени в бригаде уже была создана превосходная художественная самодеятельность — танцевали, пели песни на шести языках. В самое трудное для хлопкоробов время по вечерам ездили по полевым станам колхоза, давали концерты. «Когда же вы отдыхать успеваете? — недоумевали многие. — Вон как поете весело!» «А мы молодые! Все успеваем». Во время специальных занятий Азада читала девушкам вслух книги по хлопководству, журнал «Сельское хозяйство Киргизии». Знания кое-какие у них уже были, и этих знаний хватало, чтобы понять: хлопок растет хороший!

Когда же подошло время уборки, решили обойтись своими силами. Во всех бригадах работали люди из города — школьники, студенты. У них — нет. «Надежда» собрала по сорок центнеров хлопка с гектара. Это был один из лучших результатов в колхозе.

— Вспоминаю это как самый счастливый день своей жизни, — говорит Азада, — нам удалось получить такой урожай в первый же год существования, такого еще не удавалось никому. Ко мне подходили, поздравляли. Кто-то сказал: «Вы сделали для колхоза большое дело. Ваша «Надежда» сбывлась, состоялась. Вы со своими девушками доказали, что за такими бригадами — будущее». Раньше, — продолжает Азада, — я думала: где взять темы, материал для книг? Сейчас материала — живого, человеческого — выше головы. Люди, характеры, жизнь — я словно заново но всему этому прикоснулась, многое переосмыслила. Пишу по ночам. Хватит терпения, способностей — напишу повесть о своей бригаде...

За хорошую работу по итогам прошлого года девичья комсомольско-молодежная бригада «Надежда» была награждена туристической поездкой в Румынию и Болгарию...

БРИГАДА

Год назад Азаде с трудом удалось собрать пятнадцать девушек. Сейчас, чтобы попасть в ее бригаду — конкурс. Значит, действительно, здесь царит та атмосфера устремленности в будущее, духовности, к чему всегда стремился человек. Вспоминаю слова Азады, что бригада в ее понимании — это не только трудовой коллектив, но и нравственная школа, откуда должны выходить настоящие люди. На пустом месте такую школу не создашь. Декларировать светлые идеи гораздо проще, чем воплотить хотя бы малую толику их в жизнь. Большинство девушек в бригаде из кишлака Кенджекул. Может быть, поэтому на первом же заседании совета девушек стали выяснять, кто в кишлаке нуждается в помощи — старики, инвалиды. Кто болен, кому надо сходить за лекарством, кому помочь написать письмо родным, кому посадить огород, кому сходить в магазин. Стали все это делать. Буквально за неделю бригада сплотилась. И громких речей никто не произносил. Помощь, шефство над теми, кто в нем нуждается — это отныне стало так же обязательно, как и работа на хлопковом поле.

Пятнадцать девушек, пятнадцать разных характеров... Угадать, кому что нравится, к чему лежит душа — и доверить именно этот участок работы. В бригаде — все общественницы. Вот Арапат Мамедалиева, худенькая, с большими задумчивыми глазами. Каждую свободную минутку читала, о прочитанных книгах говорила с увлечением. Она стала библиотечкой. Вот Гюльнара Пирматова — эта могла увлечь за собой подруг, не боялась никакой работы. Под дождь, под град выбегала на поле, смотрела, не побил ли хлопок. Она стала звеньевой. Вот Адильбар Маматова, она могла сыграть какую угодно сценку, прекрасно танцевала, пе-

ла. Бывало, идут с поля усталые, а она поет. Адильбар стала ответственной за художественную самодеятельность.

Как-то сам собой выработался и распорядок рабочей недели. Понедельник — день русского языка. Все говорят между собой только по-русски. Вторник — спортивный день, соревнования по теннису, волейболу. Среда — день художественной самодеятельности. В среду репетиции, составление новых программ. Четверг — домоводство. Учатся готовить, пекут в специальной печке-тандуре лепешки. За самые вкусные — приз. Пятница — швейный день. Шьют сами себе платья, костюмы для художественной самодеятельности.

Девичья бригада — коллектив текущий, постоянно обновляющийся. Кто выходит замуж, кто поступает учиться. И если, уходя из бригады, девушка берет с собой во взрослую жизнь качества, которые она приобрела здесь, значит, цель существования бригады достигнута, считает Азада.

В прошлом году две девушки из бригады — Санталат Жапшиева и Майнагуль Таджибаева — поступили в Ошский совхоз-техникум, учатся на агрономов. В этом году многие тоже собираются поступать: Брул Эргешева, нынешняя звеньевая, — в педагогический институт, ее сестра Уял и Адильбар Маматова — в культпросветучилище. Гулипа Тагаева, секретарь комсомольской организации бригады, — в Высшую комсомольскую школу. Бригада не сковывает, не нацеливает лишь на одно. Хочешь работать на хлопке? Работай! Хочешь учиться? Учись! Кому что по душе.

Часто сюда заходят родители, благо кишлак Кенджекул не так уж далеко. Сначала приходили настороженные, сейчас с открытой душой. Если дома у какой-нибудь девушки требуется помощь, скажем, собрать урожай в саду, или накрыть столы для праздника, или еще что-то, — приходят помогать всей бригадой.

На сегодняшний день все вакансии в бригаде «Надежда» заполнены. Но по образу и подобию «Надежды» в этом году организована еще одна бригада — «Улан». Бригадиром там Гюльнара Пирматова, бывшая звеньевая, прошедшая школу у Азады.

В этом году «Надежда» взяла повышенные социалистические обязательства, девушки хотят собрать хлопка больше, чем в прошлом году. Хочется верить, что так оно и будет. Но говорить, что все проблемы решены, пока рано. Если раньше бригаду недооценивали, то теперь, пожалуй, переоценивают, полагают, что ее энтузиазм безграничен. Каким бы энтузиазм ни был, но баню своими силами, да еще без строительных материалов, девушкам не построить. Наполовину построенная, она вырывается посреди стана, как полуразрушенный минарет. Или взять бассейн. Яму вырыли, а как ее забетонировать? Необходимо перестроить кухню, хозяйственный двор... В этом колхоз должен бригаде помочь.

...Мы уезжали в жаркий полдень. Воздух над полем плавился от зноя. А вечером по прогнозу ожидался дождь с градом. Для хлопкоробов наступали самые ответственные, горячие — в прямом и переносном смысле — дни.

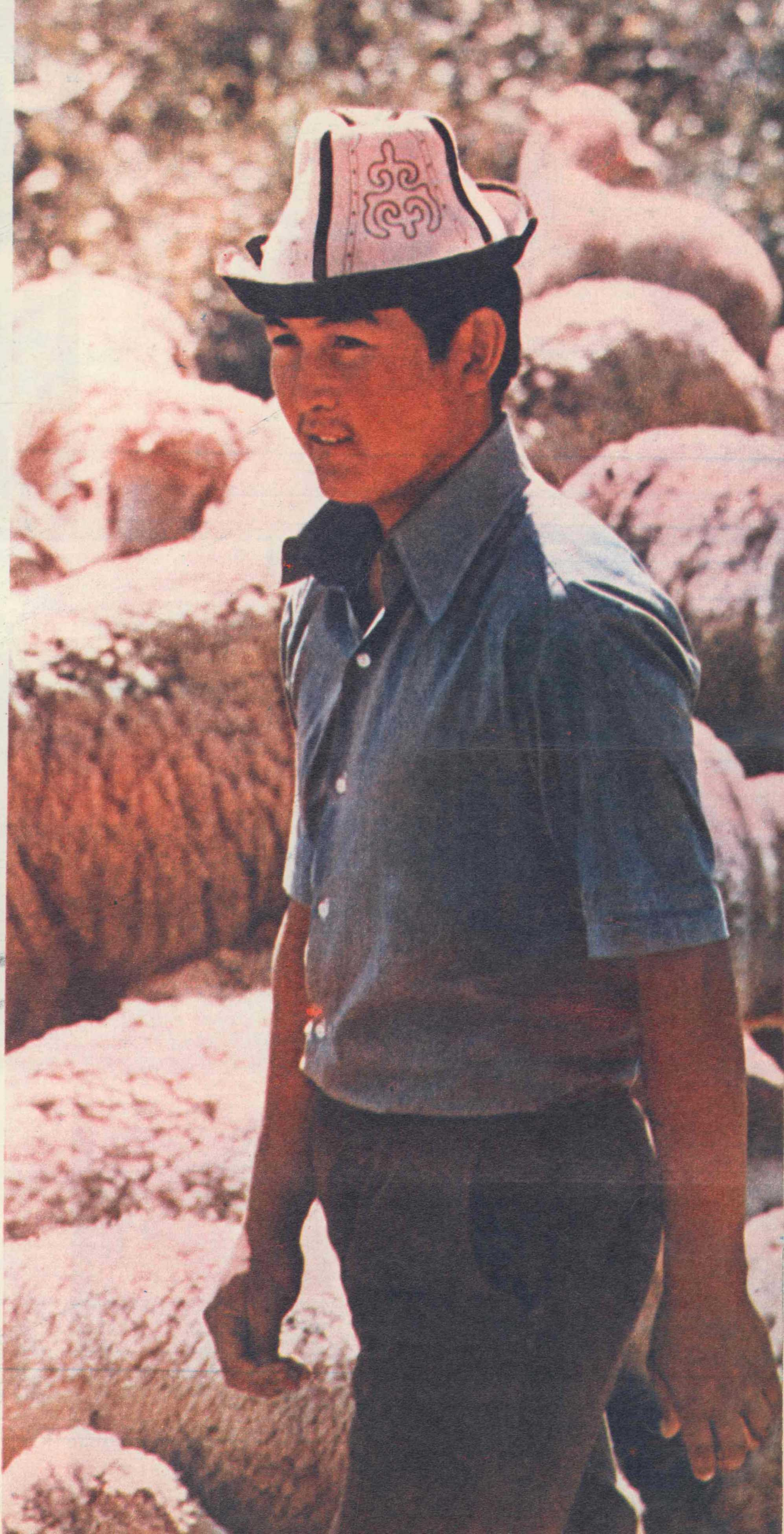
Ош — Москва.

На экскурсии. * Афиза Орозматова — хлопкороб и механизатор. * В гостях у внучки * На горном пастбище Киргизии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В колхозе имени Кирова * Глава девичьей бригады Азада Бегимкулова * В каждой бригаде свое подсобное хозяйство * Сегодня на кухне дежурит Минаим Акунбекова * Заир Джолдожаев — ветеринар овцеводческого совхоза «Папан».

Тунис — небольшая страна и по размерам и по числу жителей — немногим более 6 миллионов человек. Этой стране с богатым историческим прошлым удалось добиться национальной независимости всего лишь четверть века назад. Тунис молод. И молод, к слову сказать, вдвойне, поскольку, согласно статистике, более половины его населения составляют граждане, не достигшие двадцатилетнего возраста.

Мы, конечно же, мысленно готовились к встрече с Африкой, знали, что здесь «отогреемся», и все же не предполагали такого богатства света, такой шумной и пестрой жизни! Под стать этому морю солнца и сочной зелени радушие хозяев тунисской земли.

Гостеприимство — визитная карточка этой страны. Самолетами и морем сюда прибывают тысячи гостей — туристов, деловых людей. Немало среди приезжих и тунисцев, вынужденных зарабатывать себе на жизнь в странах Западной Европы...

В Медине — самой древней части столицы, других старых кварталах невольно вспоминаешь сказки Шехерезады — они как будто живут и в этом отлаженном веками быту горожан, завлекая туристов... Вот в проеме двери увлеченно постукивает молоточком мастер в окружении развешанных по стенам медных блюд и кувшинов; по соседству с ним выставил

всем переулком. Между ними трусит ослик, тянущий тележку с горой пряжи, пробегает носильщик со связкой корзин или подносом на голове, нагруженным восточными сладостями.

Но экзотика и старина не могут скрыть стоящих перед тунисцами проблем: бросается, к примеру, в глаза то, что посреди дня в кафе, на бульварах слишком много праздно шатающихся молодых мужчин. Тунисские знакомые нам уже рассказывали: очень нелегко найти здесь работу. Именно поэтому десятки тысяч тунисцев покидают родину в поисках заработка.

Об этой проблеме заходит разговор в министерстве информации, где нам представляют молодого сотрудника отдела по связям с иностранными журналистами. Вручив подборки брошюр, в которых излагаются социальные и экономические проблемы Туниса, он прямо говорит, что безработица является пока главным бичом страны. Унаследована она от колониального прошлого и, несмотря на серьезные меры по ее преодолению, висит мрачной тенью над массой тунисцев. Промышленное строительство (за годы независимости оно выросло в 4 раза) обеспечило работой многих, но проблемы не разрешило. Для увеличения занятости поощряется создание мелких и средних предприятий. Однако около 10 процентов молодых людей, ежегодно пополняющих армию трудоспособного населения, не находят применения своим силам. Тунисские учебные заведения выпускают большое число специалистов — инженеров, техников, строителей, квалифицированных рабочих, ведь правительство выделяет почти третью часть бюджета (!) на образование. Но куда податься этим выпускникам?

Тунис — традиционно сельскохозяйственная страна. До сих пор около двух третей населения занято земледелием и животноводст-

виях и посадках овощей, чтобы заработать на жизнь.

Правительство независимой республики принимало и принимает меры, направленные на разрешение аграрных проблем. Проводились эксперименты по кооперированию феллахов, но далеко не всем этим усилиям сопутствовала удача. Наделение крестьян землей, кооперирование не по душе крупным латифундистам.

Самая распространенная форма кооперации — сбытовая. Нам довелось побывать в одном из таких крестьянских объединений. Нескольким сотен феллахов сдают урожай ранних овощей на склады кооператива. Правление через своего уполномоченного в Марселе организует продажу овощей на французском рынке. Главное, поясняет один из членов правления Саид, выигрывает в две-три недели, пока не созрел урожай по ту сторону Средиземного моря. Феллахов сбытовая кооперация, несомненно, выручает, поскольку на внутреннем рынке шансов продать урожай намного меньше. Нити же коммерческой бухгалтерии держат в своих руках несколько самых зажиточных «пайщиков», занятых исключительно торговыми операциями. В их руках судьба нынешнего и будущего урожая, от них зависят скромные доходы сотен семей.

Правительство пытается разрешить финансовые затруднения, порождаемые сложным положением в сельском хозяйстве, путем увеличения экспорта полезных ископаемых. Вывозится нефть (ее добывается ежегодно около 5 миллионов тонн), фосфориты, отличающиеся высоким качеством, цинк и свинец. Но этих доходов недостаточно. Приходится обращаться к западным кредиторам.

Национальную независимость Тунис обрел весной 1956 года. Выступления патриотических сил направляла партия Новый дустур, которую возглавлял нынешний президент республики Х. Бургиба. Эвакуацией иностранного гарнизона из военного порта Бизерта была закрыта последняя страница позорного колониального владычества в Тунисе.

Традициям защиты интересов народных масс верны профсоюзы Туниса.

— Меняющиеся сложные усло-

ной промышленной продукции, электромоторы, холодильники. Быстрыми темпами развивается текстильное производство. Комплекс таких предприятий расположен недалеко от Бизерты, на месте бывшей военно-морской базы. Там же сосредоточены механические мастерские. Хотя «промышленной столицей» Туниса и считается город Сфакс, комплекс у Бизерты стал центром молодой индустрии.

Среди стран, с которыми Тунис с первых лет независимости развивает плодотворное сотрудничество, видное место занимает Советский Союз. Первое техническое высшее учебное заведение страны — национальная школа инженеров была построена при содействии советской стороны. Школа шагнула уже во второе десятилетие своего существования. 50 советских преподавателей передают свои знания нескольким сотням слушателей. Из стен школы вышло уже немало специалистов по механике и гидротехнике, другим профессиям, нужным стране.

Много добрых слов слышали мы от тунисцев о самоотверженной деятельности врачей, приехавших сюда из Советского Союза. В 22 городах и населенных пунктах трудятся наши медики. Сейчас их в Тунисе насчитывается свыше ста: терапевты, хирурги, педиатры... Сколько жизней спасли советские доктора, сколько тунисцев вернули они здоровье, способность к полноценной трудовой деятельности! На всю округу знаменита больница в городке Кеф, где заслуженным авторитетом и всеобщей любовью горцев, феллахов, шахтеров пользуются наши врачи.

Страна упорно строит свою экономику, активно участвует в борьбе арабских народов против захватнического курса Израиля. В Тунисе расположена штаб-квартира Лиги арабских государств. На аф-

СИМВОЛЫ, КРАСКИ И ЛЮДИ ТУНИСА

на продажу мужские накидки-бурнусы и женские покрывала портной; напротив него в полутьме мастерской видна фигура гончара, склонившегося над еще сырой вазой, его готовые разукрашенные изделия горкой сложены у порога... Торговые лавочки и мастерские умельцев тянутся по

вом. Но и сегодняшний день сельского труженика Туниса очень нелегок. Многие семьи, живущие в деревне, не имеют постоянных доходов. Не хватает прежде всего земли. Безземельные крестьяне вынуждены пробавляться случайными приработками, нанимаются на работу к крупным землевладельцам. Под жарким солнцем, от зари до зари, работают они на виноградниках, оливковых планта-

вия в стране, — рассказывает нам Мохаммед, один из профсоюзных активистов столицы, — учатся при выработке нашей тактики. Но мы не забываем о главном — в центре внимания должен оставаться трудящийся человек, которому приходится бороться за свои права. Силу профсоюзной солидарности хорошо знают частные предприятия.

Рост влияния профсоюзов неразрывно связан с развитием национальной промышленности. В последнее десятилетие много средств было вложено в расширение горнорудной и энергетической отраслей. Стали производиться некоторые виды современ-

риканском континенте республика пользуется авторитетом стойкого борца за искоренение колониализма и расизма. Заметна роль Туниса и во всемирной борьбе против гонки вооружений, навязываемой империалистическими державами.

Тунис, не порывающий со своим легендарным прошлым, устремлен в завтрашний день. Он обещает быть лучшим, о нем слагают свои стихи поэты, о нем поется в популярных песнях. Когда мы покидали эту землю, для нас все еще продолжали звучать причудливые, чарующие звуки традиционных напевов малюф, которые мы успели полюбить.

Фельдшер региональной больницы Фаттах Дали из Таузара * В тунисской национальной школе инженеров, построенной при содействии СССР. На занятиях в лаборатории гидромашин * В читальном зале национальной библиотеки * Отели на побережье Средиземного моря * Центральная площадь столицы * Советский врач Мадияр Салаев из Узбекистана осматривает больного.

Фото Г. ЗЕЛЫ

МАТЕРИНСКИЙ ГО

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Мне печально чужим матерям
целовать по-сыновьи руки,
наклоняясь к старым перстам,
теребившим лен по утрам
столько лет в крестьянской округе!

Что мои поцелуи им!..
Если б сын, позабывший о поле,
понял силу душевной их боли,
вырос бы перед домом родным,
прикоснулся бы к прядям седым!..

Разве мать не дороже своим
сыновьям
и удачи и воли?

Жили здесь Анна и Павел.
Анна живет до сих пор.
Да в сорок первом оставил
Павел и Анну и двор,—
шаг свой солдатский направил
в невообразимый простор.

За полночь дрожь ее била,
как там один на войне?
День световой
теребила
лен она, как в полусне.

Век прокатился ли?
Миг ли?..
Трудно старухе сказать.
Русские жены привыкли
милых на смерть обрывать.

...Нынче такое вот дело—
выпало сыну полста.
Ликом зарозовела
мать,
перед сыном чиста.

За полночь тесто месила,
сбилась родимая с ног,
бога украдкой молила,
чтоб получился пирог,

как незабвенный, с малиной,—
слава на сто деревень!—
что испекла в свой недлинный,
в сладкий свой свадебный день.

И мы с дружкой—ее сыном,—
сдобу укутав в холсты,
Галичем, градом старинным,
к дому несли с полверсты.

В ногу шагать мы старались,
скользка ледовая новь,
и по холсту растекались
ягоды ало, как кровь.

Сын мой, как важно, что ныне
среди снега, весенних ветров
мы с тобою стоим на равнине
вдалеке от больших городов.

Просто избы по целой округе,
просто крик прилетевших грачей,
просто в теплых платках две
подруги
брызжут молодостью из очей,

просто рощей промчалась
поземка,
доставая до нижних суков...
В мире как-то светло и негромко,
мир надежен, душевно-здоров.

Сын мой, это ведь отчие земли—
тополь, поле, курган и звезда—
нам близки и понятны не тем ли,
что от них не уйти никуда.

Сын мой, где бы в дороге ты
ни был,
помни родину, словно завет...
Костромское неброское небо
в душу мягко прольет полусвет,

друг хороший попотчует баней,
мать его приготовит пирог,
и сыграет на ветхом баяне
из деревни одной паренек.

Яйцами крутыми,
темными до синевы,
щучками чухломскими
и колбасой из Москвы

за столом угощали...
Ласковых два мужика
нас полюбить обещали,
дружбу суля на века.

И, обнажая породу
чувств, размышлений и дел,
словно бы в душу народу
нынче взглянуть я сумел.

И за суровым фасадом
строгих, обветренных лиц
копи открыл я со златом,
клады добра без границ,—

в слове, улыбке, движенье
крепкой и щедрой руки,
в присказке, пляске и пенье,
в посвисте, полном тоски.

Ну, подходи же и черпай,
душу наполни и сам...
Даль, что с рекою и вербой,
с бегом лисиц по лесам,—

это не даль, а горнило,
чтоб высветлялись умы,
чтобы душа говорила,
чтобы внимали ей мы.

И за большим самоваром,
тронув ноздрями парок,
время не тратил я даром,
время потратил я впрок,

ибо вдруг зримо и остро
понял, что жизнь не тиха,
что мы еще до погоста
жизни раздвеем меха.

И, под высокие своды
жизни вступая, пойму

сколько нам дано от природы,—
сердцу, душе и уму.

Не усмехнитесь, не укорите,
если хотите, молча пройдите,
глядя, как к храму у Волги
молча идут богомолки.

Как в униформах, в выцветших
плюшах

тихо они семят
в думках о душах,
в плаче о душах,
в боли о душах,
в заботе о душах
мальчиков, давних солдат.

Тянутся, тянутся подслеповато,
вперясь во купола...
Тропка подтаявшая поката,
тропка под взгорок пошла...

Сколько в России этих старушек?
Ветра бы в поле спросить...
Мало осталось
летних и вьюжных
снов, чтоб сынов воскресить.

Мать в тишине,
под взметнувшимся сводом
для облегчения дней
Ваню вспомнит пред старым
народом,
слезы текут из очей.

Знаем, что Ваня для Родины
значит,
им ведь Земля спасена.
Но ведь о павшем мать лишь
заплачет,
мать лишь заплачет одна.

Осенняя мозаика,
свистящий листопад...
За чаем два прозаика
способные сидят.

Ах вдумчивые други!
Душа светлей слезы.
Их замыслы и муки,
что козыри-тузы.

Как воссоздать живыми,
работая пером,
и скорбь, и смысл России,
и славу, что поем!

Я тоже ведь отчаян,
пишу, ряжу, сужу...
И третьим вот за чаем
с собратьями сажу.

Откинем ложь и лживость,
в раздумье станем ждать...
Войди же, прозорливость,
лишь ты свята, как мать;

одна лишь ты способна
нас уберечь не раз
от речи суесловной,
от жмурок в легкий час.

Младенцем неслась меня мать
под звонкой оливой,
мечтала любимая мать,
что буду счастливый;

несла меня мать под сосной,
просила родная,
чтоб выпал мне жребий иной
и доля иная,
чем ей на дороге земной;

несла меня мать под чинарой,
молила в слезах,
чтоб я не воспринял удара
ни въяве, ни в снах.

Все вынес я в жизни
да сдюжил,
и голову гордо несу...
Уж не оттого ли, что слушал
я братьев-деревьев в лесу?

Быть может, таинственно скрыты
живые деревья земли
от гада, змеи и ехидны,
как мать, меня оберегли?

ГИМН НАШЕЙ ДРУЖБЕ

От Банско и до мыса Калиакра,
от Русе и до сказки Ропотамо
восходит мир полуденным

светилом,
восходит мир полуночной звездой.
Болгария!

Ты выстрадала мир
в огне, резне, сражениях
гайдуцких
под черным небом у кровавых
рек.

Болгария,
как мать над колыбелью,
склоняешься над полем,
над горою,
над лесом, над рекою,
над ручьем.

С одной мечтой:
чтоб колосилось поле,
чтоб чистой быть реке,
чтоб в вечных скалах
всегда парил торжественный орел.
Болгары-друзи!
Наша сила ныне
не в том лишь, что мы братья

по оружию,—
товарищи мы по насущной жизни,
ответчики мы за грядущий век.
О ратный дух славян! Его впитали
мы с материнским молоком в

Балканах,
В Сибири неоглядной, на Неве...
На Шипку шли — от Куликова

поля,
а к Плевне шли мы—от Бородини.
О мудрый дух славян! Его впитали
мы с материнским молоком в

Пирине,
в земле московской и у волжских
вод.

Кирилл и Мефодия творенье
нам свет дарило в отроческий
день.

Отечество прекрасное мое!

Я нынче слышу звук болгарской
речи
среди густых лесов народа коми,
среди тайги тюменской,

нефтеносной,
среди казахских далей азиатских
и в величавой матери—Москве.

Болгары-друзи!

Сдвинем наши чаши,
а руки мы сплетем в рукопожатье,
сердца сольем в одно большое
сердце

ЛОС

и в гений обратим свои умы.
В беде и счастье тыщу триста лет
стояла ты, Болгарская держава.
Так стой же ты отныне лишь

счастливо

не тыщу триста лет —
но вечно стой!

От Банско до родного Ленинграда,
от Русе до реки российской Волги
восходит мир полуденным

светилом,

восходит мир полноточной звездой.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ GERMANOVA

В Божёнцах от дома Андрея
пошел я крутою тропой,
домашний очаг, пламенея,
все глуше трещал за спиной.

Андрей в это утро сурово,
стремясь сокровенность сберечь,
дал музе Сергея Орлова
болгарскую древнюю речь.

Я брел, размышляя, что нужно
в какие-то жизни часы
познать ненавязчивость дружбы
прозрачной, как капли росы,

познать по немногословью,
быть может, поймав только жест,
согретый наивной любовью,
которая не надоест.

Я знал, уходя за овраги,
что в думе толмачит Андрей,
что он воскрешал на бумаге
лязг гусениц, гром батарей.

А с Шипки, как будто подарки,
слетели две белых звезды,
и перекликались болгарки,
стирая у снежной воды...

...Душа моя в скорбной остуде
от этого летнего дня,
подобного в жизни не будет
нигде никогда у меня.

Пожухнет трава перед домом.
И песня иссякнет ручья...
Но очи с лукавством знакомым,
славянскую тайну тая,

не в миг многолюдных событий
в глаза мне заглянут,
но в миг,
когда затоскую в обиде
иль в горьких раздумьях моих.

РОДНИК МАТЕРИ В СЕЛЕ

(Из Садыха Ханналиева)

Ее голос в струе родника,
вот низверглась струя,
раскололась, —
материнский единственный голос
слышен людям издалека.

В этом голосе нежности звук
так щемящ в предрассветном
тумане...

Не из сердца ли Нахичевани
голос рвется, как птица из рук?

Наклонись над струей родника
в полнолунные ясные ночи...
Светят в нем материнские очи,
в них надежда, любовь и тоска.

ЯЗЫКОМ ИСКУССТВА

Миллионы людей в мире приобщились за минувшие десятилетия к сокровищнице русской и многонациональной советской культуры благодаря десяткам, сотням разнообразных художественных выставок, совершающих триумфальное шествие по странам и континентам. И сколько лжи, непонимания рассеялось, как дым, перед лицом произведений отечественной живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства и народных ремесел.

На крупнейших международных смотрах, в остром противоборстве с различными модернистскими течениями они доказали неисчерпаемую силу реализма, согретого любовью к человеку, к вечному чуду природы, к героике созидания нового общества.

О том, как шаг за шагом завоевывался мировой авторитет отечественного искусства, в каких организационных формах и где представляло оно глазам восхищенных зрителей, рассказывает книга художника и искусствоведа Николая Малахова — первая монография подобного рода.

«Люди открывают для себя новый, часто неведомый прежде мир человеческого, эмоционального, жизненного, реалистического искусства... и проникаются чувством признательности народу, создавшему такую культуру, — пишет Н. Малахов. — Особым успехом наше искусство пользуется в странах социалистического содружества и в развивающихся государствах, где к строительству новой национальной культуры пришли широкие слои народа... Творческие взаимосвязи деятелей искусства социалистических стран и художественных организаций способствуют развитию социалистической культуры».

Читая книгу, видишь, сколь нелегкой была поставленная автором задача. Ведь дробный информационный фон, передающий живую атмосферу работы выставок, столкновения мнений вокруг тех или иных экспонатов, оседает на страницах периодической печати и специальных отчетов, которые надо потом выуживать из архивов. Их внушительный перечень в конце монографии говорит сам за себя.

Веки истории, зарубки памяти. Летопись экспозиций русского классического искусства

Н. Малахов. Отечественное искусство на выставках за рубежом. М., «Изобразительное искусство», 1980, 240 с.

на зарубежных выставках приводит нас к первой — Лондонской, 1872 года, воспринятой еще весьма настороженно, с предубеждением, и к Парижской 1878 года. По словам В. В. Стасова, русское искусство «все заметили... все сказали в один голос, что оно ЕСТЬ, что оно значительно и что вперед приходится с ним серьезно считаться».

Пройдет немного времени, и лондонские газеты будут писать: «Не только по живописи, но и по другим искусствам Рос-

ное участие произведений наших ведущих мастеров в венецианских биеннале, биеннале в Сан-Паулу (Бразилия), в Неделе Балтийского моря (Росток, ГДР) и других популярных смотрах.

Калейдоскоп официальных суждений, высказывания критиков, искусствоведов, мозаика полотен... Все это в книге Малахова складывается в стройную картину, опровергающую заявления буржуазных идеологов о якобы «отсталости» советского реалистического искусства.

«...Покоряют выражения лиц на портретах, стремление к гуманизму, свойственное и крестьянину и государственному деятелю!» «Ваша культура прекрасна, благородна и тонка. Вы — народ великой истории». «Продолжайте каждый год показывать нам такие приятные экспозиции».

Вот лишь несколько из огромного числа отзывов самых разных людей, посетивших выставки наших художников.

Путешествуя по страницам книги, читатель имеет счастье-возможность ощутить неуловимое движение художественной жизни во всем богатстве ее тематики и направлений, тем более что текст сопровождается около ста цветных и тоновых репродукций лучших работ мастеров старшего и младшего поколений. Репродукции картин создают дополнительное впечатление и от главы «Персональные выставки советских художников», в которой развенчивается миф, будто наше искусство лишено творческого многообразия и нивелирует личность художника.

Растущий интерес к нашей станковой живописи, пейзажной лирике, портрету, графике обусловил еще одну плодотворную форму демонстрации — выставки-продажи, которые проводятся при помощи торговых фирм и художественных галерей разных государств. О них рассказывается в заключительной главе монографии.

...Идет время, и последние международные показы лучших образцов русского и советского изобразительного искусства, описанные в книге заслуженного деятеля искусств РСФСР Николая Малахова, передают эстафету следующим экспозициям, входят в историю культуры планеты. Все новые художественные выставки Страны Советов снаряжаются в дальний путь. Встречи с ними ждут миллионы зарубежных зрителей.

Ю. ОСИПОВ

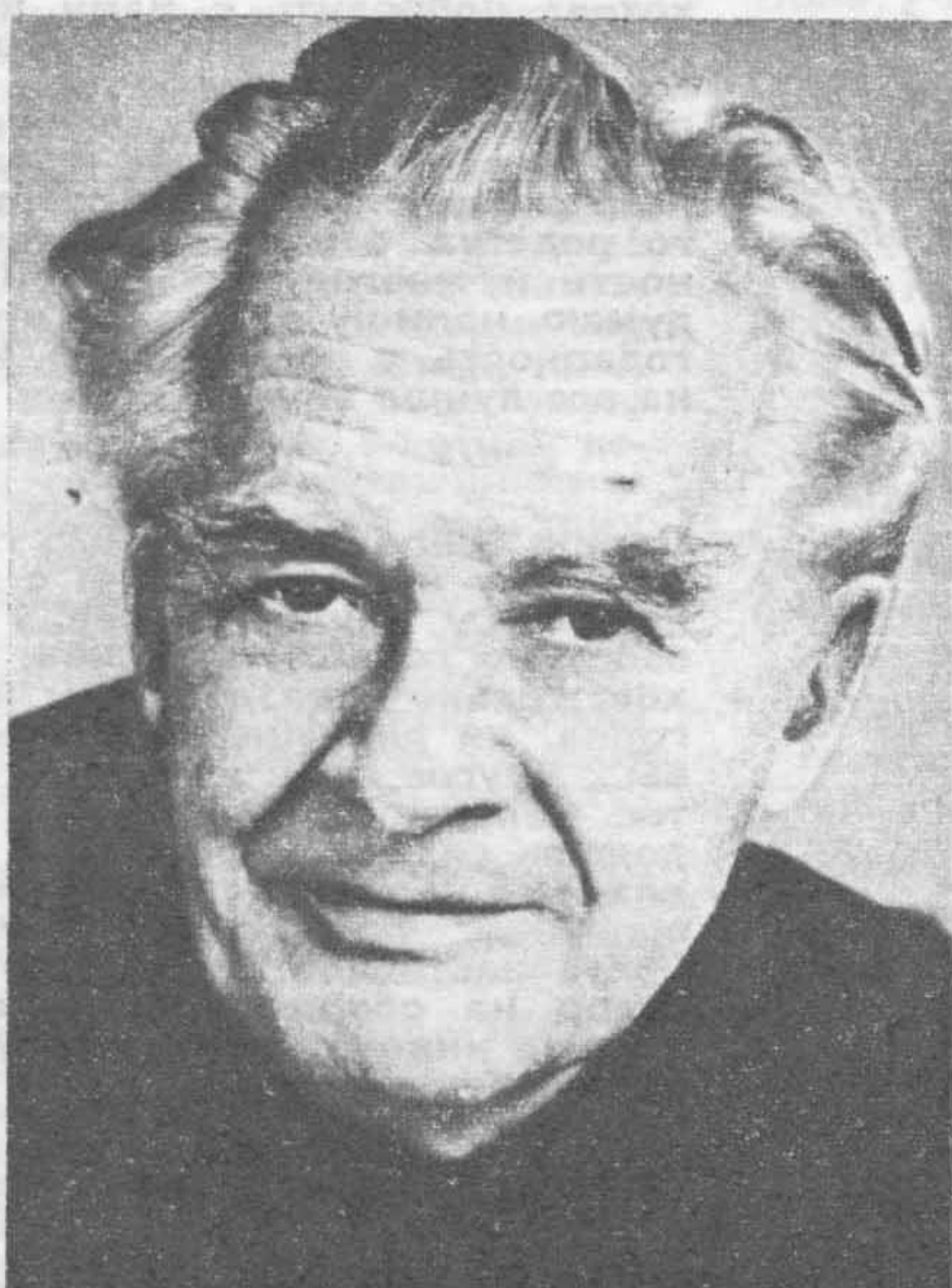
сия выступила нынче с таким могучим превосходством, которое вынудит всеобщее почтение...», «Русские картины и бронзовая скульптура получили победную пальму над всеми остальными европейскими конкурентами».

Вена и Париж, Чикаго и Филадельфия восхищались блистательным мастерством Репина и Перова, Маковского и Верещагина, Ге и Айвазовского... Добрая традиция демонстрации изобразительных шедевров, сложившаяся более столетия назад, получила дальнейшее развитие после революции.

Изобразительное искусство, рожденное Октябрем, впервые во весь голос заявило о себе на Международной выставке 1937 года в Париже, где всеобщее восхищение вызвали знаменитая скульптурная группа В. Мухомовой «Рабочий и колхозница», картины и панно А. Дейнеки, Б. Иогансона, М. Сарьяна, И. Грабаря, работы А. Гончарова, К. Рождественского, В. Фаворского, Ю. Пименова.

«Советское искусство на международных художественных выставках» — еще один важный раздел монографии, подробно освещающий актив-

МАСТЕР

Ивану Семенову, народному художнику СССР, крупнейшему советскому сатирику, старейшему автору «Огонька», — семьдесят пять лет.

Иван Максимович начал свой творческий путь в газете «Молот» в Ростове-на-Дону. Это был 1926 год. С тех пор прошло пятьдесят пять лет непрерывного, напряженного, счастливого труда. Тысячи карикатур, рисунков, шаржей, иллюстраций этюдов, репортажей могли бы составить экспозицию огромной выставки.

Особое место в творчестве Ивана Максимовича занимают листы, посвященные Великой Отечественной войне. Семенов — участник боев за Севастополь, прорыва блокады Ленинграда, боевых операций кораблей Северного флота.

Двадцать лет Иван Максимович редактировал и был ведущим автором детского юмористического журнала «Веселые картинки». Он создал блестящие иллюстрации к Марку Твену и Ярославу Гашеку, радующие читателей наших литературных приложений.

«Правда», «Комсомольская правда», «Огонек», «Крокодил» — трибуна художника. Его острая кисть продолжает разоблачать бюрократов, обывателей, жуликов, хапуг. Популярность его таланта необъятна. Он получает сотни писем, в которых читатели горячо благодарят художника за его искрометный дар.

Обаятельный, добрый, веселый человек, Иван Максимович Семенов на своем боевом посту. Многих лет ему, здоровья и успехов в его благородном труде.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

В Праге, в бывшем Страговском монастыре, находится Музей чешской культуры и письменности. В библиотеке музея среди прочих бесценных памятников хранится уникальный архив. Это сто тридцать пять писем Марины Цветаевой к ее «чешскому другу» Анне Тесковой.

Анна Антоновна Тескова (1872—1954) по происхождению чешка, по образованию и культуре русская, годовалой девочкой была привезена в Москву (где ее отец, инженер по специальности, получил работу). В Москве она посещала русскую школу и прожила там до четырнадцати лет, — когда, после внезапной кончины отца, семья переехала в Прагу.

Анна Антоновна Тескова прекрасно владела русским языком, всю жизнь тяготела к русской культуре и литературе, на которых, можно сказать, была вскормлена. Она занималась переводами на чешский Л. Толстого (часть «Войны и мира»), В. Соловьева, Достоевского («Униженные и оскорбленные»), Паустовского («Кара-Бугаз»).

В письмах к Тесковой Цветаева предстает во всей многогранности своего характера и во всех подробностях своей многострадальной жизни на чужбине. «Быт» прочно соседствует здесь с «бытием»; житейские мелочи — с рассуждениями, носящими порою философский характер. Об этом можно судить по выдержкам из писем, которые печатаются ниже. По ним видно также, до какой степени Цветаева была привязана к Тесковой, как абсолютно доверяла ей во всем и поверяла многое и многое в своей жизни и переживаниях, не боясь быть превратно понятой.

Жизнь Цветаевой в период, к которому относятся письма к Тесковой, была на редкость трудна. Тягостное эмигрантское существование, с двумя детьми, с часто не имевшим заработка мужем, с неизбежными переездами с одной квартиры на другую — более дешевую, с вечно висевшим над головой «дамокловым мечом» долгов и вопросов — откуда взять денег, как дотянуть до очередного маленького гонорара или пособия от двух-трех весьма скромно помогающих меценатов... Невозможно представить себе не только самое бедность и трудность быта, крадущего у поэта драгоценное время, но и то, что поэт, преодолев этот быт, умел абсолютно выключать его из сознания и погружаться в творчество. Иными словами: Цветаева, человек долга, жена и мать, стиснув зубы, отдавала необходимую дань этому ненавидимому ею пожирателю времени и, когда наконец наступал ее час, час поэта, уже не позволяла быту вторгнуться в бытие ни на секунду. Над тетрадью она, по словам дочери, «сосредотачивалась мгновенно».

Цветаева не знала, что такое праздность; больше всего на свете она презирала лень, всяческую расслабленность, пустую болтовню ради времяпрепровождения и т. п. В ее устах слово «труженик» было наивысшей похвалой. И это отлично чувствуется в печатаемых ниже письмах Цветаевой.

Письма Цветаевой к Тесковой (приблизительно две трети их) составили отдельную книгу, вышедшую в 1969 году в Праге.

В наши дни, когда публикуются произведения М. Цветаевой (например, недавно стотысячным тиражом выпущен двухтомник ее сочинений — стихи и проза), печатаются статьи о ее жизни и творчестве, растет и интерес к эпистолярному наследию поэта. И когда оно соберется воедино — одними из интереснейших и важнейших в нем будут письма Цветаевой к Анне Тесковой, охватывающие период с 1922 до июня 1939 года (последнее письмо было написано в поезде, увозящем Цветаеву на Родину).

Марина Ивановна Цветаева с сыном. 1927 год. Публикуется впервые.

ИЗ ПИСЕМ
МАРИНЫ
ЦВЕТАЕВОЙ

«ЧУВСТВО»

Вшеноры, 5-го декабря 1924 г.

...Мне очень трудно ответить на Вашу просьбу (о лекции) утвердительно, — и по двум причинам: первая: для того, чтобы читать лекции, нужно быть уверенным, что в какой-нибудь области знаешь больше, чем другие, — я же такой области не знаю. Тон с кафедры, силой вещей, — поучительный, я же могу гадать, утверждать, но не поучать.

Причина вторая, и, объективно, более веская: в феврале я жду сына (непременно сына!) — и совсем не могу загадывать о мае. Думаю, что я буду так связана, что навряд ли, даже переборов все внутренние препятствия, смогу 21-го мая, в 7 ч. вечера, стоять на кафедре...

Вшеноры, 2-го февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна, Вам первой — письменная весть. Мой сын, опередив и медицину и лирику ... , решил родиться не 15-го, а 1-го, не на острове, а в ущелье.

Очень, очень рада буду, если навестите. Познакомитесь сразу и с дочерью и с сыном.

Спасибо за внимание и ласку.

P. S. Мой сын родился в воскресенье, в полдень.

Вшеноры, 10-го февраля 1925 г.

...Большая просьба, может быть, нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расползшемся по швам. Хорошего мне не нужно, — все равно нигде не придется бывать — что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях — 120 — 150 крон угольнице за 10 дней, залог за детские весы (100 крон), а лекарства, а санитария! — о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку. Змея должна иногда менять шкуру. Если большое — ничего, можно переделать домашними средствами...

Вшеноры, 1-го октября 1925 г.

...Отъезд — предполагаемый — после двадцатого этого месяца.

Как поеду — не знаю: ужасающе — неприиспособлена... Впервые я была в Париже шестнадцати лет — одна — влюбленная в Наполеона... Сто лет назад.

Приезжайте к нам на прощание. Я Вас нежно люблю. Вы из того мира, где только душа весит, — мира сна или сказки. Я бы очень хотела побродить с Вами по Праге, потому что Прага, по существу, тоже такой город — где только душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за «родного славянства», из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие. Из Парижа, думаю, напишу о Праге, — не в благодарность, а по влечению. Издалека все лучше вижу...

Париж, 19-го декабря 1925 г.

...Живу на окраине, ни с кем не вижу, у наших хозяев у самих забот по горло. Не Париж, а Смихов, только гораздо хуже: ни пригорка, ни деревца, сплошные трубы... Другое горе: нет своей комнаты. Человек приходит ко мне — должен сидеть со всеми... А на людях — я не я, то есть тоже я, но не основная. Врожденная воспитанность заставляет направлять разговор на общие темы, — не интересные никому. И человек меня не видит. Как я — его...

Meudon. Третий день Пасхи 1927 г.

...Слишком много черной работы и людей. Вот мой вздох. Все утра

пропадают: 4 раза в неделю рынок, нельзя пропускать. Остальные три — случайности насущных и насущности случайных дел. Кроме утренней еды всем и готовки обеда — ну, белье сосчитать, ну, выстирать, ну — срочно зашить, много ну...

За зиму написала — меньше половины Федры, письмо к Рильке (поэма), прозу о Рильке: ТВОЯ СМЕРТЬ (около двух листов), которую и предлагаю Вам для перевода...

У нас, дорогая Анна Антоновна, очень похожие жизни: сплошной черновик. И очень похожие — другие жизни, те. Проще: и здесь и там живем одной жизнью, здесь начерно, там набело. Прага или Париж — неважно. Впрочем, явно предпочитаю Прагу... Моя мечта (пока несбыточная) когда-нибудь приехать к Вам погостить: побыть собой. Мы бы с Вами бродили по Праге и непременно поехали бы в глубь страны, в дичь...

Медон, 12-го декабря 1927 г.

...Удивительное наблюдение: именно на чувства нужно время, а не на мысль. Мысль — молния, чувство — луч самой дальней звезды. Чувству нужен досуг, оно не живет под страхом... Чувство, очевидно, более требовательно, чем мысль. Либо все, либо ничего... Чувство требует силы...

Винувата (виновных нет), может быть, я сама: меня кроме природы, то есть души, то есть природы —

ничто не трогает, ни общественность, ни техника, ни — ни. Поэтому никуда не езжу: ску-учно! Профессор читает, а я считаю минуты до конца. — К чему? — Так и сегодня: евразийская лекция о языковедении. Кажется, близко? Только кажется. Профессор (знаменитость) все языки ведет от четырех слов. Когда я это услышала, я сразу отвратилась: ничто четное добра не дает. А рифма? Рифма есть треть е!..

Медон, 25 февраля 1931 г.

...Мое горе с окружающими в том, что я не дохожу. Судьба моих книг. Всякий хочет 1. попроще 2. повеселей 3. понарядней. Так одинока, как это пятилетие, я никогда не была...

У меня нет человека, к которому бы я могла придти вечером, сбыв с плеч день, который, раскрыв дверь, мне непременно обрадовался бы, ни одного человека, которого не надо бы предварительно запрашивать: можно ли? Я здесь никому не нужна.

Есть — знакомые. Но какой это холод, какая условность, какое видение на ниточке и цепляние за соломинку. Какая нечеловечность...

Медон, 31-го августа 1931 г.

...Живу из последних (душевных) сил, без всяких внешних и внутренних впечатлений, без хотя бы малейшего повода к последним. Короче: живу, как плохо действующий автомат, плохо — из-за еще остатков души, мешающей машине. Как несчастный, неудачный автомат, как насмешка над автоматом.

Всё поэту во благо, даже однообразие (монастырь), все кроме перегруженности бытом, забивающим голову и душу. Быт мне мозги отшиб! Живу жизнью любой медонской или вишенорской хозяйки, никакого различия, должна все что должна и ничего не смею, чего не смеет она — и многого не имею, что имеет она — и много не

ного женского мира Лагерлеф¹ и Унсет², что те — Ваша порода, а Вы — их. Страшно захотелось бы прочесть ту книгу «Дочь священника», если Вы записаны в немецкой библиотеке, и она там есть, вышли-те мне почитать, не задержу. Купить — нет возможности, а в Париже только одна крохотная немецкая библиотека, и там переводов нет, вообще, ничего нет, кроме сенсаций о развале немецкой Империи, а затем и демократии. Авторы этих книг сидят по парижским кафе. Все это очень интересно, — и книги и авторы и Reich — но все это неминуемо пройдет. А Унсет и Erlkönig³ и Ваша «Дочь священника» — останутся. (Точно кто-то меня с детства заколдовал: не любить ничего преходящего, кроме вечного возвращающегося преходящего природы)...

Мне с моими вещами не везет: Erlkönig⁴ вернули, как «очень интересное филологическое исследование, но для среднего читателя негодящееся», а теперь Современные записки опять желают, чтобы я выкинула 8 страниц из своей рукописи «Дом у Старого Пимена». Собравшись с духом наконец, ответила, что печатаюсь с 1910 г. — 1933 г. — т. е. 23 года, а пишу — еще дольше, что над Старым Пименом я работала все лето, а над этими 8 страничками не меньше двух недель, что я не любитель, не дилетант, не гастролер, что пора меня счесть серьезным писателем, либо вовсе оставить в покое. Что от гонора за эти 8 страниц отказываюсь на покрытие типографских расходов, но что если и это не поможет — пусть мой Старый Пимен остается при мне, а я — при нем...

Во Франции мне плохо: одиноко, чуждо, настоящих друзей — нет. Во Франции мне не повезло...

Клармар, 26 января 1934(?) г.

...Гений рода? (У греков демон и гений — одно). Гений нашего рода:

кто не разрешил) любя другого и умирает 24 лет, оставляя полугодичную дочь — мою мать. (Фамилия моего деда — Меуп), Александр Данилович, — была и сербская кровь. Из остзейских обрусевших немцев).

Мать моей польской бабушки — графиня Мария Ледоховская умирает 24 лет, оставив семь детей (вышла замуж 16-ти). Не сомневаюсь, что любила другого.

Я — четвертая в роду и в ряду, и несмотря на то, что вышла замуж по любви и уже пережила их всех — тот гений рода — на мне.

Я в этом женском ряду — последняя...

Ваня, 21-го ноября 1934 г.

...Мне все эти дни хочется написать свое завещание. Мне вообще хотелось бы не-быть. Иду с Муром¹ или без Мура, в школу или за молоком — и изнутри, сами собой — слова завещания. Не вещественного — у меня ничего нет — а что-то, что мне нужно, чтобы люди обо мне знали: разъяснение. Свести счеты, хотя Маяковский и сказал: Кончена жизнь — и не к чему

перечень
Взаимных болей, и ран, и обид...²

Я дожила до сорока лет, и у меня не было человека, который бы меня любил больше всего на свете. Это я бы хотела выяснить. У меня не было верного человека. Почему? У всех есть. И еще — благодарность тем, кто мне помогали жить: Вам, А. И. Андреевой и Борису Пастернаку. Больше у меня не было никого.

Подымаю глаза, совершенно горящие от слез (целые дни!) и сквозь слезную завесу вижу лицо Сигрид Унсет из серебряной рамки: недоумевающее, укоризненное, не узнающее (меня). А рядом — Рильке, под веткой боярышника, а может быть, терновника (острые листья с шипами и красные ягоды), которую я подобрала на улице. Но Рильке отвернулся, смотрит вдаль, слушает — даль (это его последняя карточка, маленькая, любительская — снимала его русская секре-

Ваня, 26-го января 1937 г.

...У меня три Пушкина: Стихи к Пушкину, которые совершенно не представляю себе чтобы кто-нибудь осмелился читать, кроме меня. Страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и все имеющие — обратное канону. Опасные стихи. Отнесла их, для очистки совести, в редакцию Современных записок, но не сомневаюсь, что не возьмут — не могут взять. Они внутренне-революционны. Один пример:

Потусторонним
Залом царей.
— А непреклонный
Мраморный сей,
Столь величавый
В золоте барм?
— Пушкинской славы
Жалкий жандарм <...>

Это месть поэта — за поэта. Ибо не держи Николай I Пушкина на привязи — возле себя поближе — выпусти он его за границу — отпусти на все четыре стороны — он не был бы убит Дантэсом. Внутренний убийца — он.

Но не только такие стихи, а мятежные и, помимо событий пушкинской жизни, внутренне-мятежные, с вызовом каждой строки. Они для чтения в Праге не подойдут, ибо они мой, поэта, единоличный вызов лицемерам тогда и теперь. И ответственность за них должна быть — единоличная. (Меня после них могут просто выбросить из Современных записок и вообще — эмигранты). Написаны они в Медоне, в 1931 г. летом — я как раз тогда читала Щеголева: «Дуэль и смерть Пушкина» и задыхалась от негодования.

Есть у меня проза — «Мой Пушкин» — но это мое раннее детство: Пушкин в детской — с поправкой: в моей. Ее я буду читать на отдельном вечере в конце февраля. И есть, наконец, французские

РЕБУЕТ СИЛЫ...»

умею. В тех же обстоятельствах (а есть ли вообще те же обстоятельства?) другая (т. е. не я, — и уже все другое) была бы счастлива, т. е. — и обстоятельства были бы другие. Если утром ничего не надо (и главное не хочется) делать, кроме как убирать и готовить — можно быть, убирая и готовя, счастливой — как за всяким делом. Но несделанное свое (брошенные стихи, неотвеченное письмо) меня грызут и отравляют всё. — Иногда не пишу неделями (МЗ! — хочется — всегда) просто не сажусь...

...Стихи все-таки писала: ряд стихов к Пушкину, теперь — Одну пешему ходу. Но — такая редкая роскошь...

Клармар, 11-го декабря 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна, только что Ваше письмо, откликаюсь сразу и сразу начинаю с просьбы: пришлите мне Вашу карточку! Какую хотите: либо последнюю, либо 1923 г. — 1925 г., когда мы с Вами встречались, и очень бы хотелось Вас — молодую (тогда). Знаете ли Вы — Вы, конечно, знаете! что Вы совсем, целиком, из чудес-

женского: моей матери рода — был гений ранней смерти и несчастной любви (разве такая есть?) — нет, не то: брака с не-тем. Моя мать с 13 лет любит одного — верховые поездки аллеями ночного парка, дедово имение «Ясенки», где я никогда не была и мимо которого проезжала, узкая из России, — совместная музыка, страсть к стихам. Мой дед, узнав что он разведенный, запрещает ей выходить за него замуж, а по ее совершеннолетию разрешает с предупреждением, что она и дети, если будут, — да, ее же муж — никогда не будет для него существовать. Моя мать не выходит, выходит год спустя за моего отца: вдовца, только что потерявшего обожаемую жену, с двумя детьми, 8-летней девочкой и годовалым мальчиком — в апреле 1933 г., т. е. 10 мес. тому назад в Москве умершим моим единственным братом (полубратом) Андреем. Выходит, любя того, выходит, чтобы помочь. Мой отец (44 года — 22 года) женится, чтобы дать детям мать. Любит — ту. Моя мать умирает 35 лет от туберкулеза.

Ее мать, Мария Лукинична Бернацкая, моя бабушка, выходит замуж за ее отца (моего деда, того,

¹ Сельма Лагерлеф (1858—1940) — шведская писательница.

² Сигрид Унсет (1882—1949) — норвежская писательница.

³ «Лесной царь» (нем.). Баллада И. В. Гёте.

⁴ Имеется в виду статья Цветаевой «Два «Лесных царя».

тарша и сиделка). Он на балконе: весна, еще черные ветки, он с наставленным, как у собаки, ухом стоит и слушает...

Ваня, 7-го июня 1936 г.

...Из Бельгии я Вам писала коротко, — там у меня не было письменного стола: только круглый, качкай, — о нелепости! соломенный — заранее обескураживающий, кроме того я все время была на людях и в делах... Я Вам тогда писала до моих чтений, — они прошли очень хорошо — и французское и русское. Читала — для бельгийцев — Mon Père et son Musée³: как босоногий сын владимирского священника (не города Владимира, а деревни Талицы), голыми руками поставил посреди Москвы мраморный музей — стоять имеющий, пока Москва стоит...⁴

¹ Сын Марины Цветаевой Георгий (1925—1944).

² Неточная цитата из В. Маяковского.

³ Отец и его музей (франц.).

⁴ Цветаева имеет в виду своего отца И. В. Цветаева — основателя нынешнего Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

переводы вещей: Песня из Пира во время Чумы, Пророк, К няне, Для берегов отчизны дальней, К морю, Заклинание, Приметы — и еще целый ряд, который никак и никуда не могу пристроить. Всюду — стена: «У нас уже есть переводы». (Прозой и ужасные)...

Hôtel Innova, 24 октября 1938 г.

...И еще просьба: страстная: пришлите мне большое изображение моего Рыцаря¹... Вы мне однажды — ...десять лет назад! — уже послали Рыцаря (большого, во весь рост), но у меня его вымолил тогда покойный Н. П. Гронский, и я сейчас давно уже — и тщетно — ищу его следов... Я бы хотела с очень ясным лицом, чтобы видны были черты и чтобы сам он был большой: поменьше фону и побольше его: большую фигуру...

Вступительная статья, подготовка текста и публикация
Анны СААКЯНЦ.

¹ Статуя рыцаря Брунсвика на Карловом мосту в Праге.

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

«ПРОВОДИТЕ РАЗВЕДКУ БОЕМ»

Бригадефюрер СС Отто Кранц вошел в кабинет к командующему ударной армией генерал-полковнику фон Хорну в тот момент, когда он и начальник штаба армии генерал-лейтенант Кемпе склонились над разложенной на большом столе картой, перепроверяя обозначение на ней частей, выделенных штабом для наступления в первом эшелоне, и уточняя районы их действий и разграничительные линии.

Фон Хорн оторвал глаза от карты, выпрямился, бодро ответил на приветствие бригадефюрера и, внимательно поглядев на Кранца, проговорил:

— Я вижу, бригадефюрер, что вы в прекрасном настроении. Не иначе, русская разведгруппа уже в ваших руках.

Отто Кранц незамедлительно ответил:

— На захват разведгруппы и поиски полковника фон Дитриха уже направлены карательные подразделения во главе с моим заместителем, опытным контрразведчиком штандартенфюрером СС Вейдеманом. Надеюсь, что в скором времени он обрадует нас приятным сообщением.

— Отто! Чему же вы радуетесь прежде времени?— снова спросил фон Хорн.

— Господин командующий! Сегодня ночью через линию фронта перебрался к нам наш опытный агент «Эльба», заброшенный к русским еще до начала войны. Он принес информацию о положении в Москве и мерах, которые принимают русские для защиты своей столицы.

— О, это очень интересно, особенно теперь, когда подготовка второго этапа наступления на Москву близится к концу,— оживился фон Хорн.

Отто Кранц быстро открыл портфель, вынул оттуда тонкую папку, раскрыл ее и положил на стол перед командующим.

Фон Хорн, пригласив Кранца и Кемпе сесть за стол, надел очки, стал громко читать:

При угрозе захвата противником уничтожить.

Особой важности, индекс I.
Принял бригадефюрер СС
Отто Кранц

Донесение зафронтового агента «Эльба»

Источник сообщает, что для обороны Москвы русские создали два фронта: Западный, под командованием генерала армии Жукова, и Калининский, под командованием генерал-полковника Конева.

Источником установлено, что в составе Западного фронта находятся 5, 16, 33, 43, 49 армии, кавалерийская группа генерала Доватора; 16, 18, 78, 316 дивизии, 1 гвардейская, 23, 27, 28 танковые бригады. Формируются 1 ударная и 10 армии. На Калининском фронте выявлены 30 и 50 армии, кавалерийская группа генерала Белова и 229, 239, 413 дивизии.

Постановлением Государственного Комитета Обороны с 20 октября в Москве и окружающих ее районах введено осадное положение. В ответ на обращение Центрального и Московского

комитетов партии отстоять столицу и разгромить под ее стенами врага москвичи превратили Москву, окраины и подходы к ней в неприступную крепость. Коммунисты бросили на строительство оборонительных сооружений сотни тысяч человек, в том числе женщин, стариков и подростков. Москва опоясана противотанковыми рвами, эскарпами, окопами с ходами сообщения, забитыми в землю рельсами, стальными дугами, балками, противотанковыми надолбами, стальными ежами, дотами и дзотами. На важнейших стратегических дорогах появились мощные баррикады, которые в сочетании с инженерными сооружениями, противотанковой артиллерией, минометными установками и пулеметными гнездами превратились в сильные узлы обороны. С воздуха Москву прикрывают аэростаты заграждения, артиллерийские и пулеметные батареи, установленные на площадях и крышах домов, и большое количество истребителей, сконцентрированных на расположенных восточнее Москвы аэродромах.

С Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии и Кавказа непрерывным потоком, на повышенных скоростях круглосуточно идут эшелоны с войсками, боевой техникой и боеприпасами. К Москве перегоняются бомбардировщики и штурмовики. Из добровольцев формируются дивизии ополченцев. Создаются коммунистические полки, комсомольские лыжные батальоны и разведывательно-диверсионные группы. Все заводы, фабрики и даже небольшие мастерские выпускают оружие, боеприпасы, ремонтируют танки, бронемашину, самолеты, артиллерийские орудия.

В Москве и пригородах соблюдается строгий порядок. Нависшая над Москвой опасность сплотила население города. Москвичи работают по 12—15 часов, а иногда и целыми сутками не выходят с заводов. Все они, как фанатики, верят в свою победу. По всей Москве расклеены огромные плакаты, на которых большими буквами написано:

Ты записался добровольцем?

Родина-Мать зовет тебя на подвиг!

Лучше быть вдовой героя, чем женой труса!

Дядя, убей фашиста!

НКВД хватает каждого подозрительного или недовольного и прячет на Лубянке.

Условия работы для наших людей крайне тяжелые. Две недели назад чекисты арестовали двух наших агентов, третий убит в перестрелке при задержании, когда он наводил на цель сигналами с крыши дома наши бомбардировщики. На Киевском вокзале схвачены с полчищем два наших нелегала в момент закладки ими взрывчатки под эшелон с боеприпасами. При проверке документов в метро на станции «Маяковская» задержан помощник резидента абвера майор Круме.

В связи с этими провалами и нарушением связи резидент дал указание источнику «Эльба» перейти через линию фронта, явиться в СД и доложить добытую информацию. Изложенные данные получены визуальным наблюдением, через агентуру и путем незаметного выведывания у советских граждан.

Закончив читать донесение, фон Хорн встал, закурил, прошелся по кабинету, шагнул к Отто Кранцу:

— Бригадефюрер! Донесение вашего агента очень интересное. Оно проливает свет на то, что делает наш противник в Москве, но сильно смахивает на дезинформацию. Не подпустили ли чекисты вам этого агента специально накануне нашего наступления, чтоб воздействовать на наше командование, а возможно, и оттянуть наступление, чтобы выиграть время для себя?..

Наступила долгая пауза.

Отто Кранц покраснел, нервно потирая руки, заговорил:

— Господин командующий! Донесение «Эльбы» перекрывается материалами других наших агентов и показаниями военнопленных.

— Все же кто он такой, ваш «Эльба»? Русский предатель или дезинформатор НКВД?— все больше раздражаясь, спросил фон Хорн.

— Не угадали!— Отто Кранц стал приходить в себя.— «Эльба» — офицер нашей военной разведки, родом из Баварии.

— Его не перевербовали русские?

— Не думаю. Он предан фюреру. Многократно проверен. У него в Баварии свой дом, кафе и семья.

Фон Хорн сел за стол, закурил сигару и, выпуская дым, тихо сказал:

— Если верить «Эльбе», русские приготовили нам стальной орех.— Потом он снова быстро встал, воскликнул: — Господа! Сейчас нет в мире таких «орехов», которые были бы не по зубам вермахту!— Кемпе и Отто Кранц улыбнулись. Фон Хорн, окинув Кранца строгим взглядом, спросил: — Бригадефюрер! Кому вы еще направили это донесение?

— Кроме вас, я послал его рейхсфюреру Гиммлеру.

Фон Хорн недовольно поморщился, распорядился:

— Немедленно пошлите также командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу фон Боку и в абвер Канарису.

— Будет исполнено, господин командующий.— Отто Кранц, распрощавшись с генералами, вышел из кабинета.

Фон Хорн опустился в кресло, задумался, потом перевел взгляд на Кемпе, спросил:

— Эрих! Что вы думаете по поводу донесения «Эльбы»?

— Вчера утром нами получена ориентировка абвера о вновь выявленных советских армиях и дивизиях на Западном фронте. Я просмотрел ее и поручил офицерам штаба нанести их на оперативную карту. Насколько мне помнится, некоторые части, указанные «Эльбой», там тоже есть.

— Как я понял, Эрих, вы хотите сказать, что «Эльбе» можно верить?

— Я думаю, что мы еще недостаточно знаем о противнике и в какой-то степени его недооцениваем. Битва за Москву потребует от нас и всей группы армий «Центр» огромного напряжения и больших жертв. Русские, как об этом вы не раз говорили сами, будут стоять насмерть, мы прорвемся в Москву только по их и по своим трупам. К этому мы должны быть готовы и все это трезво учитывать в своих расчетах.

— Эрих! Вы сомневаетесь в нашей победе!

— Господин командующий! Я так же, как и вы, убежден, что Москва будет взята нашими войсками. Но, судя по тому, с каким ожесточением сражаются красные, нам за эту победу придется заплатить высокую цену. Сегодня над боевыми порядками нашей дивизии «СС Рейх» русский истребитель вступил в бой с пятью «мессершмиттами» и двух из них сбил. Когда у него кончились боеприпасы, он таранным ударом отбил хвост третьему. Будучи подожженным, летчик, вместо того чтобы попытаться дотянуть до линии фронта и выброситься на парашюте к своим, бросил объятый пламенем самолет на следовавшую к фронту колонну танков и автомашин с боеприпасами и горючим. Он погиб сам, но и нам нанес значительный урон. Это, конечно, коммунист-фанатик. Думаю, что он такой не один.

— Нет, таких у русских не много,— возразил фон Хорн.

— Не оказалось бы их под Москвой слишком много.

— Поживем — увидим, так, по-моему, гласит русская пословица.— Надев очки, фон Хорн подошел к оперативной карте, внимательно посмотрел на проведенную на ней изломан-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—32.

ную черную жирную линию фронта и обозначения дислокации частей во вверенной ему армии. Кемпе тоже подошел к карте. Фон Хорн повернулся к нему и сказал: — Пожалуй, в какой-то степени вы правы. Нам действительно нужно все знать о противнике. А разве мы с вами знаем в деталях о том, что происходит в армии генерала Ермолаева?

— Мы выявили дислокацию его частей на первой линии обороны, — ответил Кемпе.

— А что делается в его тылах? Какими он располагает резервами? Сколько у него полков, реактивных минометов «Катюша», как их называют русские? Какое у него авиационное прикрытие на поле боя? На эти и другие вопросы мы с вами должны иметь совершенно точные ответы. Не жалейте для этого сил и средств. Каждую ночь направляйте к нему в тыл наших разведчиков, берите «языков». Если нужно, проводите разведку боем. Короче говоря, делайте все, что посчитаете нужным, — я даю вам полную свободу, — только до начала нашего наступления дайте мне исчерпывающие данные об армии Ермолаева.

— Будет исполнено, — ответил Кемпе и затопился к выходу, понимая, что аудиенция у командующего армией закончена.

Оставшись один, фон Хорн вызвал к себе адъютанта подполковника Гейдриха, сказал:

— Карл, затопи камин, меня что-то знобит. Адъютант взглянул на часы:

— Господин командующий! Давно уже пора спать. Время 0 часов 45 минут. Лучше я приготовлю постель. Доктор Штерн разотрет вас финалгоном, вы выспитесь, и завтра все пройдет.

— Ладно. — Фон Хорн открыл походный бар, налил французского коньяку, сделал несколько глотков, закурил сигару, направился в спальню.

СЧАСТЬЕ КОМИССАРА

Прибыв в Москву, комиссар полка особого назначения капитан Алиев первым делом побывал у руководства Главного политуправления Красной Армии, которому подробно доложил о действиях отряда особого назначения под командованием майора Млынского в тылу противника и ходе формирования полка. Затем согласовал в управлении кадров назначение политработников в батальоны и роты, получил и отправил в часть малогабаритную машину для печатания газет и листовок в тылу противника и теперь, поглядывая на часы, мчался на Курский вокзал встречать жену и сына, которые по его вызову бакинским поездом подъезжали к Москве.

Когда «газик», скрипнув тормозами, остановился у вокзала, Алиев вышел из машины и, волнуясь, прошел на перрон. Поезд медленно вползал на платформу. Алиев побежал к седьмому вагону. Поезд дернулся, останавливаясь, проводник открыл дверь, и Алиев увидел сына. Он прыгнул, минув ступени, прямо в объятия отца, прижался к его щеке:

— Папка, папка, родной мой!

Алиев, покрывая лицо сына горячими поцелуями, шептал:

— Как ты вырос, сынок, вытянулся, скоро меня догонишь. — Увидев показавшуюся в дверях жену, он бережно опустил сына, помог ей сойти на перрон.

Гульнара взглянула на мужа большими черными, как масляни, усталыми глазами, обвила его шею крепкими руками и, целуя обветренные щеки, устало сказала:

— Наконец-то я тебя увидела! — По ее щекам крупными горошинами покатались слезы.

— Ну что ты, Гульнара, милая моя, мы же вместе. Вместе, а ты плачешь.

Гульнара улыбнулась сквозь слезы.

Мимо них шли пассажиры, в основном командиры, красноармейцы, но Гульнара не обращала ни на кого внимания, прижимаясь к мужу, все целовала и целовала его. Октая, потянув ее за рукав пальто, громко сказал:

— Мама! Перестань плакать, мне это не нравится, и потом я уже замерз.

— И поплакать вдоволь не дадите, что за народ. — Гульнара быстро вытерла платочком глаза, взяла Октя за руку. — Пойдем, пойдем, сынок, а то ты у нас южное растение, недолго и простудиться.

Они направились к машине. Через час все уже сидели в номере гостиницы, пили чай и разговаривали. Гульнара, угощая мужа восточными сладостями, рассказывала, что Ахмед тоже очень хотел приехать, но завод получил срочный заказ, и он, чтоб не подвести свою ударную фронтовую бригаду, не решился просить у начальства отпуск.

— Ахмед у нас с тобой молодец. Совсем большой мальчик. Знаешь, он на заводе передовик — портрет его висит на Доске почета.

— Что же он делает на заводе? Ведь ему неполных шестнадцать!

— Работает на сборке авиабомб и тяжелых снарядов! У нас там мальчишки выполняют норму на 150—180 процентов. Когда поступает срочный заказ, сутками не выходят с завода. И наш Ахмед тоже. Ты не представляешь, какими стали наши мальчишки! Если бы ты нам еще почаще писал, то вообще нам было бы спокойнее. Очень тоскуем мы по тебе, Гасан. — Гульнара снова прижалась к мужу, не выпуская его руки из своей, как бы боясь потерять.

— Не мог, Гульнара, писать больше. Ты же знаешь, где я был.

— Знаю, конечно. И все-таки хоть два слова — «жив и здоров». — Гасан Алиевич погладил жену по плечу. — Зато повидались! — Не спуская глаз с жены, обеспокоенно спросил: — Гульнара! У тебя очень усталый вид, ты не больна? Может, тебя показать врачам?

— Ты тоже как будто с того света вернулся: одни кости да кожа.

— Были б кости, а мясо нарастет, — улыбнулся Алиев.

Гульнара встала со стула, прошла по комнате, зашла сзади мужа, обхватила руками его худые плечи.

— Гасан! Ты за нас не волнуйся. Я здорова, правда, а усталость, что ж, кто теперь не устал? Мы живем не хуже других. Октая учится и помогает мне по дому. Живем, как все, на пайке. Мы с Ахмедом получаем рабочие карточки, Октая — иждивенческую. А вид у меня такой больше от переживаний. За тебя волнуюсь, мать похоронила. Ты еще не знаешь об этом. А две недели назад получила похоронку на отца — погиб под Ленинградом. Сколько еще так будет продолжаться, Гасан? — Она заглянула ему в глаза.

— Не знаю сколько, но это кончится. Верь мне, скоро мы их погоним. Идите-ка с Октаем помойтесь с дороги, отдохните, а я пока съезжу в столовую, привезу вам горячий обед.

— Может, не стоит? Я кое-что захватила из продуктов, думаю, что нам всем на два-три дня хватит.

— Это побереги, угостим товарищей из отряда.

Гульнара согласно кивнула.

Не прошло и часа, как Гасан Алиевич вернулся в номер вместе с шофером. Шофер поставил на стол алюминиевые судки, достал буханку ржаного хлеба и вышел в коридор. Алиев нарезал хлеб, разлил борщ в солдатские миски, положил рядом с ними алюминиевые ложки, сказал:

— Ешьте, пока горячий. — Гульнара посмотрела на миски и увидела, что у нее налило

больше. Молча отлила мужу из своей миски добрую половину.

Октай быстро справился с борщом, котлетой с картошкой, выпил компот и, поглаживая живот, сказал:

— Ну, папка, спасибо, накормил от пуза.— Посмотрел на мать, решительно заявил:— Я теперь тоже с папкой на фронт пойду фашистов бить.— И добавил:— Вон как их кормят.— Мать с отцом горько усмехнулись.

Гасан Алиевич сказал:

— Ты еще ростом не вышел, чтоб воевать, иди-ка лучше поспи с дороги.

— А я от таких сытых обедов буду быстро расти,— ответил Октай и пошел в спальню.

Алиев легонько провел рукой по пышным, вьющимся, схваченным сединой волосам жены, потрогал уложенную на затылке тугую косу, нежно поцеловал жену в щеку, тихо сказал:

— Гульнара, тебе бы тоже отдохнуть.

— Нет, Гасан! Я еще не наговорила с тобой, не все тебе рассказала.— Она подошла к чемодану, вынула оттуда новую кавказскую черную бурку, встряхнула, набросила на плечи мужа, нахлобучила на голову серую каракулевую с красным верхом папаху, улыбнулась:— Вот теперь ты настоящий казак!

Алиев посмотрел в зеркало:

— Хотя и не по форме, но в тылу противника вещи незаменимы. Красиво и, главное, тепло. Спасибо, женушка. Дай я тебя, родная, расцелую.— И стал целовать ее сочные губы, щеки, шею.

— Гасан, перестань, а то завтра все лицо будет в пятнах, неудобно перед Октаем и людьми.

Алиев выпустил жену из объятий:

— Ты у меня все такая же застенчивая, как в юности... Откуда это у тебя такие роскошные вещи?

— Летом мы с Октаем на неделю ездили к родственникам в деревню. Сварила там несколько банок варенья, купила меринской шерсти и вместе с твоим дядей Зия свалила там бурку. Он, оказывается, знаменитый мастер по буркам.

— Да, до войны он их делал казакам и чабанам, а также по заказам театров и танцевальных ансамблей.

— В этом году осенью по его предложению создали артель, раздобыли станки, набрали мастеров и теперь делают бурки для фронта.

— Ему же, если не ошибаюсь, уже больше восьмидесяти.

— Осенью исполнилось восемьдесят пять, но выглядит молодо. Тебе большой поклон передавал. «Потружусь до победы»,— говорит,— а там уйду на покой».

— Большое спасибо ему передай. Скажи — пусть обязательно дожидается моего возвращения.

— Передам, Гасан, передам.— Гульнара вынула из чемодана шерстяные носки и яловые добротные сапоги.— А это тебе подарок от нефтяников Каспия. Держи, они непромокаемые.

— Ты была на промыслах на острове Артема?

— Да, навещала брата. Он простудился, мы с мамой еще до ее болезни купили билеты на теплоход и в воскресенье его проводили. Когда нефтяники узнали про нас, они пришли всей твоей бригадой к нам в общежитие. Расспрашивали о тебе, о вашем отряде, передавали привет, просили сказать, что бывшая твоя бригада перевыполняет задания даже при девятибалльном шторме. А когда узнали, что я собираюсь тебя навестить, притащили эти непромокаемые сапоги, просили передать тебе, чтобы ногам было тепло.

— Вот молодцы, помнят, а ведь я не раз с некоторых из них стружку снимал.

— Не только помнят, ждут тебя после войны к себе в бригаду. У них в клубе на самом видном месте висит твой портрет. А нефтяные промыслы ты сейчас не знаешь. Там вырос целый город. Далеко в море в разные стороны от них уходят эстакады. Вышки полукольцом окружают остров. Нефтяники круглосуточно бурят новые скважины, строят, строят... Как видишь, Гасан, мы тоже стараемся от вас не отставать.

— Вижу, вижу и все знаю, моя родная.

В это время к ним постучали. Алиев крикнул:— Войдите!

В номер вошел ординарец Алиева сержант Громов.

— Товарищ комиссар! Вас сегодня в 2 часа приглашает на переговорную командир полка особого назначения майор Млынский. Будем ждать вас в машине у первого подъезда.

Алиев посмотрел на часы:

— Хорошо, через пятнадцать минут выхожу.

Когда сержант скрылся за дверью, Алиев сказал жене виновато:

— Прости, родная, что оставляю вас, служба, но, может быть, скоро вернусь.— И вышел из номера.

ОПЕРАЦИЯ «РЫЦАРСКИЙ МЕЧ»

Сын и единственный наследник владельца небольшого галантерейного магазина в Мюнхене штандартенфюрер Альфред Вейдеман уже десять лет служил в имперском отделе гестапо города Гамбурга старшим следователем по особо важным делам.

Однообразная работа, медленное продвижение по службе, сложные отношения с непосредственным начальником, частые упреки отца и жены в неумении преуспевать в жизни вызывали в нем тяжелые раздумья и раздражение. В такие часы он под предлогом срочного вызова на работу уезжал из дому на виллу к своей пожилой, но зато очень богатой любовнице Марте. Сидя с ней возле пылающего камина в роскошно обставленной гостиной, запивая французский коньяк маленькими глотками черного кофе, он мечтал о богатстве, высоких постах и званиях. В эти минуты Альфред все больше утверждался в мысли, что не имеет права лучшие годы своей жизни сидеть в этом неприятном для него тыловом городе и прозябать.

Марте не нравились задумчивость, рассеянность, забывчивость Альфреда, но она считала, что все это последствия его тяжелой работы.

Когда немецкие армии оккупировали Францию, Вейдеман, не колеблясь, написал рапорт с просьбой отправить его на работу в Париж.

Начальник отдела гестапо с большим удовольствием отпустил малопрileжного офицера и, учитывая отношения, в которых он состоял с весьма влиятельной и богатой дамой, выдал ему отличные рекомендации. Вейдеман вскоре был назначен заместителем начальника отдела гестапо в Лионе и получил очередное звание оберштурмбанфюрера. В Лионе он стал прилагать старания по уничтожению участников Сопротивления, особенно коммунистов. Он понял, что это тот самый шанс, дающий ему выигрыш в этой ненадежной жизни, в которой все только и делают, что оттирают друг друга локтями. И он не ошибся. Вскоре Вейдеману за служебное рвение был пожалован «Железный крест».

Как только фашистские армии напали на Россию, Вейдеману, уже имеющему к тому времени богатый опыт борьбы с коммунистами, присвоили чин штандартенфюрера, назначили заместителем начальника отдела СД ударной армии генерала фон Хорна и откомандировали на Восточный фронт.

Оказавшись в России, он вскоре получил ранение в руку при окружении партизанской группы. Тут-то он начал понимать, что путь его отныне не будет усыпан розами.

Боясь потерять в России голову, Вейдеман перестал мотаться по русским лесам и болотам, выслеживать и перехватывать связников, выявлять партизанские отряды и вести бои по их окружению и уничтожению. На такие рискованные дела он рекомендовал своему шефу других, и пока это ему сходило с рук.

Вчера же совсем неожиданно для него бригадефюрер Отто Кранц поручил ему лично провести операцию по ликвидации русской разведгруппы, свившей себе гнездо на заброшенном острове посреди Гнилого озера и нахально действующей в глубоком тылу армии генерала фон Хорна.

Вейдеман сразу понял, что на карту поставлено все: его престиж, личная репутация, безопасность. Под различными предложениями он попробовал от этого поручения отказаться, подключая влиятельные связи, но Кранц был непреклонен. Когда Вейдеман понял, что увильнуть от этого задания не удастся, он развернул лихорадочную деятельность по подготов-

ке карательной операции под кодовым названием «Рыцарский меч».

Считая себя крупным специалистом по борьбе с партизанским движением и советским подпольем, штандартенфюрер СС Вейдеман решил привлечь к этой операции молодых гестаповцев и офицеров СД и СС. Он считал, что это даст ему двойной выигрыш: все-таки главная тяжесть — практическое участие в деле — ляжет не на него самого, и вдобавок он продемонстрирует свою заботу о будущем Великой Германии — ее молодых гражданах — это будут его воспитанники и ученики.

— Умело проведенная вами операция,— обещал ему бригадефюрер Отто Кранц,— будет должным образом оценена командующим группой армий «Центр» генерал-полковником фон Хорном, а также в Берлине, а это откроет для вас перспективу продвижения по службе и повышения в звании.

«Что ж, пожалуй, стоит рискнуть»,— думал Вейдеман, слушая напутствия своего начальника. Он считал, что уже давно созрел для более высокого поста, нежели он занимал, и с нетерпением ждал, когда Кранц будет рекомендовать его на выдвижение.

Прощаясь, Вейдеман заверил:

— Мой бригадефюрер! Считайте, что через две недели русская разведгруппа будет в ваших руках.

— Русская пословица говорит: цыплят по осени считают. Давайте и мы с вами подведем итоги после операции,— сухо ответил бригадефюрер и вышел из кабинета.

Альфред поехал — тон начальника был ему неприятен. Когда в комнату вошел его адъютант, Вейдеман бросил сигарету в пепельницу и спросил:

— Курт! Ты знаешь, что наш бригадефюрер Кранц употребляет русские пословицы? Вот как надо изучать противника,— с иронией добавил он.

— Фон Хорну подражает,— ответил адъютант.

— Увидишь, как он мне позавидует, когда красивые разведчики будут у меня в кармане.

— Он и сейчас вам завидует: у вас любовница — миллионерша.

— А он откуда об этом знает?

— Сегодня от Марты вам снова пришла большая посылка и 5000 рейхсмарок. Когда я все получал, в почтовое отделение зашел бригадефюрер. Увидев меня, он спросил: «Неужели у Альфреда такие состоятельные родители?» Я сгоряча и выпалил: «Это его любовница балует!» «Везет же людям»,— сказал Кранц и пошел к начальнику почтовой службы.

— Болван, кто тебя тянул за язык! Я перед ним не обязан отчитываться, от кого я получаю деньги.

— Штандартенфюрер, простите меня, очень уж хотелось подразнить нашего дорогого Отто. Больше об этом никому и никогда ни слова.

Вейдеман смягчился, переспросил:

— Ты говоришь, позавидовал, что у меня такая любовница?

— Да, черной завистью. Когда увидел, как я укладываю деньги, аж посинел от злости.

Альфред улыбнулся:

— Курт, подготовь сегодня же Марте посылку с русскими мехами, нельзя же оставаться в долгу перед дамой.

— Слушаюсь, господин штандартенфюрер,— ответил Курт и, подав шинель Вейдеману, вышел вместе с ним из кабинета.

Вейдеман в тот же день через генерала фон Хорна добился, чтобы в его распоряжение выделили мотострелковый полк, батальон СС, двести головорезов из дивизии «Бранденбург-800» и два разведывательных самолета. В целях сохранения подготовки операции в глубокой тайне он решил не привлекать к ней полицейских и агентов из местных жителей и всю операцию провести только силами немецких войск.

После тщательной, всесторонней разведки лесов, примыкающих к Гнилому озеру, и подходов к нему Вейдеман ночью, когда бушевала пурга, вывел вверенные ему войска на подступы к Гнилому озеру, перерезал ведущие к нему дороги и тропы, произвел замеры толщины льда и стал разведывать подходы к острову и сам остров.

Продолжение следует.

О. Филатчев. Род. 1937. БАМ. ВОДИТЕЛИ «МАГИРУСОВ». 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

Н. Ромадин. Род. 1903. КУДИНСКОЕ ОЗЕРО. 1977.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

В ПОГОНЕ ЗА БАЛЛОМ

ОБЗОР
ПИСЕМ

Под таким названием в № 4 «Огонька» за этот год было опубликовано письмо в редакцию московского учителя Г. Никанорова. Речь шла о том, что введение среднего балла аттестата, учитываемого при поступлении в вуз, породило в школе нездоровую атмосферу. Так полагает человек, проработавший на ниве просвещения не один десяток лет. Письмо преподавателя истории вызвало обильную читательскую почту. До сих пор продолжают поступать отклики на эту публикацию.

Пожалуй, нет другой области жизни, которая была бы настолько всем близка, как просвещение. В школе учатся наши дети, внуки, племянники, сыновья и дочери наших друзей. Поэтому образование и воспитание — личное дело каждого из нас. И все мы близко к сердцу приняли слова Леонида Ильича Брежнева, прозвучавшие с высокой трибуны XXVI съезда КПСС:

«Главное сегодня в том, чтобы повысить качество обучения, трудового и нравственного воспитания в школе, изжить формализм в оценке результатов труда учителей и учащихся, на деле укрепить связь обучения с жизнью, улучшить подготовку школьников к общественно полезному труду»...

Начнем наш обзор с письма, которое по содержанию и тону стоит в читательской почте особняком. Врач-педиатр из Минска тов. Яковлева (к сожалению, она не сообщила своего имени и отчества) пишет:

«В статье «Погоня за баллом» учитель истории отрицательно относится к введению системы «конкурс учащихся по аттестатам». А ведь идея очень правильная: проучился человек 10 лет, и по его аттестату видно, как он учился. Конкурс учащихся по аттестатам — это стимул к более серьезному подходу учащихся к своим оценкам. Но учитель истории настроен иначе. Его статья пестрит словами: «липовые баллы», «показуха», «очковитительство», «кривда и бесчестие», и это про наших тружеников, советских учителей!.. Случай неправильного подхода учительницы Ольги Викторовны (намеренно завышающей оценки. — Ред.) единичный. Конечно, она поступила неправильно, а единичный случай нельзя обобщать».

Увы, такое письмо во всей почте — единственное, остальные авторы откликов никак не могут разглядеть идиллию в нынешней школьной жизни. Читатели, словно сговорившись, бьют тревогу. Кстати, и в письме тов. Яковлевой есть момент, совсем не отрадный: «конкурс аттестатов» она на-

зывает стимулом для более серьезного подхода учеников к своим оценкам — к оценкам, а не к знаниям, то есть не к сути, но к формальной стороне дела.

Вот мнение педагога из Киева А. Н. Борисенко: «Погоня за средним баллом сродни пресловутому валу, только, пожалуй, еще вреднее, так как убивает в самой своей основе стремление к настоящим знаниям и воспитывает обывателя, подчиняющего все своекорыстную, пошлости, потребленчеству. То есть, будущий специалист вырастает рвачом, а до дела ему и дела-то никакого не будет. Только диву даешься, как у нас бездумно насаждают формальную оценку знаний учеников и результатов работы педагогов. Прямо ведь толкают на показуху!»

За немедленную отмену среднего балла высказываются жители Москвы Т. В. Яковлева («Считаю, что письмо учителя Никанорова необходимо направить в Министерство просвещения. Давно надо бы прекратить по формально-цифровым данным ставить школы на первое место и последнее») и учитель истории из города Черновцы Г. Н. Барановский: «Нездоровый ажиотаж вокруг отметок мешает нормальному процессу учебы, усвоению знаний и нормальным, добрым взаимоотношениям между коллективом учителей, школьниками и родителями. Об этом знают все, что сопрягается с работой школы. Предлагаю: отменить проходной балл аттестатов при поступлении в вузы. Изменить практику оценки работы школы по стопроцентной успеваемости».

Как он вообще-то проник в нашу школу, этот сомнительный показатель? Средний балл, помнится, ввели на том основании, что он помогает оценивать работу ученика и тем самым педагогического коллектива. Тут вроде бы все видно — получил ученик в среднем четверку, значит, на четверку и знает, значит, школа свою задачу обучения выполнила. Практика показала, что это не совсем так. Во-первых, печальный опыт подтверждает, что этот балл не столь уж трудно натянуть, особенно если учесть, что при округлении в дело идут его десятые, чуть ли не сотые доли. Во-вторых, при благополучной четверке за аттестат в целом у человека может быть, например, прекрасное знание математики и никудышное — литературы и истории. Что же он в конце концов показывает, этот показатель?

Кстати, давайте подумаем: так ли уж прекрасно, если школьник вполне ровно успевал по всем предметам? А может быть, это свидетельствует в какой-то мере о том, что он ничем по-настоящему не увлекся, не выбрал для бу-

дущей жизни определенную область деятельности?

Именно об этом пишет профессор Московского геологоразведочного института А. Д. Фролов: «Ничего нет плохого в том, что наибольших успехов при поступлении в вуз добивались бы «средние» школьные ученики, ибо не секрет, что лучшие в школе — часто просто наиболее послушные и примерные, а не те, кто заинтересовывается какой-то одной отраслью знаний и чувствует призвание к ней. Конечно, прилежание, аккуратность, исполнительность — добрые качества, но явно недостаточные для хорошего инженера или научного работника, для которого на первый план выдвигаются такие качества, как увлеченность, горение идеей, фантазия, настойчивость. Но в нынешней школе проявление этих качеств часто приводит юного гражданина в конфликтную ситуацию, ибо ввиду несбалансированности характера и чувств он оказывается нарушителем установленных рамок и правил. Опыт вузов показывает, что далеко не всегда хорошие школьные ученики становятся лучшими студентами и тем более лучшими специалистами...»

Далее. Привилегию сдачи двух конкурсных экзаменов можно было бы оставить. Однако не тем, у кого средний балл составляет 4,5—5, а только как награду за длительный систематический труд, то есть лишь тем, кто оканчивает школу на уровне золотой медали. Для всех остальных должны быть единые конкурсные экзамены, а оценку аттестата можно было бы учитывать только в случае проходной суммы баллов по конкурсу вуза. Причем в таком случае нам представляется правильным учитывать не средний балл аттестата, а успехи по дисциплинам, наиболее важным для данного института или факультета».

Вроде бы и о вузе думали, когда вводили учет среднего балла аттестата. Но как раз в вузе он пришелся не ко двору. Об этом пишут в редакцию и другие работники высшей школы, например, профессор Е. В. Кадилов из Еревана: «Желание родителей обеспечить поступление своих детей в вуз, особенно после введения среднего балла аттестата, породило дифференцированное отношение к проходным предметам... Появилась нездоровая расчетливость в подготовке и сдаче отдельных предметов... При существующем положении, когда помилка родителей, да и учителей, направлены на обеспечение поступления учеников в вуз, школа в известной степени теряет свою самостоятельность, превращаясь в своего рода трамплин для поступления в институт. «Эксперимент» с учетом среднего балла себя не оправдал. Он лишил возможности всесторонней проверки знаний абитуриента по всем предметам экзаменационного цикла... Но главное, средний балл подрывает авторитет средней школы. Необходимо повысить ее самостоятельное значение, ибо сама по себе средняя школа призвана обеспечить гармоническое развитие наших детей, их воспитание в духе высокой коммунистической морали».

Поскольку уж речь зашла о вузах, стоит привести письмо преподавателя института из Свердловска, который просит редакцию не называть его фамилии. Почему — станет понятно из письма: «Статья «В погоне за баллом» (почему бы не «Долой халтуру», — иронизирует автор письма) отражает положение дел не только в средней, но и высшей нашей школе, за небольшим разве что исключением... Как известно, по окончании экзаменационной сессии подводятся статистические и другие итоги. При этом статистика отнимает у преподавателей непомерно много времени и служит чаще не для повышения качества обучения, а для шельмования преподавателей, похожих на Валентину Ивановну (в статье Г. Никанорова — преподаватель, остающийся на принципиальной высоте. — Ред.), и восхваления тех, кто ведет себя, как Ольга Викторовна. Все, конечно, зависит от того, кто заведует кафедрой — «Иванович» или «Викторович». Однако, как правило, это «Викторовичи», так как с них спрашивают проценты тоже «Викторовичи».

На заседании кафедры преподавателям, «давшим» меньшую успеваемость, делается укор. Естественно, в следующий раз эти преподаватели «дают» большую успеваемость, превращаясь тем самым из «Ивановичей» в «Викторовичей». Один заведующий кафедрой в своем рвении продемонстрировать заботу об успеваемости «своего» факультета и вывести его в передовые заявил во всеуслышание: «Больше я не доверю (Совет факультетов, избирая преподавателя на очередной срок работы, доверил, а он, видите ли, не доверит!) вести занятия со студентами нашего факультета Петрову, Иванову, Сидорову». Это потому, что все они «Ивановичи», а для процентов нужны «Викторовичи». Заявление, скажем прямо, безнравственное, так как дискриминирует обе части кафедры: и ту, которой персона заведующего не доверяет, поскольку эта часть не идет на сделку со своей педагогической совестью, и ту, которой доверяет, считая эту часть потенциально способной на такую сделку пойти.

Все почему-то смирились с тем, что процентомания в школе и в вузе — это якобы некое велеение времени. А ведь это то же самое, что приписки на производстве, и еще хуже: выпускаем специалистов со знаком низкого качества. Почему бы такие приписки тоже не пресекать в законодательном порядке?»

Это письмо, на наш взгляд, углубляет предмет сегодняшнего разговора: средний балл, читай шире — процентомания, как видно, глубоко проникает в живую ткань не только средней, но и высшей школы.

Основная беда нашей школы, как явствует из откликов, в том, что система просвещения, увлеченная формальными показателями, по сути, держит ныне ответ сама перед собой и вовсе не отчитывается перед обществом, для которого растит кадры. Все, кто прислал письма в редакцию, теснейшим образом увязывают печально известный средний балл с общей системой укоренившей-

ся оценки работы школы и учителей.

Есть тут и еще одна сторона, о которой не стоит забывать. Вот что думает А. Гуднова из Баку: «О среднем балле много пишут, его ругают, а он живет и здравствует на радость посредственным ученикам и на горе высшему образованию и нашей экономике... Представьте, что по воле мамы посредственный ученик должен идти в вуз. Что тогда делается? Схема тут простая. Упор на два предмета в школе, дома — репетитор, а остальные предметы — мамина забота. Все идет в ход: лесть учителям, дорогие подарки, шантаж, знакомства. И так с девятого по десятый класс: каждая четверть — бой, осада. В итоге — аттестат со средним баллом 4,5, а то и 5. В нашей школе весь класс знает, кого тянут за уши на высокий балл. Учеников не проводишь, они все видят. Ведь эта нуха происходит на их глазах».

Учитель — слово, святое для каждого из нас. В общем понимании он живет как бы не для себя — для других, для нас с вами. Он выводит в жизнь наших птенцов, ставит их на крыло, дает детям не только знания, без которых человеку не прожить, но и гораздо более дорогое — собственным примером бескорыстия, духовности прививает юным гражданам Страны Советов высокие моральные качества. Но из письма, приведенного выше, встает совсем иной облик некоторых учителей. Оказывается, есть педагоги небескорыстные, педагоги, которых — страшно вымолвить! — можно подкупить. Пусть таких наставников считанные единицы, но они все же существуют! Учитель, воспитатель всегда и непременно служит примером для подростков и юношей, жадно впитывающих мораль взрослых. Пример отрицательный — не будем закрывать на это глаза — лепит будущего человека по своему образу и подобию ровно так же, как и пример положительный. А потом мы удивляемся, скажем, тому, откуда в нашу жизнь проникает уродливая язва вещизма. Не мать ли, осмелившаяся преподнести учителю дорогой вещественный дар, и не учитель ли, посмеявшийся этот дар принять, заронили в душу ребенка семена, которые могут потом вызвать в убеждение: главное в жизни — не духовная сторона, не всякие там возвышенные мысли и поступки, а сторона сугубо материальная — умение приобретать, доставать соблазнительные ценности и оказывать услуги людям нужным: ты — мне, я — тебе...

Размышляя о вредоносности процентомании, читатели волнуются, тревожатся, приводят разительные факты. Есть письма, можно сказать, не требующие комментариев:

«Я десять лет был в родительском комитете класса и школы. Пока учился сын. Знаю жизнь школы, что называется, изнутри. Из-за отсутствия творческого начала в работе педагога учителя толковые, думающие, гражданственно настроенные уходят из школы, особенно мужчины. Если в школе есть учитель-мужчина, на него смотрят как на непрактичного, не умеющего жить человека. Из-за феминизации школы, из-за женственного воспитания к нам на завод приходят беспольные, безликие юноши, совершенно инфантильные». — Рабочий из Москвы К. Н. Андреев.

«У меня сын учится в десятом классе. И я со страхом думаю о его будущем: он попал под общую волну. Вот что это значит: можно ходить в школу без письменных принадлежностей, не учить, можно и вовсе не посещать класса, но если имеешь по предметам в течение четверти три двойки и одну тройку, уже есть полная уверенность, что за чет-

верть будет тройка. Меньше нельзя: неуспевающий! Так школа растит нравственных уродов, которые привыкают в течение десяти лет бездельничать. Приходя на производство, такой молодой человек ничего делать не желает: его же не научили трудиться!» — В. Иваненков из Курганской области.

«Разве в Министерстве просвещения не знают о безобразиях, творящихся в школе? Прекрасно знают, но только закрывают глаза. Сколько бывает случаев, когда учитель, приходя из института в школу, начинает ставить оценки, руководствуясь своей совестью, но дирекция и более опытные товарищи впускают ему, что он позорит школу, что плетью обуха не перешибешь, что идеалы — это хорошо, но жизнь — совсем другое дело. И вот уже молодой человек вынужден либо уйти из школы, либо становиться таким, как все. И я лично знал таких учителей». — К. Л., рабочий.

«Думаю, что надо поднять вопрос и о дутых тройках. Лозунги «Научим каждого» и подобные — это хорошо, но надо побродить и по земле, спуститься с небес. Почему, например, недостаточно учитывается более низкий все-таки уровень развития сельских ребят по сравнению с их городскими сверстниками? Кинофильмы нам показывают очень умных школьников. Говорят эти школьники, как пишут, а наши дети зачастую даже не понимают, о чем идет речь. Давно я пришла к выводу, что система школьной оценки в тупике». — Учительница из Сковородинского района Амурской области Л. Н. Деревщинова.

Да, положение в сельской школе, пожалуй, более неблагоприятно, чем в городской. Об этом пишут и преподаватель из Ахвахского района Дагестанской АССР К. М. Нурмагомедов, и учительница из Илийского района Алма-Атинской области Л. П. Геращенко: «Если вникнуть поглубже, тоньше разобраться, каков настоящий уровень знаний, соответствуют ли аттестаты зрелости интеллектуальному и духовному багажу ученика — очень неприятная картина откроется. Я могу приложить письма юношей со средним образованием, из них вы сделаете вывод, чем живут, интересуются юноши, какова их грамотность. Ошибка на ошибку и ошибка погоняет! Честное слово! Основного, элементарного не знают. И это все оттого, что за незнание из года в год, из класса в класс им ставили тройки и переводили».

Страшновато читать эти письма. Пусть не везде так. Но все же подобные случаи, как говорится, имеют место. Так кого же мы выпускаем в жизнь? И кто потом будет отвечать за грехи школы, охваченной процентоманией? К сожалению, не отдельные личности. Плоды школьного формализма в определенной степени сказываются на нашем обществе, которое получает какую-то долю людей с отсутствием нравственных критериев, а нередко и недостаточно грамотных. Причем получает не только от школы, но и от вуза, от техникума, где привилась такая же система отчетности, как в школе. Вот как об этом размышляет преподаватель сельскохозяйственного техникума из города Халтурин Кировской области В. А. Устюгов: «В техникумах тоже практически нельзя ставить «неуд»: того, кто это сделает, потом будут клясть на каждом совещании, педсовете, причем станут говорить, что он недорабатывает, что он педагогически на целую голову ниже своих коллег. Не каждый согласится нести тяжкий крест такого обвинения...»

Погоня за баллом, превратившимся, по сути, в фетиш, вызывает иногда и такую точку зрения: «Среди человечества уйма характеров, способностей, дарований

(часто с «флюсом»), и почему-то никто не задумывался, что ограниченные рамки «школьности» могут противоречить отдельным индивидам. Это не было учтено, когда вводили среднее обязательное образование, и породило грехи нашего просветительства: «Протолкнуть» всех через всеобщее! И родилась разлагающая противоестественность для школьников: «Все равно выведут и протолкнут!»

Я знал одного «паспортного» сварщика, образцы которого всегда выдерживали испытания, работы его были безукоризненны, но который не переносил обязательных периодических «теоретических» проверок. Перед ними ночей не спал, терял в весе и из-за этого «обязательного» укорачивал себе жизнь. Мы ему укорачивали». — П. Я. Смирнов из Запорожья.

Согласиться с этим письмом невозможно. На нынешнем очень высоком уровне развития Советского государства полное среднее образование необходимо всем, без него не обойдешься ни в одной сфере деятельности, в том числе и на предприятиях: станки-то теперь сложнее! Но вместе с тем письмо заставляет задуматься: что правда, то правда — школа не учитывает индивидуальностей, а продолжает ориентироваться на мифический «средний» уровень своих питомцев. Да и где уж там учитывать! Понукаемый роно и стремящийся не подвести директора, которому плохой «процент» недешево обойдется, учитель вынужден корпеть над отчетами, справками, «наводнить блеск» перед проверками, отбиваться от претензий родителей, недовольных отметками (отнюдь не успехами!) своих детей. Но ведь ему еще надо делать и основное — обеспечивать учебный процесс. А в каждом классе у него до сорока человек!

И ведь что получается: с одной стороны, формализм, погоня за цифровыми показателями, всеобщий вред которых давно уже ясен. С другой — в нашей школе трудятся учителя-подвижники и новаторы, жадно, неустанно ищущие новые формы работы. Нет уже с нами чудесного педагога Василия Александровича Сухомлинского. Но его дела, идеи, мысли живут и будут жить не только в любимом его Павлыше. И кому не известен сегодня преподаватель из Донецка Виктор Федорович Шаталов: он и его последователи уже более двадцати лет трудятся по новой методике обучения. А опыт Н. Ф. Мартыновой, директора Костровской школы Московской области, о котором рассказывал «Огонек» (№№ 14, 15 за 1980 год)...

И все равно сегодня школе надо помочь, не откладывая это дело в долгий ящик. О такой необходимости свидетельствуют многочисленные публикации в печати. Да и редакционная почта, вызванная статьей Г. Никанорова, достаточно ясно показала: школа — забота наша общая. Отклики прислали учителя, родители, ученые, рабочие со всех концов страны. Отмолчались только те высокие инстанции, которым по самому долгу службы надлежит прислушиваться к голосу общественности и принимать решения о дальнейшей судьбе школы. Речь идет о Министерстве просвещения СССР и Академии педагогических наук. «Огонек» обращается с настоятельной просьбой к руководителям советского просвещения откликнуться на поднятые нашими читателями важные вопросы.

Н. ВЕРИНА

К 80-ЛЕТИЮ Б. П. ЧИРКОВА

Инна ВИШНЕВСКАЯ

Борис Петрович Чирков — счастливый актер. Многим дарован талант. Но лишь немногим счастливым дано умение не пережить талант, а быть слышным каждому новому, историческому дню. Слышным народу.

Чирков вышел к людям, будучи Максимом из знаменитой кино-трилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона».

Да, ему несказанно повезло, что он встретился с режиссерами, граждански мыслящими, — Козинцевым и Траубергом; со сценаристом Славным, всегда умевшим слышать революцию. Но везение везением, а личность личностью. Актер, сыгравший рабочего Максима, дал ему свою ясную душу, свое хорошее, славное лицо; дал пламень своей веры. Именно лицо это, душа эта стали идеалом времени.

Актер-идеал, актер-кумир, и не «шлягерный», не ансамблево-эстрадный, но властитель дум, светлое выражение идей и надежд эпохи. Его Максим стал народным героем, как некогда быллинный Добрыня Никитич, как впоследствии легендарный Василий Теркин, как горьковский машинист Нил, как шолоховский рабочий Давыдов... Народный герой — это и есть народная нравственность, народная честь. И когда в фильме «Великий гражданин» надо было распутать сложные узлы, в кадре оказался Максим — Чирков... Крутится, вертится шар голубой, — слышались забываемые, простенькие и уже бессмертные такты его песенки: значит, Максим здесь, значит, восторжествует рабочая, народная правда.

В боевых киноборниках начала Великой Отечественной войны посевший, возмужавший Максим Чирков обращался к бойцам, уходящим на фронт. Снова крутится, вертится шар голубой, шар всей Земли... Проходили эпохи, и каж-

МИР

Более ста лет живет на балетной сцене «Дон Кихот» Минкуса, один из образов классической хореографии. «Дон Кихот» — праздник и для зрителей и для самих артистов. Это — настоящее чудо театра, творимое у нас на глазах. Именно такова новая сценическая редакция «Дон Кихота», осуществленная на сцене Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко главным балетмейстером театра, народным артистом РСФСР А. В. Чичинадзе.

Сохранив все самое ценное в хореографии Горького, постановщик максимально насыщает ее энергией, заменяя пантомимы фейерверком танцев, дивертисментную раздробленность — цепочкой логически сменяющихся событий. Танцевальная партитура насыщена живописными характерными плясками, опирающимися на народный фольклор; но и они связаны с удачно найденными штрихами бытовых эпизодов. Особенно следует отметить кордебалет — полноправное здесь «дейст-

КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ...

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Борис Петрович Чирков.

дой из них был созвучен Максим, любимый герой.

Но еще до знаменитого Максима ощутил Чирков эту свою не-расторжимость с глубинной народной правдой. В фильме «Чапаев», запомнившись навсегда, старик крестьянин — это и был молодой тогда артист Чирков — с его горестно-недоуменным, толстовским вопросом: «Куды крестьянину податься?!» Так он начинал свою актерскую жизнь в Ленинградском ТЮЗе. Начиная образами эпическими: Иванушка, Тиль Уленшпигель, Санчо Панса. Все это интернациональная народность, все это вершинное национальное самосознание народа. Тогда его учителем стал прекрас-

нейший режиссер и педагог — Б. В. Зон, который научил актера яркой театральной образности, соединенной с четкой, никогда не уходящей гражданственностью. А через несколько лет Москва, Театр имени Пушкина, где его ждала счастливая встреча с режиссером Марией Кнебель, истинной мхатовкой, понимающей заветы Станиславского как вечный молодой поиск. В чеховском «Иванове» Борис Чирков сыграл помощника Лебедева. И, как всегда, открыл характер, тип, образ. Его Лебедев был не просто одной из колоритных фигур в многофигурной композиции этой пьесы. Лебедев — Чирков был тоже как бы своеобразным Ивановым — одной

из граней именно этого характера русского интеллигента, отпавшего от истинно русской интеллигенции. Чирков рассказывал в своем Лебедеве о возможных путях Иванова. О духовной смерти при обостренной, совестливой духовности. Сугубо русская трагедия той поры поднималась до высот трагедии мировой.

А затем Театр имени Гоголя стал поистине родным домом Чиркова, где он работает вместе с режиссером Б. Голубовским. На этой сцене мы увидели Чиркова в спектакле «Последняя жертва» Островского, где он играл купца Прибыткова.

Много споров велось вокруг этой роли, которую некогда сыграл сам Москвин! Прибыткова понимали либо как обличение самодурства, либо как всепрощение талантливой личности. Чирков сумел показать Прибыткова и с той и с другой стороны — во всей его сложности и противоречивости... Это был путь актерского синтеза, актерской диалектики, столь важных и столь близких для драматургии Островского.

Есть и еще одна вершина в актерской судьбе Чиркова. Это несчастливый приживал Кузовкин в спектакле Театра киноактера «Нахлебник» Тургенева. Актер играл Кузовкина по-своему, не следуя, пусть и прекрасным, традициям. Его Кузовкин был страдальцем, но в то же время имел и свою вину. Противостоит естественности для человека само положение нахлебника. И горькие слезы Кузовкина были слезами еще о своей вине, о зря прожитой, нетрудовой жизни. И здесь снова была народность актера. Именно она не позволяла артисту до конца и безраздельно сочувствовать человеку, не знавшему труда.

На телевидении Б. Чирков сам поставил спектакль и сыграл главную роль в чудеснейшей «Машеньке» Афиногенова. В старом профессоре Окаеве Чирков показывал сердитого, нахохленного Домового, который отогревался возле горячих человеческих сер-

дец и сам раскрывал свое богатое доброе сердце...

Борис Петрович Чирков — крупный общественный деятель. Да и не могло быть иначе: общественная деятельность в традициях русского актерства. И, конечно, сама натура Чиркова, навсегда сроднившегося с Максимом, не позволяет ему стоять в стороне от общего дела.

Борис Чирков сегодня — первый заместитель председателя Всероссийского театрального общества (ВТО), председатель Комиссии по культурному обслуживанию сельского зрителя. Работе этой он щедро уделяет свое душевное внимание.

Мастерство Чиркова все время набирает новые силы. Одному ли ему присуща такая актерская судьба? Думаю, в индивидуальном просвечивает нечто общее. Я давно обратила внимание на какую-то особенно яркую, романтическую «третью молодость» прекрасных наших мастеров.

Быть может, секрет в том, что на фоне столь распространенного сегодня, к сожалению, на многих сценах неслияния с образом, нарочитого «неперевоплощения» особенно дороги, особенно заметны становятся высокое отточенное мастерство, замечательная, поистине актерская, а в то же время глубоко народная речь, умение сливаться с образом, не теряя собственной личности. Быть другим человеком, оставаясь собой.

Профессор ВГИКа, автор многих статей и книг по вопросам актерского творчества, наставник молодых, Борис Петрович Чирков в первых рядах русской театральной школы, давно снискавшей мировую славу и своим мастерством, и своей образованностью, и своей интеллигентностью, и своей гражданственностью, и своей духовностью.

Ну что ж, пусть крутится, вертится шар голубой!..

Для любимых народных героев нет ни старости, ни увядания. Они всегда сильны и молоды. Полны обаяния и задора.

СЕРВАНТЕСА

вующее лицо». Ранее безликая масса, обрамляющая вариации солистов, стала живой динамичной группой, вовлеченной в стихию танца. Поэтому-то равно интересными становятся не только знаменитые партии Китри и Базилля, но и роли, называвшиеся второстепенными.

— Маргарита Дроздова, исполняющая партию лукавой и своенравной Китри — одна из самых интересных балерин, — говорит А. В. Чичинадзе. — Обладая блестящей техникой, она владеет особым даром окрыленности танца, высокой одухотворенностью.

Безукоризненное, виртуозное исполнение, легкий, парящий, как бы зависающий в воздухе прыжок для Дроздовой не самоцель: она показывает характер — гордую и веселую, любящую и нежную подругу Базилля.

Более камерный, сдержанный стиль избрала для своей героини Г. Крапивина, танцующая в другом составе. А вот образ главного героя, — обаятельный, романтический, идеализированный и

одновременно земной в страстях человеческих, думается, больше удался М. Крапивину, исполнителю второго состава, передающему и молодое озорство, и отчаянную отвагу, и бесконечную преданность даме сердца... Хотя и В. Тедеев создает образ убедительный, запоминающийся.

Как бы параллельно основной линии существует в спектакле дуэт Мерседес и тореадора Эспада. Искрометный испанский танец позволяет им стать отнюдь не эпизодическими персонажами... Артистичного, надменного Эспада показывают и Ю. Григорьев и А. Домашов. Широкий, небрежный жест, горделивая осанка говорят о самодурстве, но еще и о необходимой бравате человека, скрывающего страх смерти; об упоении короткими мгновениями счастья. Такова же Мерседес (И. Лещинская), гордая красавица и надежная подруга тореадора в дни короткой, неверной славы. Она танцует, очаровывая и завоевывая всех вокруг, а не только возлюбленного.

Постановщик вдохнул жизнь и в статичные прежде фигуры безумного идиота и его оруженосца. Ожил и «заговорил» весельчак, балагур, женолюб и обжора Санчо Панса; танец Л. Вариченко в этой партии украшен крестьянской лукавинкой, плутовскими выходками, юмором.

Печален и велик в неиссякаемой жажде подвига рыцарь из Ламанчи. Церемонный и почтительный в исполнении В. Ильина, целует он край платья проказнице и насмешнице Китри; худо владея огромным непосильным мечом, бросается в бой с богатеньким фатом...

Музыкальное повествование славит любовь и молодость, благородство и человечность, в чем и заключена суть бессмертного романа Сервантеса.

Е. ИВАНОВА

На снимке: М. Дроздова и В. Тедеев в «Дон Кихоте». Фото А. Степанова

премьера

В своем послании господину Филиппу Поттеру Огородников упомянул еще одну жертву преследований — Валентина Серова, фотографа с «Мосфильма», который учился во ВГИКе, но окончить институт, получить образование ему якобы не дали в отместку за то, что знакомство водил он с каким-то художником-авангардистом. У этого сообщения явственно проступает двойное дно: уж если за одно лишь знакомство с авангардистом такие беды на человека свалились, то что же ожидает самого авангардиста?! Представить страшно.

Вопрос Валентину Серову:
— Скажите, Валентин Петрович, как вы объясните появление подобных сообщений?

— Мягко выражаясь, все эти сообщения не соответствуют действительности. С получением диплома у меня в самом деле вышла задержка, поскольку госэкзамены

я, поскольку интерес к этой специальности вскоре потерял. Естественно, когда я подал заявление об отчислении, меня не стали задерживать, к тому времени по всем предметам обнаружилось невосполнимое отставание, короче говоря, одни «неуды», как говорят студенты.

— А что было потом?

— После ухода из института я попытался поступить в Загорскую духовную семинарию. Но конкурс не прошел и поступил в братию Псково-Печерского монастыря. Вначале это решение было вынужденным, но после мне там понравилось. Сейчас я — иеромонах Рафаил, заместитель благочинного.

— Испытывали ли вы притеснения, гонения за свою веру?

— Нет. Мне, правда, не удалось попасть в духовную семинарию, но это, скорее, моя вина. С таким же успехом на притеснения может жаловаться каждый абитуриент, не попавший в учебное заведение, не прошедший конкурса.

Итак, очередная ложь Огородникова. Не первая и далеко не последняя.

Нужно добавить, что Огородников не только снабжал ложью зарубежных клиентов. И на месте он морочил людей, убеждал окружающих в какой-то своей высшей предназначенности. И надо же, верили. Не все, не до конца, но бесконечный апломб кое-кого сбивал с толку. Однако рано или

плечам разбросал, круглые очки в железной оправе раздобыл, появлялся перед народом в шинели до пят, в таком хитоне военного образца. Манеру разговора усвоил соответствующую, говорил свысока, с неторопливой значительностью, с грустью в голосе. И представьте — действовало. Не на всех, не долго, но кое-кто был в полнейшем восторге от этого маскарада, особенно девицы. В самом деле, где еще подобное в наше время увидишь?

Все это было бы смешно, если бы не было столь грустно, более того, настораживающе. За всеми претензиями, суждениями о боге, мире, судьбах человечества стояло откровенное пренебрежение ко всему окружающему. Причем дело не ограничивалось голыми рассуждениями, Огородников проводил целенаправленную работу, выходящую далеко за пределы личной судьбы того или иного посетителя дворницкой в полуподвале.

Об этой стороне его деятельности рассказывает Максим Сергеевич Синицын, старший архитектор реставрационного комбината. Он долгое время занимается вопросами древнерусского искусства, историей религии, бывал у Огородникова, знаком со многими заветными этого своеобразного клуба, и его мнению, его впечатлениям можно доверять вполне обоснованно...

влиянием подобных разговоров бросали работу по специальности и устраивались дворниками и сторожами. Помню одного такого парня, звали его Олег, фамилии не знаю, знакомство было недолгим. Так вот, он окончил биологический факультет МГУ, получил распределение в музей Тимирязева на научную работу, но, наслушавшись Огородникова, ушел из музея и стал подметать улицы. Думаю, что человек, по-настоящему увлеченный, человек, имеющий свое дело и преданный ему, не бросит его ради метлы и мусорного совка. Этот бросил. Значит, нашел свое призвание... Несколько слов о содержании постоянных бесед, которые затевал Огородников в своем служебном помещении. Назойливо изо дня в день он повторял, что в нашей стране преследуют инакомыслящих за их убеждения. Это было с его стороны не очень логично, поскольку сам он был откровенно инакомыслящим, но тем не менее оставался в неприкосновенности. Это человек с огромными запросами и малыми возможностями, отсюда постоянное противопоставление себя существующим порядкам, окружающей действительности. Поскольку он не мог выделиться результатами своего труда, какими-то достижениями, творчеством, способностями, он стремился выделиться внешним видом, да и религия

Ч У Ж А К И

ны я сдал с опозданием из-за болезни, а не по каким-то другим причинам, а кроме того, по семейным обстоятельствам не снял своевременно дипломного фильма. Встречает меня как-то в коридоре Огородников и спрашивает: что это, мол, у тебя? А у меня в то время синяк под глазом был. Так и так, отвечаю, после вечеринки с хулиганами в подворотне побеседовал. Потолковали о том о сем, разошлись. Прошло какое-то время, и вдруг передача! Оказывается, я — жертва репрессий, а избил меня специально подосланные люди.

В «жертвы репрессий» Огородников, не колеблясь, заносит даже своего брата Бориса. Заказчик настоятельно требует душещипательных историй, а что делать, коли их нет? Тут уж хочешь не хочешь, а и брата родного запродашь. Так мир узнал, что брата выгнали из института стали и сплавов, поскольку не удалось тому скрыть свои религиозные убеждения, разоблачили его опытные сотрудники и расправились, как это у них принято.

Во какие страсти, выходит, вокруг кипят, а мы-то живем и знать ничего не знаем! Слава богу, зарубежные наши благодетели хоть глаза открывают...

Борис Иоильевич Огородников: — В этом сообщении правдой является то, что я действительно учился в Московском институте стали и сплавов. Но учился недолго

поздно наступало отрезвление. С сожалением приходится признать, что для некоторых деятельности Огородникова казалась чуть ли не проявлением гражданского мужества.

После ухода из столовой Огородников в полном соответствии с образованием и жизненным опытом устроился дворником в диспансер на проспекте Мира. И стал настойчиво приглашать к себе в гости молодых ребят, девушек, кем-то обиженных, чем-то недовольных, готовых порассуждать о вселенской несправедливости, о том, как трудно нынче проявить себя человеку по-настоящему талантливому, человеку с высокими целями и высокими душевными качествами. Приходили в дворницкую и люди больные, вроде Федотова или Аргентова, собирались люди вроде Растунцева, которые счастливы были от одного только позволения присутствовать при умных разговорах, кляну на Огородникова несколько человек действительно верующих, заглядывали неустоенные девицы, жаждущие впечатлений и знакомств. Приходили и из любопытства — что, дескать, за проповедник с метлой объявился на проспекте Мира? Такие обычно не задерживались, но много времени требовалось, чтобы убедиться в том, что перед тобой шарлатан и невежда.

Но надо сказать, что Огородников вел себя не так уж и бездарно — волосы отпустил, локоны по

— Если говорить о религиозных познаниях Огородникова, то они весьма скудны, на мой взгляд, вообще в вопросах религии Огородников разбирается очень слабо, однако считает себя знатоком, держится с огромным апломбом, разговаривает менторским тоном. На многих, особенно на новичков, это производило определенное впечатление, тем более, что зачастую это были люди молодые, впечатлительные. Мне приходилось много раз спорить с Огородниковым по религиозным вопросам, я приводил конкретные примеры из истории религии, поскольку по роду своей деятельности достаточно знаком с нею. Но спора обычно не получалось, мои слова ожесточали Огородникова и приводили его буквально в исступление. Предмет самого спора его не интересовал, ему важно было доказать свою правоту перед окружающими. Но больше всего меня поразило отношение Огородникова к труду, как к таковому. Он неустанно утверждал: не надо работать на большевиков. Любый труд, любое занятие он истолковывал как работу на большевиков. Он признавал лишь самую неквалифицированную работу, вроде дворницкой. Надо сказать, что и сам Огородников и большинство его приятелей действительно работали сторожами, дворниками, чернорабочими. Мне известно несколько случаев, когда молодые люди, окончив высшие учебные заведения, под

для него — это тоже способ выделиться. Слушать других он вообще не умеет, перебивает, входит в раж при малейшем несогласии с ним, громко кричит, хочет, чтобы слушали только его, а он бы вещал, как пророк.

То, что Огородников так настойчиво и целеустремленно пропагандировал дворницкую работу среди образованных людей, в общем-то вполне объяснимо: он одним махом сравнивался с ними, получившими диплом о высшем образовании, — сам-то он, кроме школы, ничего не окончил. Но на следствии выяснилось, что и здесь он лукавил — работу дворника, за которую так агитировал, за него частенько выполнял некий Сергей Растунцев. Он же прислуживал ему в дворницкой, накрывал на стол, убирал, мыл. К сожалению, мнение самого Растунцева об этом периоде его жизни узнать не удалось — сменив фамилию на Нелькина, он отбыл в Израиль.

Но вот Олег Охупкин, хорошо знавший Огородникова, говорит о нашем герое так:

— Огородникова считаю личностью, склонной к авантюрам. Ему импонировала известность в определенных кругах Запада, но в своих суждениях он до такой степени несамостоятелен, что все они представляют собой компиляции. Это все равно, что студенческие конспекты называть самостоятельными философскими работами. Поэтому я считаю, что Огородников — это аферист, добивающийся своих личных целей

на поприще религиозной деятельности.

«Поприще религиозной деятельности» — звучит весьма внушительно, но истины ради надо признать, что религиозной деятельности как таковой и в помине не было. Ведь никто не станет утверждать, да и сам Огородников признает, что его подметные письма за рубеж и являются этой самой деятельностью.

Некоторое время назад с большой помпой была развернута на Западе так называемая кампания в защиту прав человека. Ныне о ней говорят поменьше, а то и вовсе помалкивают. В свое время Огородников решил принять в кампании посильное участие и тоже вставить лыко в строку. Опять же зарубежный потребитель настоятельно требовал фактов, сообщений. Огородников не заставил себя долго упрашивать и отправил несколько очень разоблачительных писем, в которых подробно описал, как преследуют в нашей стране за веру. Так преследуют, так преследуют, что даже в психиатрические лечебницы сажают, чтобы даже образ Иисуса Христа вытравить из сознания православного. И за примером дело не стало. «Эдуарда Федотова изолировали в лечебнице! Аргентов в психичке!» — вещали голоса, демонстрируя потрясающую осведомленность.

Начинаем разбираться. Есть ли такие люди в природе — Эдуард Федотов и Александр Аргентов? Есть. Действительно ли они были помещены в психиатрический диспансер? Да, было и такое. Чем же это вызвано? Неужели за посещение церкви?

Эдуард Алексеевич Федотов. В свое время окончил восемь классов, работал слесарем на заводе. Свободное время проводил несколько своеобразно — карты, вино, мелкие хищения. В семнадцать лет совершил убийство. Осужден. После освобождения прошел курс лечения в Ленинградской спецбольнице, выписан, работал грузчиком. Много молился, поскольку было что замаливать. После этого еще дважды госпитализировался, но потом прекратил лечение, не было времени. На просьбу матери показаться врачам отвечал: «Мне некогда, надо Россию спасать». Является инвалидом третьей группы, последний раз в приемный покой диспансера обратился самостоятельно, жаловался на беспричинную тревогу и наплывы мыслей.

Рассказывает его мать, Федотова Мария Егоровна:

— По моей личной просьбе и в связи с резким ухудшением состояния психики Эдуарда неоднократно направляли на лечение в больницу Красногвардейского района Москвы. По этому поводу, как мне известно, Александр Огородников и компания тут же поднимали шумиху о том, что будто бы моего сына подвергают преследованиям за веру в бога, якобы он является очередной жертвой «психиатрических репрессий».

Рассказывает Александр Федорович Аргентов, отец очередной жертвы «психиатрических репрессий»:

— Одно время я стал замечать странности в поведении сына и с целью проверить его здоровье обратился к врачам. После меди-

цинского обследования его направили в районный психоневрологический диспансер. Затем сын был госпитализирован. После выхода из больницы он неожиданно для меня стал посещать церковь. Кстати, при выписке из больницы врачи рекомендовали не препятствовать Александру в отправлении его религиозных чувств...

Огородников, ознакомившись со всеми этими свидетельствами, документами, выписками, был краток:

— Я не знал о такой рекомендации врачей.

— Как же вы могли делать столь ответственные заявления, отправлять их за рубеж? Вы хоть пытались убедиться в правильности сообщений?

— Мы верим людям на слово, — значительно ответил Огородников. — У нас не было человека, который бы специально занимался проверкой фактов о психиатрических лечебницах. Все бралось на веру со слов знакомых.

Воздерживаясь от комментариев, приведем мнение об Огородникове и его деятельности человека, который знает его едва ли не лучше всех, прочих — мнение его жены. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что вся история женитьбы Огородникова в полной мере отражает его отношение к людям, его преклонение перед собственной особой, даже здесь он оставался таким, каким знали его в Свердловском университете, каким знали его «хипповые» ребята, каким запомнили все те, кому он успел навредить. Так вот мнение жены:

— Мне все его разговоры казались не совсем серьезными. И я прямо говорила, что не ему, дворнику, решать судьбы мира. Сам характер сборищ производил далеко не лучшее впечатление. Я жарила картошку, а они брюзжали, развываясь на диване. Среди людей, посещавших Огородникова, были и несколько странные. Огородников написал на Запад, что Федотова преследуют. Я сказала Саше, что Федотов болен, это сразу видно, но он ответил мне, что его поступок в данных условиях был необходим, что так нужно для пользы дела.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод — речь идет вовсе не об искренних заблуждениях, не о честных и откровенных расхождении, вызванных недостатком образования, особенностями мироощущения, сложностями личной судьбы. Речь идет о сознательном желании любыми средствами напакостить своей стране, оболгать ее общественный и государственный строй, причем желание настолько сильное, что Огородников с компанией не останавливаются перед прямой клеветой, передергиванием фактов, прекрасно понимая, что это сойдет, что потребитель за рубежом знает, какого качества товар ему отправляют. Ведь если этим представителям «русского религиозного ренессанса» так уж хотелось отстоять справедливость, защитить невинных, восстановить истину в глазах мировой общественности, кто же мешал им сообщить истинные факты о гонениях, притеснениях, расправах? Правда, для этого нужна самая малость — нужные факты. А оных у наших с вами защитников не было. Зато

было горячее стремление понабраться, заслужить похвалу, услышать имя в эфире. Впрочем, были и более существенные интересы, ничто человеческое этой компании не было чуждым.

Алексей Иванович Казаков:

— Я видел, что расходуются значительные денежные средства на приобретение литературы, пищи для совместных трапез, поездки на юг, в частности в Новый Афон. Они намеревались приобрести жилой дом в сельской местности для сборищ. Я прямо спросил, откуда берутся деньги. Мне уклончиво ответили, что это помощь братьев-христиан. Во время поездки в Новый Афон мы снимали половину дома в Армянском ущелье, возле шашлычной, у хозяина дома покупали вино местного приготовления, иногда в значительных количествах...

Дом купили. В Редкине, Калининской области. Место достаточно уединенное, в то же время и добраться несложно — электричка надежно связывала Редкино и с Москвой и с Калининском. Зачастили гости. Из Смоленска, Ленинграда, Москвы. Одних привлекала природа, других трапеза, третьих любопытство тянуло, были такие, которым попросту было жаль мятежного Огородникова, и они по доброте душевной продукты везли, мятежный-то не работал! Постирюшки ему устраивали — больно хорошие слова о боге говорил, о вере, о христианстве, будущим России человек озабочен. Да он ли только! И Федотов не мог найти время врачу показаться, тоже торопился Россию спасать.

Кстати, эти «мятежные спасатели» так и не ответили следствию — на какие, собственно, деньги куплен дом? Огородников годами не работал, питался в основном на подаяния поклонников и поклонниц, Федотов и Аргентов тоже не принадлежали к числу состоятельных граждан по причине своей недееспособности, да много ли заработаешь, отказавшись от специальности и устроившись дворником. Поначалу Огородников все на отца валил, дескать, отец дом купил. Отец очень удивился: откуда у него деньги? Брат Рафаил тоже отрекся от участия в покупке... Такие дела.

На Западе намечена довольно широкая программа расширения деятельности подрывных, клеветнических групп, замаскированных религиозной терминологией. Причем особенно важно то, что намечена целая программа дискредитации, опорочивания социализма в глазах верующих, чтобы подтолкнуть их на путь сопротивления, неповиновения. Вкравшись и вкось толкая о положении верующих в нашей стране, других социалистических государствах на основании ложных, клеветнических сообщений, вроде тех, которые стряпали Огородников со своей компанией, западные пропагандистские центры пытаются убедить общественное мнение своих стран в том, что верующим у нас не просто тяжело, их положение трагическое, они якобы не имеют элементарных прав, возможностей исповедовать ту или иную религию.

Масштаб этой деятельности говорит о том, какое значение придается идеологической обработке граждан социалистических стран.

Именно поэтому охотно поддерживаются даже такие группки, как огородниковская. Несогласие с политикой социалистического государства является едва ли не самым желательным качеством для западных пропагандистских центров. Такие люди поддерживаются морально, материально, им создается реклама, каждый их шаг становится известным, из них пытаются сделать неких героев, людей, сознательно жертвующих своим благополучием. Их возводят в ранг чуть ли не святых, создают вокруг них ореол великомучеников, тем самым пытаются сделать их неприкосновенными, оградить от правосудия.

Огородников и компания явно выходили в своих интересах и в своих контактах на международную арену. Огородников лично связался по телефону с антисоветчиком Красновым-Левитиным, проживающим ныне в Женеве, и тот согласился официально представлять сколоченную Огородниковым группу. Правда, за это потребовал расширения деятельности, придания ей постоянного характера.

Ну что ж, есть состоятельные заказчики, есть официальный представитель для международных сношений, надо отработать. И Огородников решает шире выпускать в машинописном исполнении клеветнические статьи, объединять все ранее отправленное за рубеж, чтобы удар получился посильнее, заметнее. За рубежом эту идею одобрили. Кое-что приятели перепечатали, кое-что пересняли на пленку, чтобы удобнее было вывезти, пронести через таможенную. Владимир Пореш, который как раз и занимался пересъемкой, выразился об этой работе довольно недвусмысленно: «Статьи рассчитаны на широкий круг читателей. Марксистско-ленинская идеология для нас неприемлема, поэтому материалы были направлены против нее, и мы это понимали».

Клевета в отношении даже отдельного частного лица — это уголовно наказуемое преступление. Тем более опорочивание государственного и общественного строя целой страны. Наступил момент, когда клеветникам пришлось держать ответ. Как выяснилось, они прекрасно понимали истинный смысл своей деятельности и не питали на этот счет никаких заблуждений. Огородников до сих пор стоит на своем. Его можно понять — уж коли вытаскивали его на солнышко да показывали честному народу, каков он есть, то ведь самому придется на хлеб зарабатывать, а к этому он не привык. Остается одно — держаться до последнего за репутацию представителя «русского религиозного ренессанса», которой наделили его зарубежные заказчики. Глядишь, и в будущем не забудут, помянут добрым словом. И в самом деле — нет-нет да и поминают...

В заключение хочется привести слова Петра Семеновича Приходько, который выступал на процессе свидетелем:

— Это что же получается? Они, видите ли, взяли мои права человеческие защищать? Не надо. Свои права я четыре года на войне защищал. Понадобится — опять встану на их защиту. А в таких вот защитниках не нуждаюсь.

ДЫХАНИЕ МУЗЫКИ

А. ДАШИЧЕВА

Волнующие ритмы романтической сказочной грезы «Спящей красавицы» Чайковского и бравадность, эффектность искрометного «Дон Кихота» Минкуса. Величавость и суровость красок средневековой трагедии «Дон Карлос» Верди и страстность, предельная обнаженность любви и отчаяния героев «Тоски» Пуччини...

Все эти чудесные классические творения обрели еще одну новую жизнь на сцене Государственного академического Большого театра Узбекской ССР имени Алишера Навои.

Но рассказ о московских гастролях театра хотелось бы начать не с них.

«...Осознав прошлое — постигай настоящее, и тогда рассеется туман, скрывающий будущее». Слова средневекового мыслителя стали эпиграфом к балету «Любовь и меч» М. Ашрафи.

Героическое прошлое народа, борьба за свободу и независимость своей родины всегда давали значительные, глубокие сюжеты для произведений музыкального театра. Именно подобные произведения (и в этом, несомненно, влияние русского классического, особенно оперного, искусства) выражают высокие идеалы патриотизма, заставляют задуматься о нравственных истоках национального характера.

Показ национальных оперных и балетных спектаклей на своих гастролях стал для узбекского театра имени Алишера Навои хорошей традицией. Интересные работы привозил театр на прошлых гастролях. Они дали возможность представить картину современной музыкальной жизни республики, основные тенденции в оперном и балетном искусстве. Нынешние гастроли еще раз убедительно подтвердили, что творческие позиции театра, его внимание и бережное отношение к своей классике остались прежними. И не случайно театр открыл гастроли своей первой национальной оперой «Буря» М. Ашрафи и С. Василенко. «Буря» не стал обязательным, «дежурным» спектаклем. Его возобновление (спектакль не шел почти сорок лет), новое либретто Камиля Яшена, принципы режиссерского решения Ф. Сафарова, музыкальное прочтение партитуры дирижером Д. Абдурахмановой — все говорит о стремлении дать современную жизнь спектаклю, сделать его близким и понятным зрителям. Благородство задачи по восстановлению оперы состоит еще и в том, что постановка явилась своеобразной данью памяти выдающегося музыкального деятеля узбекской культуры М. Ашрафи. Композитор, педагог, дирижер, он создал прекрасную национальную исполнительскую

школу, достоинства которой так ярко проявились во время гастролей.

...Луч света выхватывает из темноты застывшие на мгновение фигуры. Кажется, что они замерли в момент наивысшего напряжения чувств. В ярости взвились и застыли в воздухе кнуты над распростертым на земле телом человека. Горестно простирая руки, остановились, не в силах расстаться, двое. Силой и несокрушимой волей наполнен порыв народной толпы, одержавшей победу... Эти композиции, возникающие за дымкой прозрачного занавеса, стали своеобразной пластической увертюрой оперы «Буря». В сжатых до символа образах заключены кульминационные моменты оперы, посвященной становлению Советской власти в республике: дружбе русского и узбекского народов. Музыка оперы, в которой словно

Сцена из спектакля «Буря».

Фото А. Степанова.

слышатся причудливые, своеобразные звучания узбекской дойры, наполнена лирикой, гневом, подлинным драматизмом. Прекрасный образ узбекской женщины, жены и матери создала С. Кабулова. Как близок, органичен ее сценическому мастерству характер Зебинисо, жены Бурана, через трагическую судьбу своих близких познающей истинные причины бедствий своего народа.

И еще одну оперу, в основе сюжета которой тоже исторические события, но уже из русской истории, увидели мы на узбекской сцене.

«Петр I» А. Петрова. Постановку этой оперы можно причислить к подлинным удачам театра. В спектакле обнажились огромные потенциальные возможности труппы, способность коллектива мыслить глубоко и современно, интересно, свежо. «Петр I» знает уже не одну редакцию. Музыка А. Петрова, либретто Н. Касаткиной и В. Васильева представляют интересные возможности для постановщика и артистов. Режиссер Ф. Сафаров предложил свое решение, очень своеобразное, непохожее на постановки других театров и вместе с тем говорящее о глубоком постижении замысла музыки оперы,

о современном режиссерском мышлении. Каждая картина (фреска) имеет свой внутренний конфликт и завершенность, а в то же время все они неразрывно связаны, создают ощущение динамично развивающихся событий. Образ Петра I в исполнении В. Гринченко поражает своим размахом, несокрушимостью внутренней энергии, огненным темпераментом, он «могуч и радостен, как бой». Большая удача артиста!

С подлинным драматизмом и поистине вердиевским размахом и глубиной исполнил В. Гринченко и партию Филиппа II в «Дон Карлосе», показав себя артистом высокого класса, обладателем редкого по красоте и силе голоса. Прекрасный ансамбль с ним в «Дон Карлосе» составили также А. Рябова (Елизавета Валуа), В. Браун (маркиз ди Поза) и В. Калиниченко (Дон Карлос). В

Они живут, возрождаясь вновь и вновь, обретая свежесть красок в каждой новой постановке. Законченность и совершенство форм, созданных великими мастерами, высвечиваются отточенными гранями актерского таланта, составляющего неповторимую прелесть искусства театра. В свое время Чайковский на титульном листе клавира «Спящей красавицы» обозначил его жанр — «балет-феерия». Известно, как глубоко композитор ощущал законы театральности. Балетмейстер И. Юсупов стремится следовать великому оригиналу, сохранить основной хореографический текст знаменитого Петипа. Очень хорошо танцевали в спектакле артисты Ф. Сагдуллаева (Аврора), Ш. Турсунов (принц Дежире). Но, к сожалению, в спектакле был сокращен ряд сказочных сцен. А для создания атмосферы важна каждая деталь сценического действия и, конечно же, музыкальная трактовка партитуры (дирижер Х. Шамсутдинов). Необходимо более широкое дыхание музыки, ее эмоциональный размах, чтобы передать укрупненность, пышность, торжественность ансамблей, пиршество музыкальных и танцевальных красок.

Узбекский театр известен не только своими творческими поисками, но и творческим гостеприимством. Приглашение известных мастеров для постановки спектаклей принесло прекрасные творческие плоды. Балет «Анна Каренина» Р. Щедрина в постановке М. Плисецкой, Н. Рыженко и В. Смирнова-Голованова, а также балет «Сотворение мира» А. Петрова, осуществленный Н. Касаткиной и В. Васильевым, заняли заметное место в репертуаре. Они не стали лишь бледными копиями своих столичных оригиналов. Большую культуру в постановку принесли и талантливый дирижер Д. Абдурахманов и исполнители: Б. Кариева, З. Давлетмуратова, Г. Хамраева, Х. Бозоров, К. Фридлянд и другие артисты. Балетная труппа театра, руководимая балериной Г. Измайловой, показала на гастролях растущее мастерство, открыла много новых интересных имен.

Гастрольная афиша театра имени Алишера Навои содержала одиннадцать названий спектаклей. Многие из них поставлены в последние годы, многие уже прочно вошли в репертуар. Театр в республике пользуется вниманием и подлинной поддержкой. Все это дает возможность постоянно укреплять труппу талантливыми артистами, перспективной молодежью, создает все условия для дальнейшего роста профессионального мастерства. И вот ощутимые результаты. Почти месяц продолжались гастроли в столице, и все эти дни зал, огромный зал Кремлевского Дворца съездов, был переполнен любителями оперного и балетного искусства.

МИХАИЛУ БОТВИННИКУ — СЕМЬДЕСЯТ

Это произошло в Ленинграде в 1925 году. Чемпион мира Хосе Рауль Капабланка давал сеанс одновременной игры. Быстро, почти не задумываясь, переходил он от доски к доске и, словно шутя, молниеносно передвигал фигуры. Но у одного столика, где сидел худенький мальчик в очках, знаменитый кубинец подолгу задерживался. Фигуры юного противника со всех сторон теснили короля чемпиона мира.

— Молодец! Будет мастером, — сказал Капабланка и положил своего короля в знак капитуляции.

Чемпион мира не ошибся. Через два года, когда закончился пятый чемпионат СССР, зрители с удивлением наблюдали, как раскрасневшийся юноша в очках взлетал к потолку...

Такова была тогда традиция посвящения в шахматные мастера. Юношу звали Михаил Ботвинник.

И все же, отмечая несомненное дарование юного Ботвинника, Капабланка вряд ли мог предположить, что встречается с будущим чемпионом мира. А Миша Ботвинник, увлекшись шахматами, сразу же поставил перед собой необычайно высокую цель — овладеть вершинами шахматного мастерства. Он был полон честолюбивых надежд и решимости выполнить эту задачу и смело двинулся к достижению своей цели.

1931 год. VII первенство СССР. Двадцатилетний Ботвинник завоевывает звание чемпиона страны.

1933 год. VIII первенство СССР снова заканчивается победой молодого ленинградца. Ботвинник становится признанным лидером советских шахматистов. Это высокое, хотя и неофициальное звание он с честью пронесет свыше тридцати лет.

1935 год. Ботвинник один из победителей II Московского между-

народного турнира. Он удостоивается звания гроссмейстера.

1936 год. Вместе с Капабланкой Ботвинник побеждает в крупнейшем международном турнире в Ноттингеме, оставляя позади Алехина, Эйве, Ласкера и других. Шахматный мир называет советского чемпиона претендентом на мировое первенство.

В 1938 году Ботвинник договаривается с чемпионом мира А. Алехиным о матче. Но его проведению мешает вспыхнувшая мировая война.

В 1946 году Алехина не стало. ФИДЕ — Международная шахматная федерация — принимает решение провести матч-турнир претендентов. Его участники — Ботвинник, Керес, Смыслов, Эйве и Решевский. Этот матч-турнир состоялся в 1948 году и закончился триумфальной победой Михаила Ботвинника. Впервые чемпионом мира стал гражданин СССР. Победа Ботвинника была не только его личным достижением. Это был успех советской шахматной школы, с этого времени прочно занявшей передовые позиции на мировой шахматной арене.

Каждый чемпион мира вносит что-то новое в эту старинную, но вечно молодую игру — шахматы. Что же новое внес в нее Михаил Ботвинник?

Ботвинник всегда был выдающимся исследователем шахмат, и ряд систем, вариантов продолжений и просто ходов ныне связан с его именем. Не менее выдающимся достижением Ботвинника явилась разработка методов совершенствования и подготовки шахматиста. Пожалуй, Ботвинник первым научился полностью, вплоть до самовнушения, управлять собой во время партии или целого соревнования, как он сам говорит, — научился «самопрограмми-

роваться», научился совершенствовать свои сильные стороны и исправлять недостатки.

Создал Ботвинник и специальную систему психологической подготовки к встречам с соперниками. Он умел обнаружить у них «ахиллесову пятну».

Система подготовки, разработанная Ботвинником, требует поистине железного характера. А характера ему не занимать. Стоит отметить, что из своей системы Ботвинник никогда не делал секрета, и ныне система подготовки «по Ботвиннику» стала одним из краеугольных камней советской шахматной школы.

Став чемпионом, Михаил Моисеевич пятнадцать лет удерживался на шахматном троне, сыграв четыре матча, защищая свое звание от наиболее сильных претендентов, и два матча-реванша, причем оба выиграл. Вершиной его успехов явился матч-реванш с М. Талем. Блестяще подготовившись к поединку, он не дал Талю получить «свою игру», сумел тонко использовать промахи противника. И произошло это на рубеже пятидесятилетия Ботвинника!

Для моего поколения, пришед-

шего в шахматы в середине тридцатых годов, Ботвинник был кумиром, источником преклонения и подражания. Мы учились на его партиях, творчески осваивали его методы подготовки и совершенствования.

Помню, как, будучи кандидатом в мастера, я впервые встретился с ним за шахматной доской и, написав на бланке «Ботвинник», незаметно ущипнул себя за руку, чтобы убедиться, что мне все это не приснилось.

Годы берут свое, и в конце концов Ботвиннику пришлось уступить дорогу более молодым. Отказавшись от практических выступлений, он организует очно-заочную школу для лучших представителей нашей молодежи. Достаточно сказать, что в этой школе совершенствовались А. Карпов, В. Балашов, Е. Ахмыловская, А. Разуваев и другие молодые шахматисты. Его учеником является Г. Каспаров.

Следует отметить, что Ботвиннику всегда удавалось сочетать занятия шахматами с основной работой по специальности. Окончив ленинградский Политехнический институт, он защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию.

Уже много лет доктор технических наук М. М. Ботвинник занимается разработкой шахматной программы «Пионер», которая должна действовать по тому же принципу, как думает шахматный мастер. Работа эта близка к завершению.

17 августа Михаилу Моисеевичу Ботвиннику исполняется 70 лет. Он по-прежнему энергичен, целеустремлен. И от имени всех советских любителей древней игры мне хочется поздравить патриарха наших шахмат со славным юбилеем, пожелать ему здоровья, долгих лет жизни и успехов в воспитании молодых шахматистов и в создании шахматной программы.

Ю. АВЕРБАХ,
международный гроссмейстер,
заместитель председателя
Федерации шахмат СССР

Брачный этюд

Людмила МАКАРОВА,
Татьяна АЛЕКСАНДРОВА

Жениться Степан любил больше всего по весне. Он находил это особенно романтичным. Вот и нынче, как только кошки со своими серенадами вылезли из теплых подвалов на мокрые весенние крыши, Степан уже стоял на полосатом ковре отдела регистрации гражданских браков рука об руку с солисткой народного хора Стеллой Оськиной, пышностью своего расцвета далеко обогнавшей стоявшее на дворе нежное время года. На этот раз Степан нервничал. Его рука обильно потела под гнетом розовых пальчиков невесты, а подаренный предыдущей тещей галстук сильно затруднял дыхание новобрачного. Нервничал же Степан потому, что брак был... фиктивным! Степану нужна была московская прописка. И казалось брачащемуся, что всякий, кто увидит их вместе с невестой, должен немедленно об этом догадаться!

Но вот репродуктор торжественно заиграл: «Сладкую ягоду ели вместе, горькую ягоду я одна!» — и Степан поставил свою подпись в амбарной книге регистрации браков.

— Степан, — мягко сказала Стелла, когда они остались одни в ее уютной квартирке, — если хотите, можете жить на моей площади, я часто гастролирую...

— Да нет, спасибо, я уже давно угол снимаю, уж как-то обжился там.

— Ну, как знаете. Я ведь предложила только потому, что боюсь, как бы кто не догадался, соседи или там родители... Очень я этого боюсь!

Степан тоже боялся. Ему мерещились ужасы разоблачения, он представлял себе, как суд требует от него публичного доказательств нефиктивности брака.

Однако, подумав, супруги решили, как обмануть родственников и общественность. Жила Стелла в доме старой постройки, без мусоропровода. Поэтому Степан каждый день приезжал к ней и выносил мусорное ведро. Выносил он его медленно, иногда нарочно опроки-

дывал посреди двора, чтобы потом долго подбирать мусор, украдкой наблюдая за реакцией соседей. По субботам же Степан исправно таскался на семейные обеды к Стеллиной маме. По воскресеньям регулярно выбивал им же специально для этой цели купленный ковер. По понедельникам молодые супруги ходили в ближайший клуб, после сеанса громко обсуждая просмотренную кинокартину под окнами наиболее осведомленных в жизни двора Иранды Яковлевны и Марьи Семеновны. По средам Степан обходил в халате поочередно всех соседей в подъезде и униженно просил иголлку, кастрюлю, анальгин («У моей жenuшки разболелась головушка»). По пятницам Степану вменялось в обязанность рано утром выходить из Стеллиной квартиры и, спустившись во двор, во весь голос кричать: «Киска! Я опять ключи забыл. Милая, по-моему, они в твоём халатике с кружавчиками, выбрось мне их, пожалуйста!»

Однако, несмотря на конспирацию, страх преследовал Степана, как заведующего продмагом дружбы детства.

Тем временем Стелла с самозабвенным упорством Сизифа пыталась втащить на крутую скалу своего темперамента тяжелый камень личного счастья.

И худшее случилось. На Стелле решились жениться! Отважный одессит предложил брак настоящей. Стелла была настолько счастлива, что ее меццо-сопрано стало сопрано колоратурным. О, дикая стихия женских чувств, твои

цунами не в силах предсказать ни один метеоролог, извержения — ни один вулканолог, а когда наступает великое оледенение, то капитулирует вся наука гляциология! Стелла решила предстать пред алтарем гражданской регистрации с незатуманенным прошлым. И для придания своему прошлому ореола невинности и сознательного аскетизма Стелла решила порочащий ее брак со Степаном аннулировать!

Степан был в отчаянии, однако огромные надежды возлагал на соседей, особенно на Иранду Яковлевну и Марью Семеновну: зря что ли он четыре года мусор таскал!

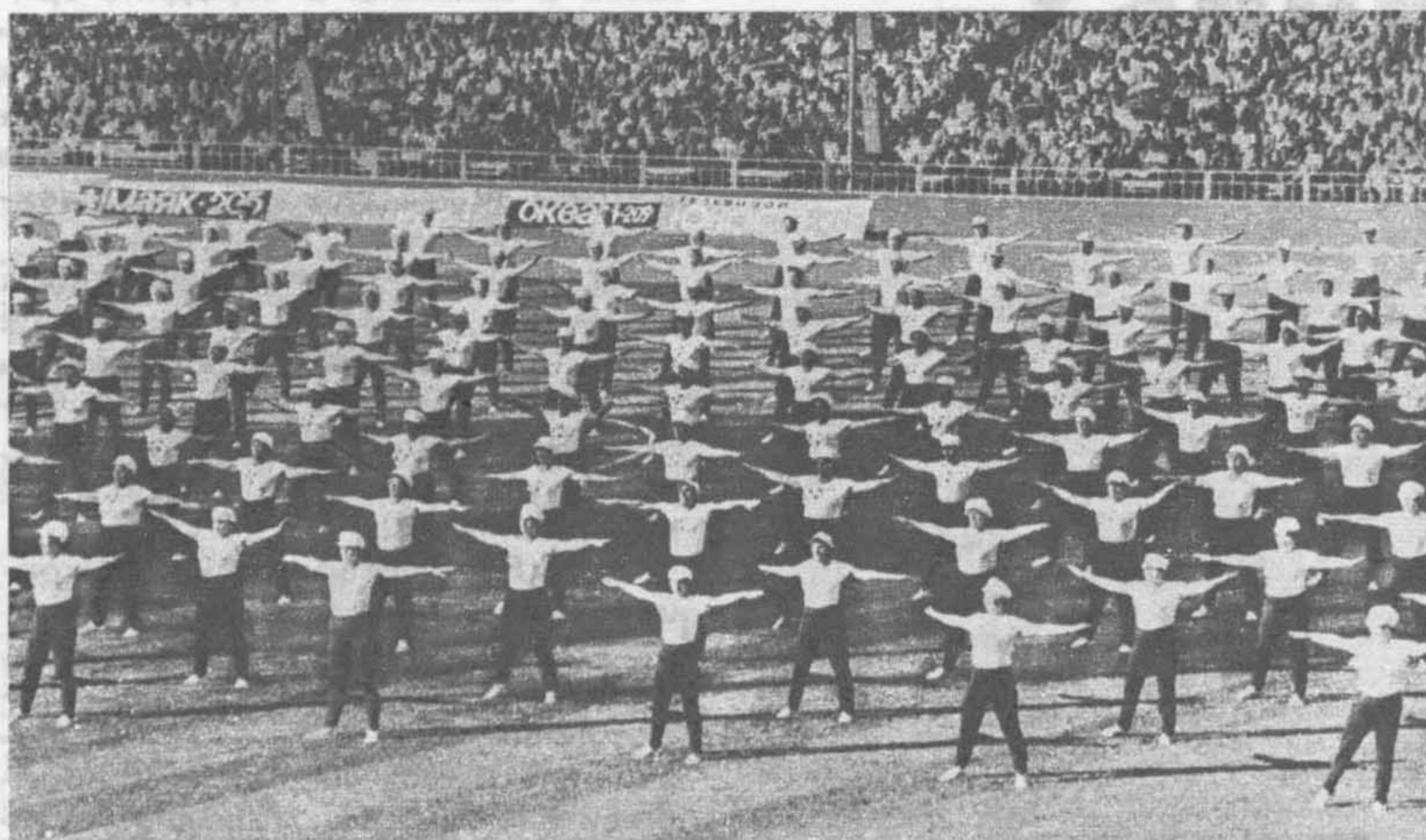
Но в суде соседи в один голос подтвердили, что брак был фиктивным. Иранда Яковлевна говорила:

— Он без конца ходил в магазин, он рано возвращался домой, он не смотрел на других женщин, он каждый день выносил мусорное ведро...

— Он дружил с соседями, он ходил в гости к ее родителям, он выбивал ковер и все время называл жену милой, — подбавила обвинительных фактов Марья Семеновна. — Разве настоящие мужья так себя ведут?!

На том и порешили — брак был аннулирован, и Стелла вышла замуж, с полным правом в день свадьбы украсив себя флердоранжем.

А Степан, проклиная суровые московские будни, уехал жениться на подруге детства в свой родной город.

Центральный стадион имени В. И. Ленина 8 августа 1981 года.
Фото А. Бочинина

СЛАВА СТАДИОНА

Страна отметила 25-летний юбилей главного стадиона страны. Прекрасен стадион в те дни, когда заполнен до отказа, когда большая арена дышит спортивным азартом, радостью победы, дерзанием. Такой мы увидели ее 31 июля 1956 года, когда она приняла своих первых зрителей. Открытие стадиона совпало с открытием первой Спартакиады народов СССР, и с тех пор Большая арена стала местом борьбы участников еще шести Спартакиад, VII Всемирного Фестиваля молодежи, двадцати чемпионатов мира и Европы и, наконец, XXII Олимпийских игр.

За эти годы около 300 миллионов человек побывали на трибунах Центрального стадиона имени В. И. Ленина, а сколько еще зрителей смогли побывать в Лужниках с помощью радио и телевидения, разве сосчитать?

За четверть века на стадионе, построенном в излучине Москвы-реки, проведено 15 тысяч соревнований. Именно здесь, на стадионе имени В. И. Ленина, были созданы первые группы общефизической подготовки, которые затем возникли на многих стадионах страны. Здесь был построен спортивный детский городок со своим стадионом, спортивными залами, и разве можно сосчитать, сколько

ребят за эти годы приобщилось тут к физической культуре и спорту...

С того дня, когда 25 лет назад торжественно открылась Главная спортивная арена, стадион непрерывно расширялся. Теперь на 180 гектарах разместились 144 спортивных сооружения — Дворец спорта, Малая спортивная арена, совершенно реконструированная и Олимпиаде, плавательный бассейн, новый универсальный зал «Дружба» — еще одна лужниковская новостройка, тренировочный каток «Кристалл», детский городок, о котором мы уже упоминали. На территории стадиона действуют 30 теннисных кортов, 28 спортивных залов, да и Главная спортивная арена стала объемистой, удобной для спортсменов и зрителей. Только ее беговая дорожка реконструировалась четыре раза. На прошедшей неделе на этой красной тартановой дорожке, в секторах для прыжков и метаний мы увидели выступления сильнейших легкоатлетов, оспаривающих места в сборной команде страны, которая будет выступать на Кубке Европы в Югославии, и наших гостей из 16 стран. А 8 августа, во Всесоюзный день физкультурника, на Большой арене состоялся большой и красочный праздник.

В. ВИКТОРОВ

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

Ушел из жизни Леонид Александрович Кудреватых — талантливый журналист, писатель, опытный редактор. Он принадлежал к старшему поколению мастеров документальной прозы и художественного очерка. Он был очеркистом-публицистом, певцом нашей эпохи, ее героев, ее свершений. Этому были посвящены вся его жизнь, его страстное слово коммуниста, считавшего для себя обязательным быть там, где происходят самые важные, острые события.

В годы Великой Отечественной войны он находился в действующей армии в качестве военного корреспондента «Известий» и был награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, многими медалями.

В послевоенные годы в газетах, журналах публиковались его яркие очерки, написанные по горячим следам многочисленных поездок по стране и за ее рубежи. Они вошли в книги, отмеченные признанием читателей, высоко ценивших творчество писателя-очеркиста. Последние годы его жизни были неразрывно связаны с «Правдой».

Леонид Александрович всегда был большим другом «Огонька», длительное время он был заместителем главного редактора нашего журнала. Огоньковцы любили и уважали его за редкостную доброту, трудолюбие, чувство товарищества.

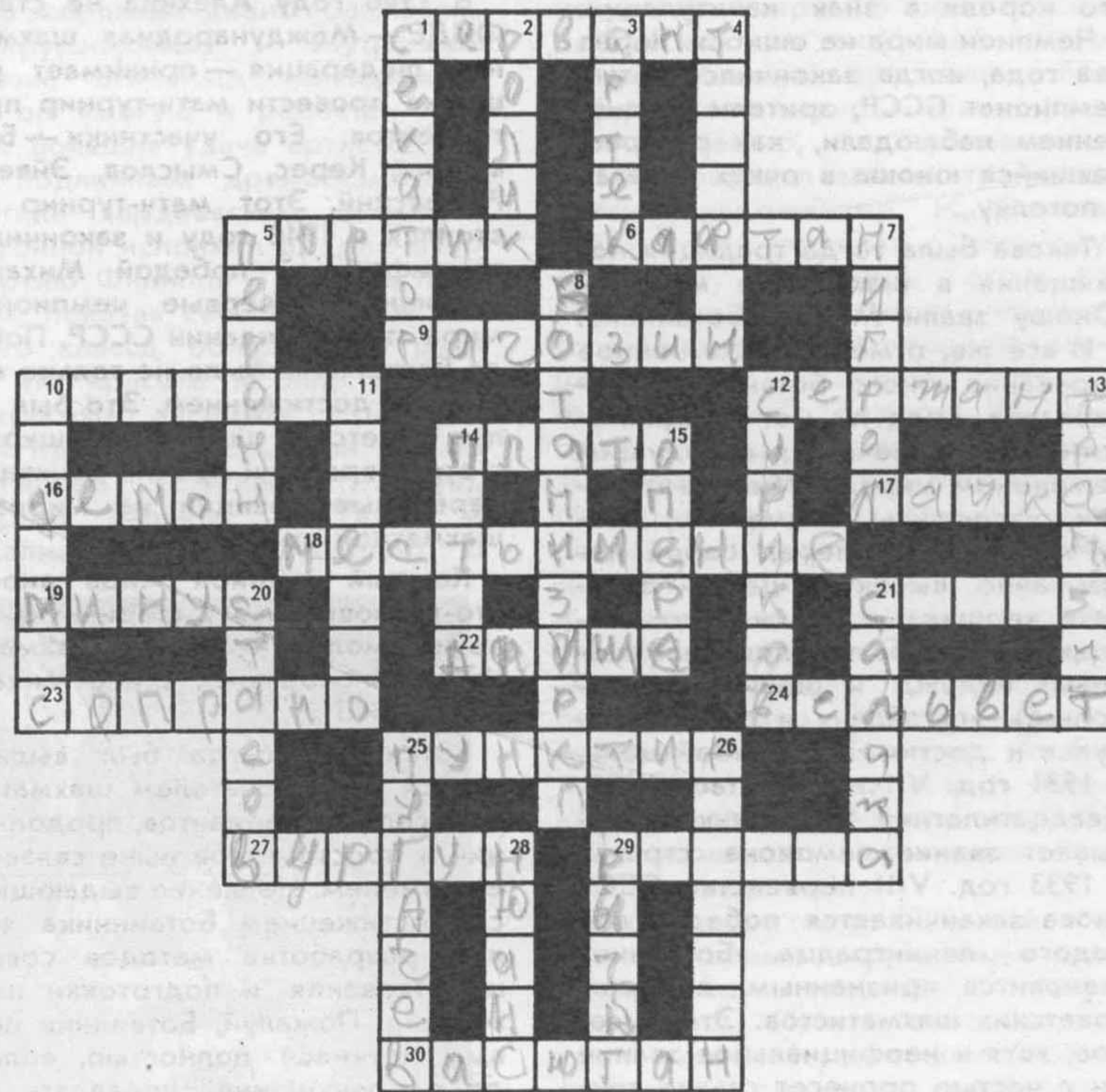
Огоньковцы будут всегда хранить память о нем.

Огоньковцы

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Шкаф для посуды и столового белья. 5. Галерея на колоннах, столбах перед входом в здание. 6. Старинная верхняя одежда. 9. Персонаж трилогии К. А. Федина. 10. Советский космонавт, дважды Герой Советского Союза. 12. Военное звание. 14. Возвышенная равнина. 16. Опера А. Г. Рубинштейна. 17. Охотничья собака. 18. Часть речи. 19. Математический знак. 21. Киргизский музыкальный инструмент. 22. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 23. Высокий детский голос. 24. Ворсовая хлопчатобумажная ткань. 25. Прерывистая линия. 27. Народный поэт Азербайджана. 29. Декоративное плодородное дерево, кустарник. 30. Приток Оби.

По вертикали: 1. Садовые ножницы. 2. Фарфоровый изолятор для электропроводки. 3. Всесоюзный пионерский лагерь в Крыму. 4. Музыкальный ударный инструмент. 5. Пассажирская платформа на вокзале. 7. Трансмиссионное масло. 8. Специальная коробка для сбора растений. 10. Спутник Юпитера. 11. Горный хребет в Югославии. 12. Художник-передвижник. 13. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных станциях. 14. Центр штата в Индии. 15. Музыкально-театральное произведение. 20. Русский художественный и музыкальный критик. 21. Мелкая промысловая рыба. 25. Поэма С. А. Есенина. 26. Русский библиограф, книговед. 28. Оттенок, тонкое различие. 29. Устройство для уравнивания большей силы меньшей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 5. Перекладина. 7. Шлюп. 9. Моор. 10. Празеодим. 12. Табло. 13. Арсен. 14. Кросс. 16. Клиника. 17. Лагранж. 18. Цесарка. 20. Квинтет. 22. Сутки. 23. Асино. 24. «Конец». 25. Ветреница. 28. Вега. 29. «Влас». 30. Ассортимент.

По вертикали: 1. Халцедон. 2. Кета. 3. Удод. 4. Слиток. 6. Тоннаж. 8. Публицистика. 9. Массалитинов. 10. Полицарпов. 11. Маргаритка. 14. Каунас. 15. Сливки. 18. Цианея. 19. Аттестат. 21. Тициан. 26. «Трое». 27. Ижма.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Старт.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Летный день завершен. (См. в номере материал «Полчаса в стратосфере».)

Фото В. Грибова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

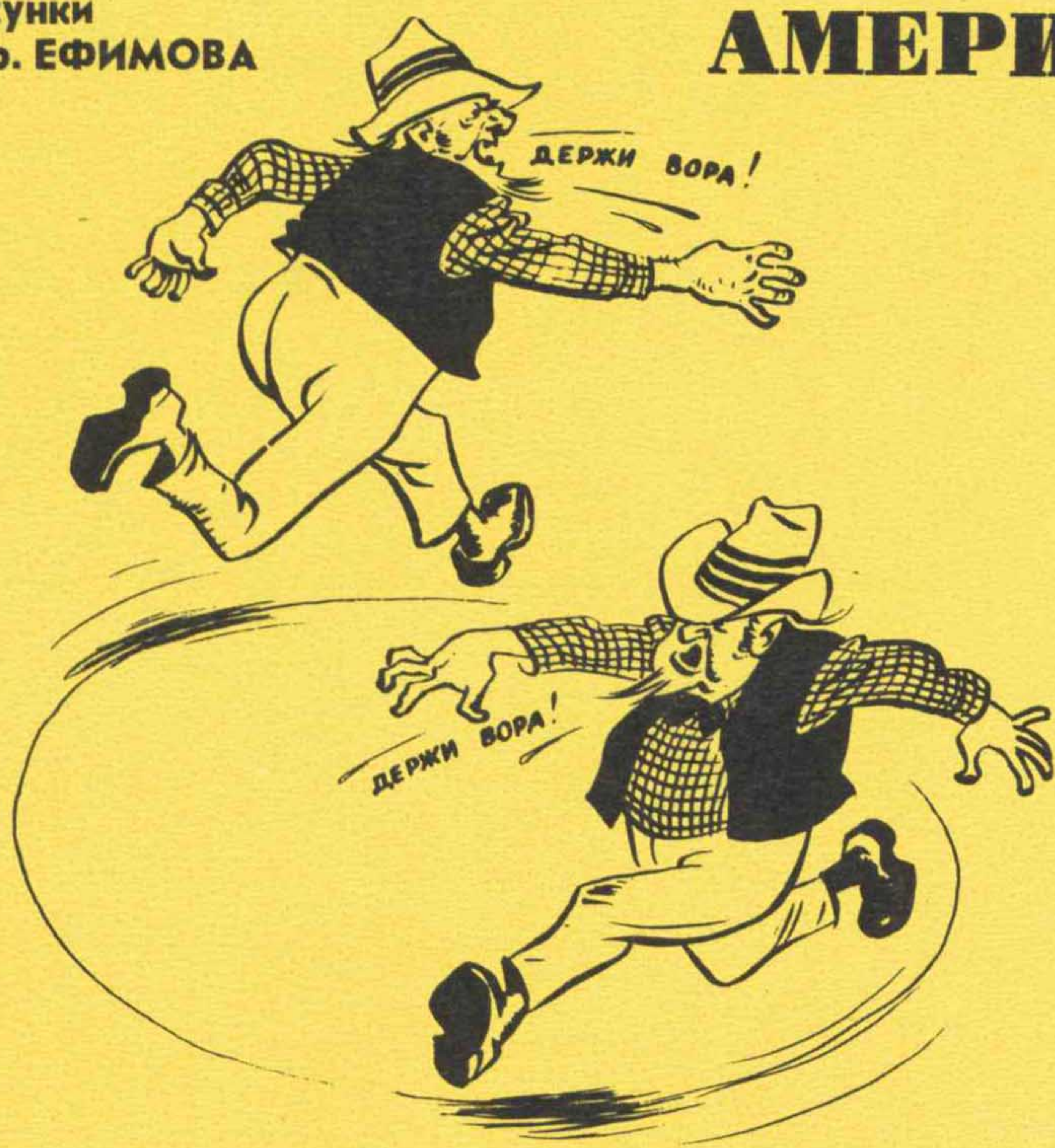
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 27.07.81. Подписано к печати 11.08.81. А 00408. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2065. Заказ № 910.

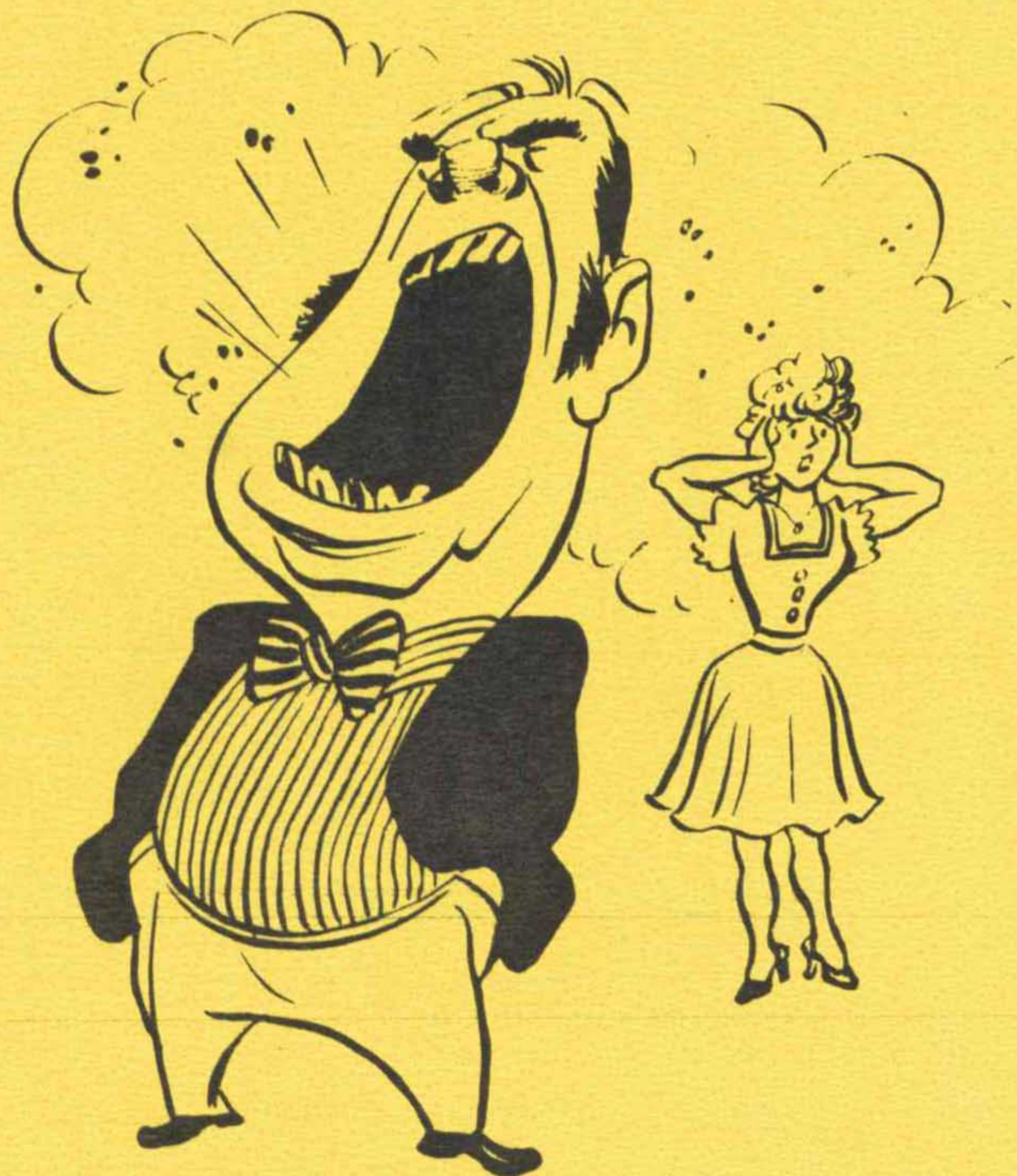
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

ВОРЫ БЕЗ ПОЛИЦЕЙСКИХ

В США воруют не только мелкие уголовники, но и самые высокопоставленные государственные мужи, занимающиеся финансовыми махинациями с правительственными фондами. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» констатирует: «Мы становимся нацией воров».

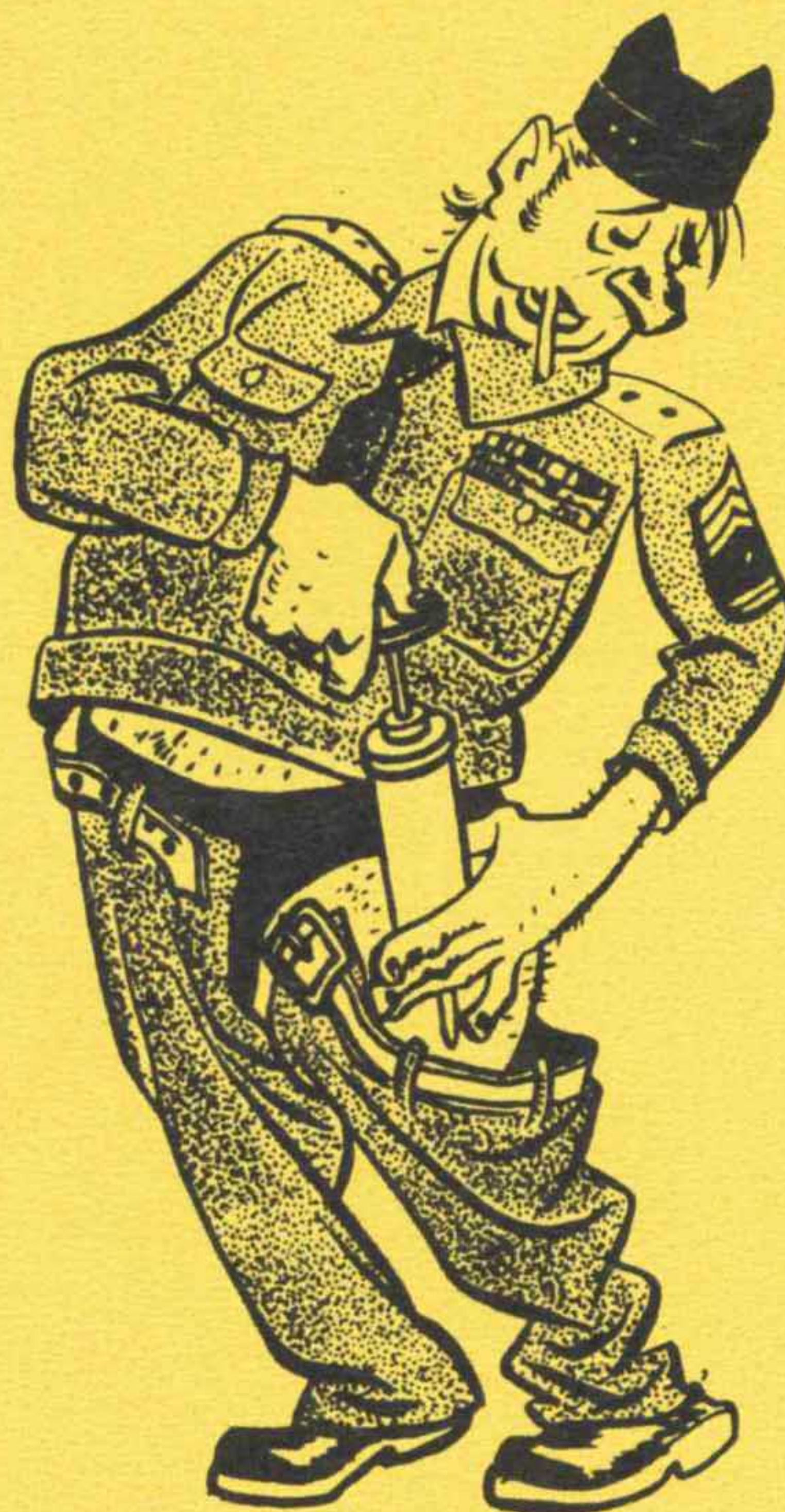
Проворный вор не избежит позора,
Когда вокруг кричат: «Держите вора!»
Когда ж ворует в Штатах большинство,
Кому кричать? Задерживать кого?

АНАЛОГИЧНО

Верховный суд американского штата Алабама отменил действовавший с 1852 года закон, запрещавший произносить вслух бранные слова в присутствии женщин.

Все грубияны радости полны,
Но сей вердикт суда отнюдь не странен:
Ведь и для тех, кто бредит полем брани,
Ограниченья все отменены.

ПУТЬ К СЛАВЕ

В новом докладе, подготовленном американскими специалистами, говорится, что среди военнослужащих США, расквартированных в Европе, 6—9 процентов пристрастились к сильному наркотику — героину.

Становятся вчерашние ковбои
Героями совсем не без причин:
Постольку эти воины — «герои»,
Поскольку потребляют героин.

ОБИДА

На конференции «О ядерной войне в Европе» американец Дж. Ларок не без иронии заметил: «В США возрастает влияние военных, которые находятся вне всякого контроля, они стали чем-то вроде «священных коров».

Почтенная «священная корова»
Не оскорбится ль за сравненье с ней?
И впрямь: у пентагоновца любого
И волчий нрав и уши подлинней.

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

